

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10>

UDC 930.26(470.65):903.05
LBC 63.48(2Рос.Сев)-4

Submitted: 17.03.2023
Accepted: 17.04.2023

**THE COMPLEX OF METAL OBJECTS
FROM THE FIRST TURKIC KHAGANATE PERIOD
FROM THE BESLAN BURIAL GROUND (NORTH OSSETIA)¹**

Igor O. Gavritukhin

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article discusses metal finds from the burial 1 under the kurgan 876 of the Beslan kurgan catacomb burial ground which are suitable for reconstructing the appearance of the objects. The results of these kurgan excavations are presented in the same issue of the Journal by D.S. Korobov and V.Yu. Malashev; this article is an analytical appendix to their research paper. Small hollow B-shaped buckles with a fixed plate in the form of a “heraldic shield” with side notches are divided into five blocks of variants. The author has presented their catalog, map, and basis for dating. The buckles from Beslan are a synthesis of Eastern European and Byzantine traditions, their closest analogue is found in Karshi-Bair (Southwestern Crimea) and is dated from about the mid – 3rd quarter of the 6th century AD. Other close analogies are indicative mainly for the second half of the 6th – early 7th century. The flat four-petal belt mounts with beveled edges are divided into three blocks of variants. Their catalog and map are presented, the evolution in time and area are considered, taking into account mounts of similar shapes. The Beslan belt mounts belong to the block of variants 2 formed in the Lower Kama basin or in the zone that includes this region. Their emergence in the North Caucasus is connected with the establishment of the control of the First Turkic Khaganate here between 569 and 576. The distribution of similar objects in a number of regions is explained by the involvement of local troops in the military actions of the Turks. For the sedentary population, this also marks the distribution of early versions of pseudo-buckles. Three fragments from Beslan are interpreted as strap-ends imitating expensive products decorated with inserts and grains. The spring with a bowstring and a needle on a T-shaped stand belonged to a fibula, most likely double-plate characteristic of the North Caucasus in the mid-5th – 6th / first half 7th century AD. The complex 876 of the Beslan kurgan catacomb burial ground, as well as a number of other complexes from the North Caucasus, dating to about the 3rd third 6th – early 7th century, are indicators of the First Turkic Khaganate period in the history of the Alans and other peoples of the North Caucasus.

Key words: North Caucasus, Alanian culture, the Turkic Khaganate, cultural connections, buckles, strap-ends and belt mounts, fibulae.

Citation. Gavritukhin I.O., 2023. Kompleks metallicheskih izdeliy epohi Pervogo Tyurkskogo kaganata iz Beslanskogo mogil'nika (Severnaya Osetiya) [The Complex of Metal Objects from the First Turkic Khaganate Period from the Beslan Burial Ground (North Ossetia)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 139-202. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10>

УДК 930.26(470.65):903.05
ББК 63.48(2Рос.Сев)-4

Дата поступления статьи: 17.03.2023
Дата принятия статьи: 17.04.2023

**КОМПЛЕКС МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ
ЭПОХИ ПЕРВОГО ТЮРКСКОГО КАГАНАТА
ИЗ БЕСЛАНСКОГО МОГИЛЬНИКА (СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ)¹**

Игорь Олегович Гавритухин

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются металлические находки из погребения 1 под курганом 876 Бесланского курганного катакомбного могильника, которые пригодны для реконструкции облика изделия. Результаты раскопок этого кургана представлены в этом же номере журнала Д.С. Коробовым и В.Ю. Малашевым, и данная

статья является аналитическим приложением к их публикации. Маленькие полые В-образные пряжки с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы, разделены на пять блоков вариантов. Представлены их каталог, карта, основания для датировки. Пряжки из Бесланского могильника демонстрируют синтез восточноевропейских и византийских традиций, их ближайший аналог найден в Карши-Баире (Юго-Западный Крым) и датируется около середины – третьей четверти VI в., другие близкие аналогии показательны в основном для второй половины VI – начала VII века. Плоские четырехлепестковые накладки со скошенными краями разделены на три блока вариантов. Представлены их каталог и карта, рассмотрена эволюция во времени и пространстве с учетом накладок схожих форм. Накладки из Бесланского могильника относятся к блоку вариантов 2, сложившемуся в бассейне Нижней Камы или зоне, включающей этот регион. Их появление на Северном Кавказе связано с установлением здесь контроля Первого Тюркского каганата между 569 и 576 годами. Распространение схожих вещей в ряде регионов объяснимо привлечением местных отрядов в военные действия тюрков. Для оседлого населения это маркирует и распространение ранних вариантов псевдопряжек. Три фрагмента из Бесланского могильника интерпретированы как ременные наконечники, имитирующие дорожные изделия, украшенные вставками и зернью. Пружина с тетивой и иглой на Т-образной стойке принадлежала фибуле, скорее всего, двухпластинчатой, характерной для Северного Кавказа в середине V – VI / первой половине VII века. Комплекс из кургана 876 Бесланского курганного катакомбного могильника, как и ряд других комплексов Северного Кавказа, датированных около третьей трети VI – начала VII в., является показателем эпохи Первого Тюркского каганата в истории алан и других народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, аланская культура, Тюркский каганат, культурные связи, пряжки, ременные накладки и наконечники, фибулы.

Цитирование. Гавритухин И. О., 2023. Комплекс металлических изделий эпохи Первого Тюркского каганата из Бесланского могильника (Северная Осетия) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 139–202. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10>

Археологический комплекс, включающий Бесланский могильник и Зильгинское городище (Республика Северная Осетия – Алания), давно стал одним из опорных в изучении аланской археологической культуры. Правда, эпоха Великого переселения народов до недавнего времени была в нем представлена лишь материалами с городища, а синхронные погребальные памятники известны не были. Новые исследования восполняют этот пробел. В ходе работ 2019–2020 гг. (см. в данном номере: [Коробов, Малашев, 2023]) на могильнике был выделен участок с курганами, имеющими квадратные ровики, получившими в регионе распространение в эпоху Великого переселения народов, а раскопки двух курганов подтвердили эту датировку.

Наиболее выразительный комплекс находок эпохи Великого переселения народов происходит из погребения 1 кургана 876. Описание этого захоронения, анализ представленных в нем погребальных обрядов и керамических сосудов опубликованы [Коробов, Малашев, 2023]. Эту публикацию дополняет данная статья, посвященная находкам из металла, происходящим из указанного погребения. Я благодарен Дмитрию Сергеевичу Коробову и Владимиру Юрьевичу Малашеву за воз-

можность ознакомиться с находками до их публикации, приглашение к исследованию этих вещей и помощь в работе. Отдельные благодарности: Залине Петровне Кадзаевой за позволение использовать материалы ее раскопок и консультации по памятникам Северной Осетии; Анне Анатольевне Кадиевой и Серафиму Анатольевичу Гончарову за позволение использовать их наработки по могильнику Гоуст и консультации по коллекциям Государственного исторического музея (Москва); Александру Анатольевичу Красноперову за консультации по памятникам Камского региона и позволение опубликовать ряд его рисунков; Александру Сергеевичу Зеленкову за консультации по памятникам Западной Сибири. Конечно, я благодарен и другим коллегам, помогавшим мне в работе на протяжении многих лет, о некоторых из них сказано ниже при обращении к соответствующим материалам.

1. Маленькие В-образные полые пряжки с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы

Такие изделия представлены одним целым экземпляром (рис. 1,30, 5Б,4; [Коробов,

Малашев, 2023, рис. 7,1]). Обломок схожего изделия (рис. 1,24, 5Б,5; [Коробов, Малашев, 2023, рис. 7,2]), скорее всего, является частью пряжки, парной той, что найдена целой, и того же типа, хотя нельзя исключить и его принадлежность пряжке другого типа, например с четырехугольной рамкой (сочетание разных типов иногда встречается у пары в одной гарнитуре). Соотнесение этого фрагмента с совсем другим изделием (накладкой или т. п.) представляется очень маловероятным.

Пряжки, аналогичные интересующим нас на уровне типа (см. ниже), впервые выделил А.И. Айбабин как вариант 4-3 типа II В-образных пряжек. Он указал 4 комплекса с такими находками в Крыму, по одному в Румынской Добрудже (то есть на территории Византии) и в северопричерноморских степях (приложение, список 1, № 6, 11, 19, 26, 27, 31), датированные по двум комплексам из Крыма, в соответствии с его хронологической системой, второй четвертью VII в. [Айбабин, 1990, с. 39, рис. 2, признак 113].

Мною в статье 1999 г. такие пряжки были выделены в рамках нескольких серий типа «маленькие с боковыми вырезами на обойме» группы «В-образные, изготовленные вместе со щитовидной обоймой», включающих находки из 17 пунктов. Наиболее ранние образцы были указаны в связи с двумя культурными кругами: пряжки, выполненные в позднеантичных традициях (рис. 1,33,35), были датированы в рамках третьей трети VI – начала VII в.; формирование волжской серии (рис. 1,37,39) было отнесено приблизительно к середине VI века. Остальные пряжки датировались в пределах начала – середины VII в., не исключая некоторого удревнения нижней границы этого хронологического отрезка [Гавритухин, 1999, с. 186–189]. Со времени этой работы прошло почти четверть века. Часть предложенных тогда датировок можно откорректировать, а новый материал (теперь из 32 пунктов) позволяет модифицировать типологическую группировку.

В соответствии с новой типологией рассматриваемые пряжки относятся к группе «В-образные, без выступов в задней части рамки, полые, с неподвижным щитком²», подгруппе «со щитком, напоминающим “гераль-

дический щит”, и схожих форм». В рамках данной группы (как и ряда других, где это целесообразно) выделяется модификация «маленькие», когда размерные стандарты отражают и функцию пряжек, связанных с обувью, уздой, вспомогательными ремнями и т. п., в отличие от более крупных, как правило, поясных пряжек [Gavritukhin, 2018, р. 54]. Размерные границы «маленьких» пряжек, конечно, не жесткие и устанавливаются эмпирически для каждой подгруппы.

Наименование типа рассматриваемых пряжек осталось прежним – «с боковыми вырезами на щитке», но из него исключены те экземпляры, упомянутые в работе 1999 г., которые не соответствуют новым определениям группы и подгруппы. Часть пряжек волжской серии, ныне отнесенных к серии Коминтерн (приложение, список 2А), выведена за рамки этого типа. Внутри него оставлено только деление на варианты, состав которых пересмотрен, серии же пока не выделяются³. С учетом сказанного можно определить и примерную размерную границу пряжек данного типа – длиной до 3 см, не исключая единичных немного более крупных экземпляров.

Пряжки, отнесенные по типологии 1999 г. к одному варианту, заметно отличаются по ряду параметров – от размеров изделия, пропорций его деталей, вариаций язычка до технологий изготовления вещи и способов крепления их к ремню. Очевидно, что со временем они будут подразделены на более дробные варианты, а сейчас объединены в таксоны уровня «блок вариантов», которые выделяются по абрису щитка.

Для одного экземпляра с Балкан (рис. 1,28) документировано крепление в виде пары «ушек» (пластин с отверстием, которые продевались сквозь ремень и закреплялись с его обратной стороны штырем, вставленным в отверстие), что указывает на изготовление в традициях византийских мастеров. Крепление с помощью петель, тоже характерное для вещей, изготовленных в византийских традициях, зафиксировано в Италии и на пряжке той же серии из Юго-Западного Крыма (рис. 1,35,36). Для одного случая из Среднего Подунавья, трех из Крыма и трех с Северного Кавказа есть данные о креплении с помощью шпеньков (рис. 1,2–4,6,7,17,26,34),

что было широко распространено за пределами Византии, но не чуждо некоторым византийским находкам.

Блок вариантов 1 включает пряжки с полуовальным щитком (приложение, список 1, № 1–10; рис. 1,1,2,6,11,12,17,21–23,28,29). Они найдены в 10 пунктах (рис. 2,а), в том числе 4 в Юго-Западном Крыму, 2 на Северо-Востоке Балкан, 1 в Среднем Подунавье, 1 в верховьях Рейна, 1 в верховьях Кубани и 1 на Алтае.

Дату пряжки из цистерны П-1967 в Херсонесе (рис. 1,17,18, 3,26) определяет время засыпки этой цистерны. Судя по позднейшим металлическим находкам (рис. 3,26–29), это произошло между серединой VI и первыми десятилетиями VII в., чему не противоречит состав массового материала [Гавритухин, 2002]. Такая датировка соответствует выделенному Л.А. Голофаст горизонту засыпок цистерн в связи с перестройками в нескольких кварталах ранневизантийского Херсонеса / Херсона, датируемых концом VI – началом / первой четвертью VII в. [Голофаст 2001; 2002; Голофаст, Рыжов, 2013]. Эта дата и может рассматриваться как *terminus ante quem* данной пряжки, нижняя же хронологическая граница определяется временем распространения экземпляров, близких интересующему нас по ряду деталей (рис. 3,23,26,31,34).

В склепе 2 могильника Сахарная Головка пряжка (рис. 1,21, 3,31) датируется не позднее двупластинчатой фибулы (рис. 3,30), происходящей из более позднего захоронения в этом же склепе [Веймарн, 1963, рис. 11,4]. Такие фибулы по схеме А.Г. Фурасьева, судя по размерам (детали конструкции по публикации не ясны), близки варианту 2А, датируемому от середины VI в. до «незадолго до рубежа» VI и VII вв., но, судя по наличию имитации накладки, относятся к варианту 2Б, сменившему вариант 2А и бытовавшему до 620/630-х гг. [Фурасьев, 2010]. Соответственно, интересующая нас пряжка датируется не позднее 620-х гг., но и едва ли существенно раньше, чем появились фибулы варианта 2Б, ведь в этом склепе похоронено только три человека и маловероятно, что склеп заполнялся длительное время.

Находки из склепа 380 в Эски-Кермене, в том числе интересующие нас пряжки

(рис. 1,11,12, 3,14,15), опубликованы в виде иллюстрации к обзорно-обобщающей работе [Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 156], однако довольно подробно рассмотрены в другой публикации, где датированы в рамках четвертой четверти VI – первой половины VII в. [Хайрединова, 2016, с. 280–281]. Отмечу, что горизонтально симметричные накладки представленного здесь варианта, длинный ремennyй наконечник с выступами по бокам, византийские двучастные накладки с полукруглым верхом (рис. 3,12,18,19) указывают на вероятность использования склепа и в третьей четверти VII века.

Пряжка из Карнобада (рис. 1,28, 3,9) датируется по найденной вместе с ней пряжке типа Салона – Истрия (рис. 3,10) [Велков, 2009, обр. 3,2]. Пряжки этого типа получили распространение не ранее начала VII в., судя по отсутствию в более ранних слоях византийских крепостей, и массово бытовали за пределами Империи, судя по находкам в Среднем Подунавье, в I «среднеаварском» периоде, то есть в 620/640–660/680 гг. [Гавритухин, 1994; 2001в, с. 117]. Аналогичная дата (первая половина VII в.) предлагается и по материалам из Крыма [Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 123,17]. В этих границах следует датировать и интересующую нас пряжку.

Пряжка из склепа 23 могильника Баклинский овраг (рис. 1,2, 5А,36) была датирована около второй и третьей четвертей VII в. по найденным в том же скоплении костей деталям ременной гарнитуры [Гавритухин, 1999, с. 187]. Однако использованная тогда крымская хронологическая шкала требует пересмотра. В Волго-Уральском регионе наборы с такими накладками и наконечниками (рис. 5А,33–35) характерны для периода 2 развития местных гарнитур «геральдического» стиля (около конца VI – третьей четверти VII в.), правда, не для самых ранних комплексов в этих хронологических рамках [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89]. Это определяет дату рассматриваемой пряжки в пределах первой половины – третьей четверти VII века.

Комплекс из Немеди с интересующей нас пряжкой (рис. 1,6, 5А,31) по наконечникам, выполненным в «геральдических» стилях (рис. 5А,28,30), практически всеми специалистами датируется не позднее I «сред-

неаварского» периода [Гавритухин, 1999, с. 187]. Однако большая пряжка с вытянутым ложе для язычка (рис. 5А,32) указывает на дату не ранее этого периода [Гавритухин, 2001в, с. 119], чему не противоречат остальные находки из Немеди. Пересечение дат двух наконечников с датой большой пряжки и определяет датировку комплекса I «среднеаварским» периодом, то есть 620/640–660/680 гг. [Гавритухин, 2001в; 2005].

На фоне рассмотренных дат выделяется датировка пряжки из могилы 19 в Гиляча (рис. 1,29, 3,59), найденной вместе с другой маленькой пряжкой (рис. 3,60) [Минаева, 1951, рис. 12,2]. Характеристики последней, судя по рисунку в публикации (круглая, чуть утолщенная спереди рамка, круглый щиток подвижной обоймы, язычок с небольшим уступчиком или площадкой в задней части), обычны для изделий гуннского и постгуннского (шиповского) времени, а в эпоху ранних «геральдических» стилей (середина – вторая половина VI в.) их детали меняются. Показательна картина смены вариаций маленьких (обувных) пряжек в Крыму [Хайрединоva, 2003, рис. 1]; схожие процессы фиксируются и на Кавказе⁴. Круглая накладка или брошь (рис. 3,61) напоминает более поздние изделия, но точных аналогий ей я не знаю, а каждый из элементов этой вещи не исключает и дату, полученную по пряжке с подвижной обоймой. Сказанное определяет дату комплекса временем не позднее середины VI века.

Пряжка из Гиляча выделяется на фоне остальных, отнесенных к данному блоку вариантов, и морфологически. У нее более длинный щиток, особенно зауженная В-образная прорезь рамки, имеющей широкие поля. Ближайший аналог по этим показателям – экземпляр из Борков (рис. 1,40), типологически близкий серии Коминтерн (рис. 1,37–39), дата которой (подробнее см. ниже) вполне сопоставима с датировкой могилы 19 в Гиляча (рис. 3,44,51,52,59). По-видимому, и пряжка из Гиляча связана с этим контекстом, представленным на Оке и Каме, в отличие от других рассмотренных пряжек, принадлежащих византийско-крымскому контексту, судя хотя бы по зонам концентрации находок (рис. 2,а; см. также ряд аргументов ниже).

Остальные пряжки рассматриваемого блока вариантов найдены либо в комплексах, не уточняющих приведенные даты, либо вне комплекса, либо данные о комплексе не опубликованы.

Интересующий нас фрагмент щитка из Бесланского могильника (рис. 1,24), если он принадлежит пряжке, аналогичной по остальным деталям ее паре (рис. 1,30), вписывается в византийско-крымский контекст и может датироваться от второй половины VI до начала / середины VII в. или чуть шире.

Блок вариантов 2 включает пряжки с полуovalным щитком, имеющим резкий выступ в задней части (приложение, список 1, № 11–13; рис. 1,3,7,13). Они представлены (рис. 2,б) в одном пункте на северо-востоке балканских владений Византии и одним из Кисловодской котловины на Северном Кавказе.

Для пряжки из Каллатиса (рис. 1,13, 3,21) *terminus post quem* дает монета Юстиниана I (527–565 гг., в публикации эмиссия более точно не определена), найденная в том же погребении 132 [Гавритухин, 1999, с. 187]. В раскопанной части этого кладбища есть лишь еще одна могила (№ 137) с ременным набором эпохи «геральдических» стилей, причем очень ранних, что подчеркивает В-образная пряжка, обычная для позднеантичных гарнитур IV–V веков. Остальные могилы датируются не позднее этих двух. Интересующая нас пряжка вполне вписывается в контекст находок середины – второй половины VI в. (рис. 3,21,23–24,31,39–40), чему не противоречит ременный наконечник (рис. 3,20) и другие находки из погребения 132. Однако позднеантичные традиции в Каллатисе продолжались, судя по поступлениям монет, как минимум до 630-х гг. [Custurea, 2019, p. 36, 77, 164]. Это заставляет формально включить в допустимые хронологические рамки погребения 132 не только середину – вторую половину VI в. (наиболее вероятную дату), но и первую половину VII века.

В катакомбе 360 из Клинь-Яра III одна из рассматриваемых пряжек (рис. 1,3) явно связана с комплексом воина, а парная ей (рис. 1,7) относится к нему с очень большой долей вероятности. Данную ранее характеристику ременных гарнитур этого комплекса [Gavritukhin, 2018, p. 55–65, 68–76, 78–83, 85–89, 93–96]

можно уточнить. Сочетание в инвентаре изделий византийского круга (как на рис. 3,1–4 и др.), вероятно отчасти крымского производства, и стеклянного сосуда сасанидского круга, наряду с хронологическими выкладками, позволяет предположить принадлежность этого воина к тем, кто входил в отряды, привлеченные в конце 620-х гг. тюрками для походов в Закавказье, где они были союзниками византийского императора Ираклия против Сасанидского Ирана⁵. Следовательно, снаряжение этого воина было актуальным в 620-х гг., а верхнюю дату комплекса определяет смерть владельца приблизительно в возрасте 39 или 44 лет [Buzhilova et al., 2018, p. 137], то есть не позднее 650 г. (рис. 3,5–6).

Блок вариантов 3 включает пряжки со щитком, имеющим плавный выступ в задней части (приложение, список 1, № 14–18; рис. 1,4,8,14,15,19). Они представлены (рис. 2,в) в трех пунктах на Северном Кавказе (два на востоке центральной зоны, один на Черноморском побережье), одном пункте в степях Северного Причерноморья и одном в Днепровской лесостепи.

Пряжка из Дымовки (рис. 1,19, 5А,42) по происходящей из этого комплекса пряжке с неподвижной обоймой из двух пластин с концами в виде «соколиных» голов (рис. 5А,43) была датирована мной около второй и третьей четвертей VII в. [Гавритухин, 1999, с. 187]. Однако появились комплексы, где пряжки с неподвижной обоймой из двух пластин сочетаются с накладками, показательными для ранних «геральдических» стилей [Комар и др., 2006, рис. 48,23,25,31], то есть такие пряжки не позднее последних десятилетий VI в. уже бытовали, а погребение из Дымовки должно датироваться широко, не исключая указанную выше позднюю дату. Этому не противоречит как дата обувного набора, по-видимому включавшего интересующую нас маленькую пряжку [Гавритухин, 2022, с. 107–108], так и аналогии некоторым характеристикам этой пряжки, не исключающие поздний (рис. 5А,13,22) или более ранний контекст (рис. 3,21,23–24,31).

Клад в Хацках, с интересующей нас пряжкой (рис. 1,8, 5А,22), относится к комплексам круга Мартыновского клада. Соккрытие этих невостребованных кладов из лесостепного и лесного Поднепровья датируется

около третьей четверти VII в. [Гавритухин, Обломский, 1996], что подтверждено новыми находками [Родинкова, 2020, с. 106–108]. Основная часть ременных гарнитур этих кладов принадлежит местным (рис. 5А,15–19) или не редким в местной среде (рис. 5А,20,25,26, 6,39; о четырехлепестковых накладках см. ниже, в части 2) типам, наряду с большей частью фибул и других деталей убора. К необычным для кладов круга Мартыновки элементам в Хацках относятся единичные вещи (как рис. 5А,21) и детали ременной гарнитуры крымско-византийского круга (рис. 5А,23,24), дата которой близка датировке основного состава кладов (в некоторых случаях они включали и значительно более ранние вещи). Наиболее вероятно, что интересующая нас пряжка принадлежит контексту крымско-византийской гарнитуры, то есть не является антиком. Это и определяет ее датировку временем бытования вещей из основного состава кладов, то есть второй и третьей четвертями VII века.

В катакомбе 9 из Гоуста, где найдена интересующая нас пряжка (рис. 1,14, 5Б,3), два человека (западный и восточный костяки) были похоронены, судя по всему, одновременно или с разницей по времени, неуловимой археологически⁶. С восточным костяком связана пряжка (рис. 5А,55), относящаяся к типу D-10 по классификации М. Шульце-Дёррлам, для которого указаны опорные для датировки комплексы второй трети и третьей четверти VII в., а также связь с вероятным прототипом, датированным первой половиной VII в. [Shulze-Dörflamm, 2002, S. 166–169]. Однако эти датированные пряжки заметно отличаются от рассматриваемой, принадлежащей особой кавказской серии, представленной в основном на Северном Кавказе, единично до Малой Азии и Южного Крыма. Пряжку, связанную с западным костяком (рис. 5А,56), и ее аналоги можно отнести к локальной серии Гоуст, судя по всему сложившейся на основе кавказской серии и бытовавшей в основном одновременно с ней. «Широкая» дата пряжек этих серий определена в рамках второй четверти VII – первой половины VIII века⁷. Выразительные комплексы из Садона (сообщение З.П. Кадзаевой), синхронизируемые с горизонтами Перещепины и Вознесенки [Гав-

ритухин, 2005], указывают на раннюю часть этого хронологического отрезка (до конца VII в.). Находки в Кисловодской котловине представлены в комплексах, датируемых около последних десятилетий или конца VII – начала или первых десятилетий VIII в. (с учетом уточнений⁸). Комплексы из Чми не противоречат ни ранней, ни поздней дате [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 83]. Ряд находок из катакомбы 9 в Гоусте (рис. 5А,58–60) свидетельствует в пользу кисловодских датировок, не исключая еще более поздних, однако в этой катакомбе встречены и явно более ранние вещи.

Одна из фибул, найденных в катакомбе 9 Гоуста (рис. 5А,53), относится к кавказским дериватам поздних сильно профилированных фибул [Гавритухин, 2010а, рис. 4,1–3]. В комплексах они не встречены, но их близкие прототипы не известны позднее IV в. [Малашев, Кадзаева, 2021]. Брошь (рис. 5А,54) относят к типу «солярные», справедливо рассматриваемому А.В. Мастыковой в контексте северокавказского женского костюма конца IV – середины VI века. Хотя узкой даты для этого типа А.В. Мастыкова не предлагает, приведенные ей материалы не дают оснований для датировки более поздней, чем VI в. [Мастыкова, 2009, с. 39, рис. 8, 9, табл. 20,3, 74,3, 82,2, 170,30, 178,1]. Отнести эти вещи к антикам нельзя: сильно профилированная фибула лежала на груди западного скелета, где пару ей составлял обломок⁹ шарнирной фибулы; брошь находилась на левом плече восточного скелета.

Сочетание в одном комплексе вещей, имеющих «непересекающиеся» датировки, отмечено и в могильнике Садон (информация З.П. Кадзаевой), причем «разброс» их дат («VI в.» и «около первых десятилетий VIII в.») напоминает ситуацию в катакомбе 9 из Гоуста. В этой связи показательны материалы из расположенного сравнительно недалеко от Гоуста и Садона могильника Чми–Суаргом, где вел раскопки Д.Я. Самоквасов (рис. 2,28, 30,31)¹⁰. Здесь вещи VII в. неоднократно встречены в одной катакомбе с изделиями, показательными для «классической» салтовской культуры (не ранее третьей трети VIII в.), и монетами конца VIII в. [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 83]. Таково и сочетание на-

ходок в катакомбе 6, где зафиксировано 2 костяка, вещи как VII в., в том числе интересующая нас пряжка (рис. 5А,1–4,8, 5Б,1), так и салтовские (рис. 5А,5–7) с монетой конца VIII в. [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 83, *кат. б*].

Объяснить эту картину можно тем, что население горных областей современных Северной Осетии и Ингушетии могло использовать для новых захоронений катакомбы, созданные намного раньше. В катакомбе 9 из Гоуста, наряду с так называемыми восточным и западным костяками, В.И. Долбежев отметил истлевшие кости, которые он посчитал детскими, но не исключено, что это – останки погребений, значительно более ранних, чем хорошо сохранившиеся костяки. Вероятно и то, что некоторые вещи из ранних погребений могли быть использованы как дополнения к убору новых покойников.

Если принять эту гипотезу и исключить салтовские вещи, то остаток находок из катакомбы 6 в Чми следует датировать по сочетанию изделия «геральдического» круга и лировидной пряжки (рис. 5А,3,4). Такие лировидные пряжки, отнесенные мной к кисловодской серии, появляются в середине VII в. и получают широкое распространение со второй половины этого столетия [Гавритухин, 2001б, рис. 78,32, с. 46–49; Gavritukhin, 2018, р. 68–69]. Верхнюю хронологическую границу определяет то, что после третьей четверти VII в. наступает угасание «геральдических» стилей, связанные с ними изделия единичны, представлены локальными формами или «запаздывают». Таким образом, ранний набор из катакомбы 6 в Чми может быть датирован в пределах середины – второй половины VII в. (рис. 5А,8).

В отношении интересующей нас пряжки из катакомбы 9 в Гоусте (рис. 5А,57) может быть принята дата по сочетанию поздних вещей (рис. 5А,55,56,58–60), то есть около конца VII – начала или первых десятилетий VIII века. Однако не исключена ее связь с вещами ранней группы (рис. 5А,53,54), ведь сочетание «солярной» броши, которая явно долго использовалась (это может быть принято и для деривата сильно профилированных фибул), и рассматриваемого типа В-образных пряжек могло иметь место около второй по-

ловины VI века. Мне кажется предпочтительнее первый вариант. В этом случае пряжка из Гоуста является наиболее поздней из рассмотренных и свидетельствует о бытовании некоторых вариаций В-образных пряжек с неподвижным щитком, имеющим боковые вырезы, в горных областях Северного Кавказа до как минимум конца VII или начала VIII века.

Остальные пряжки рассматриваемого блока вариантов найдены либо в комплексах, не уточняющих приведенные даты, либо вне комплекса, либо данные о комплексе не опубликованы.

Блок вариантов 3 или 4. В публикациях интересующей нас пряжки из склепа 422 в Скалистом (рис. 1,5,5а) имеются расхождения, существенные для атрибуции этой пряжки по уточненной типологии (приложение, список 1, № 19), но не важные для датировки на фоне остальных находок из этого склепа. Для пряжки была предложена дата около первой половины (треть?) VII в., исходя из набора вещей, сохранившихся после разграбления склепа, где было похоронено не менее двух человек [Гавритухин, 1999, с. 187; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 101–102]. Обувной набор из этого склепа (рис. 5А,50–52) по пряжке, имеющей длину 25 мм, датируется последними десятилетиями VI – первой половиной VII в. [Gavritukhin, 2018, p. 59–64; Гавритухин, 2022, с. 99]. Другие детали ременных гарнитур, в том числе обычные для поясов (рис. 5А,44–46), допускают такую же дату, но не исключают и более раннюю. З-образные накладки (рис. 5А,47) напоминают изделия (как рис. 5А,15), обычные во второй и третьей четвертях VII в., правда, их генезис не изучался, поэтому нижняя хронологическая граница этой даты условна. Дата всех находок из склепа вполне может укладываться в хронологические рамки обувного набора, и она наиболее вероятна для интересующей нас пряжки, однако, учитывая разграбление склепа, нельзя исключить для нее и более широкие хронологические рамки (рис. 5А,49).

Блок вариантов 4 включает пряжки с полуовальным щитком, приостренным в задней части (приложение, список 1, № 20–27; рис. 1,9,10,16,20,25–27,30–32,40). Они представлены (рис. 2,з) в двух или трех пунктах на

юго-западе Крыма, двух пунктах в степях Северного Причерноморья, по одному на западе Балкан, в Трансильвании, в Рязанском Поочье и на Северном Кавказе (в рассматриваемом здесь комплексе из Беслана).

Пряжки, типологически наиболее близкие рассматриваемым бесланским, происходят из склепа 7 могильника Карши-Баир 1 (рис. 1,31,32, 3,39–40). В этом маленьком (пол размером 1,9 × 1,6 м) склепе совершенно два захоронения с однотипными обувными наборами (с пряжками, как на рис. 3,38), отнесенными Э.А. Хайрединовой [2003, с. 135, рис. 6,3,4,9–14] к первой половине VI в., однако она отмечает бытование таких наборов и несколько позднее. Из ниши склепа происходит краснолаковая миска фокейской группы типа 3F по Дж. Хейсу (рис. 3,43). Пик распространения таких мисок приходится на вторую четверть VI в., а период бытования охватывает почти весь VI в. (см. обсуждение датировки и литературу в: [Гавритухин и др., 2022, с. 198]). Штамп на этой миске представлен мотивом 71f, бытовавшим как минимум до третьей четверти VI в. [Голофаст, 2002, с. 157]. Скопление вещей, где были интересующие нас пряжки, находилось у входа в склеп и интерпретировано как детали конской сбруи (приложение, список 1, № 24). Среди накладок и наконечников в этом скоплении есть и образцы, характерные для гарнитур, выполненных в «геральдических» стилях (рис. 3,41,42), что указывает на дату не ранее середины VI века. Вероятнее всего, склеп заполнялся не длительное время, снаряжение коня близ входа в него было положено не ранее середины VI в., но и едва ли позднее третьей четверти VI в., судя по инвентарю погребений и краснолаковой миске.

В отношении пряжек из склепа 2126/1905 г. в Херсонесе (рис. 1,25,26, 3,23–24) высказанные ранее наблюдения по датировке [Гавритухин, 1999, с. 187–188] сейчас можно дополнить. Обувная гарнитура с этими пряжками включает разделители ремня, имеющие литую петлю (рис. 3,22). В Крыму такая конструкция (вариант 1 по Э.А. Хайрединовой) представлена в комплексе второй половины VI в., но известна и позднее ([Хайрединова, 2003, с. 130–131; Комар, 2010, с. 102–103, рис. 9,2–3, 10,8–11]; а также ра-

бота И.О. Гавритухина¹¹). Разделители и полихромные накладки тех же типов, что представлены в интересующей нас гарнитуре из Херсонеса (рис. 3,22,25), в Кисловодской котловине происходят из Кугульского склепа 3, где встречены с находками, датируемыми от середины VI в. до первой половины (трети?) VII века¹². Херсонесская гарнитура, если сравнивать с ее кугульскими аналогами, выглядит более «стильной», что свидетельствует в пользу ее более ранней датировки.

В Христофоровке пряжка из обувного набора (рис. 1,27, 5А,13) датируется по Т-образному наконечнику основного ремня (рис. 5А,14; [Комар, 2006, рис. 49,36, 50,7–118]), относящемуся к типам, характерным для горизонта Перещепины, то есть 620/640–660/680 гг. [Гавритухин, 2005, с. 400, ИС-5, 406–409]. Обувной набор (рис. 5А,10–13) допускает и заметно более раннюю дату, но в данном случае должен датироваться с учетом хронологии комплекса.

Пряжка из Борков (рис. 1,40) была датирована по найденной в том же комплексе Т-образной накладке / крепежному наконечнику (как рис. 5А,46), обычным для периода 2 развития гарнитур «геральдического» стиля Волго-Уральского региона [Гавритухин, 1999, с. 188]. Однако накладки / наконечники этого типа сейчас известны и в более ранних комплексах, а разделить их на узко датируемые варианты не получается, что и определяет широкую дату: в пределах второй половины VI – третьей четверти VII в. [Гавритухин, 2022, с. 108–110]. Стилистически же рассматриваемая пряжка явно тяготеет к ранним образцам (см. ниже).

Остальные пряжки рассматриваемого блока вариантов найдены либо в комплексах, не уточняющих приведенные даты, либо данные о комплексе не опубликованы.

Блок вариантов 5 и аналогии его образцам. К блоку вариантов 5 относятся пряжки со щитком единичных форм (приложение, список 1, № 28–30; рис. 1,33–35). Каждая из таких пряжек требует индивидуально-го подхода и рассмотрения в контексте пряжек тех же серий, хотя и других типов.

Моя оценка пары пряжек из Арчизы в Италии (рис. 1,35, 3,34) не изменилась. Они связаны с позднеантичными традициями и

датируются третьей третью VI в., не исключая начало VII в. [Гавритухин, 1999, с. 188]. Большая пряжка и наконечник с прорезью (рис. 3,32,37) допускают и более раннюю дату, но, судя по составу инвентаря, этот могильник связан с появлением в Италии лангобардов, то есть должен датироваться после 568 г., когда лангобарды по договору с аварами покинули Подунавье. В пользу этой даты свидетельствует и наконечник с валиком в нижней части (рис. 3,33). Такие наконечники связаны со степными традициями и заимствованы, скорее всего у авар, появившихся в Подунавье в 560-е гг., а в 568 г. являвшихся союзником лангобардов в разгроме гепидов. Сказанное и определяет дату интересующей нас пряжки.

Ближайший аналог интересующим нас пряжкам из Арчизы происходит из склепа 80 в Чуфут-Кале в Юго-Западном Крыму (рис. 1,36). Он имеет овальную рамку, то есть формально относится к другому типу, однако принадлежность этих пряжек одной серии (см. примеч. 3) – назовем ее «Арчиза» (приложение, список 2Б) – у меня не вызывает сомнений. К сожалению, склеп 80 в Чуфут-Кале сильно ограблен, то есть уточнить по его материалам дату и контекст находок нельзя.

Еще одна пряжка серии Арчиза (рис. 5Б,2) происходит из погребения 4 катакомбы 18 в Садоне. По информации автора раскопок З.П. Кадзаевой, в этом же погребении найдено стремя с округлым корпусом, но со спрямленной подножкой, аналоги которому не известны ранее «среднеаварского» периода и горизонта Перещепины, то есть второй и третьей четверти VII в. [Гавритухин, 2001в; 2005]. Однако интересующая нас пряжка не имеет системы крепления и найдена в контексте, допускающем, что она лежала в сумочке. Повидимому, эта изящная вещь долго хранилась после того, как перестала использоваться по прямому назначению.

Предлагавшаяся ранее узкая дата (около рубежа VI и VII вв.) пряжек из Цебельды (рис. 1,33, 3,55) основывалась на том, что трехлопастные накладки (рис. 3,57) из обувной гарнитуры, включающей рассматриваемую пару пряжек, не имели аналогов в комплексах, датируемых ранее VII в., а соседнее женское погребение в той же могиле содер-

жало фибулу (рис. 3,56), датируемую не позднее VI в. [Гавритухин, 1999, с. 188]. Однако в опубликованных позднее материалах такие накладки, отнесенные мной к понтийской серии, были встречены и в контексте ранних «геральдических» наборов, что позволяет датировать появление этой серии в пределах середины – второй половины VI в., а рассматриваемый комплекс в этом ряду относить к наиболее ранним [Gavritukhin, 2018, p. 86–87]. Таким образом, даты мужского и женского погребений в одной могиле совпадают и дают надежный репер для датировки интересующих нас пряжек.

Для датировки могилы 5/1949 из Пашковского могильника, где найдена интересующая нас пряжка (рис. 1,34, 3,58), важны бусы, характерные для второй трети V – второй трети VI в. [Мастыкова, 2009, с. 63]. Сужение этой даты исходя из характеристики пряжки как принадлежащей кругу «геральдических» гарнитур может быть легко оспорено, так как щиток этой пряжки индивидуален, а всем ее деталям легко подобрать аналогии в изделиях и более раннего времени. Остальные находки из этого весьма богатого комплекса тоже не дают жестких оснований для сужения указанной даты, определенной по бусам.

Тип в целом. Получив представление о блоках вариантов и хронологические реперы, можно перейти к рассмотрению генезиса и эволюции всего интересующего нас массива пряжек, с учетом детальных наблюдений, для понимания которых в рамках блоков вариантов выборка была слишком маленькой. Высказанный мной ранее тезис [Гавритухин, 1999, с. 189] о связи генезиса рассматриваемого типа пряжек с двумя традициями – позднеантичной и «волжской» (фактически – позднешиповской) – подтвердился. Сейчас этот процесс, как и дальнейшую эволюцию таких изделий, можно уточнить и представить детальнее.

Несомненна связь с позднеантичными традициями пряжек серии Арчиза (рис. 1,35, 36, 5Б,2), о чем свидетельствует мотив дельфина на щитке и способ крепления пряжки к ремню и чему не противоречит ареал находок (рис. 2,2,16,28). Абрис их щитков почти полностью аналогичен очертанию щитков у пары пряжек из Цебельды (рис. 1,33). Весь-

ма вероятно, что у византийцев (не исключая мастеров, находящихся под византийским влиянием) сама идея делать вырезы по бокам щитка пряжки родилась как схематизация мотива дельфина, изображаемого с поднятым хвостом, – весьма распространенного образа, определяющего облик ряда гарнитур (в том числе рис. 3,34–36; [Pekarskaja, Kidd, 1994, Taf. 56,2,5])¹³.

Общеизвестно, что апсилы, которым принадлежал и некрополь в Цебельде, находились под сильным влиянием Византии. В интересующем нас цебельдинском погребении [Воронов, 2003, рис. 132] на византийские традиции указывает поясная пряжка, да и большинство ремennых накладок и наконечников отсюда имеют многочисленные аналогии на землях Империи. Провести же грань между работой мастера византийской выучки и переработками византийских образцов в других традициях можно далеко не всегда. В ряде случаев этому помогает способ крепления пряжек или ремennых накладок, но, как крепились рассматриваемые цебельдинские пряжки, по публикации не ясно. Накладки из гарнитуры с этими пряжками крепились шпеньками, что обычно для мастеров за пределами Византии, но этот способ крепления не чужд и византийским мастерам. В любом случае эта сложная обувная гарнитура, с пряжками и несколькими разделителями ремней, украшенная кабошонами в обкладках и металлическими розетками (в том числе рис. 6,60), явно связана не с местными традициями.

Дата комплекса из Цебельды свидетельствует о появлении рассматриваемых пряжек в византийском контексте не позднее середины или третьей четверти VI века. То, что пряжки из Арчизы датируются не раньше цебельдинских (рис. 3,34,55), не противоречит предложенному эволюционно-типологическому ряду, так как появление упрощенных форм не означает прекращения производства «стильных» образцов. Зато, если принять гипотезу о том, что щитки цебельдинских пряжек являются имитацией / схематизацией мотива дельфинов, можно считать, что серия Арчиза сложилась несколько раньше, чем датирован одноименный опорный комплекс.

Связь с Византией пряжек блока вариантов 1 очевидна уже исходя из их ареала

(рис. 2,а). В Крыму они представлены в византийском городе Херсоне, а Юго-Западный Крым (часть страны Дори, см.: [Айбабин, Хайрединова, 2017]) уже при Юстиниане I (527–565 гг.) был под контролем Империи. Единичные находки в зонах, подчиненных Меровингам, Аварскому и Тюркскому каганатам (рис. 2,1,3,34), являются показателями культурных и политических связей этих владений с Византией, зафиксированных многими письменными и археологическими источниками.

Абрис щитка пряжек блока вариантов 1 (рис. 1,1,2,6,11,12,17,21–23,28,29) вполне может рассматриваться как упрощение обсуждавшихся выше схематизированных переработок (рис. 1,33) «стильных» изделий позднеантичного круга (рис. 1,35,36). Зафиксированное на одном из вариантов рассматриваемых пряжек крепление щитка к ремню с помощью «ушек» (рис. 1,28) указывает на византийскую выучку мастера. В целом же это – относительно дешевая массовая продукция, судя по сравнительной простоте абриса щитка и тому, что блок вариантов 1 самый многочисленный. Разница в способах крепления и других деталях этих пряжек свидетельствует о многих мастерских, где делали такие пряжки. В пользу этого говорит и длительность их бытования (рис. 3,9,14–15,26,31, 5А,31,36). Они появились не позднее второй половины VI в. (вскоре после начала переработки прототипов); в первых десятилетиях VII в. были еще широко распространены; вероятно, сохраняли актуальность и около середины этого столетия (о пряжке из Гиляча – рис. 1,29 – см. ниже).

Пряжки блока вариантов 2, судя по ареалу (рис. 2,б) с учетом многих византийских элементов в комплексе из Клинь-Яра, принадлежат тому же контексту, что блок вариантов 1. Абрис их щитка (рис. 1,3,7,13) также можно поставить в ряд упрощения первых схематизированных переработок позднеантичных образцов (рис. 1,33). Не исключено и то, что этот абрис появился как модификация более простых щитков блока вариантов 1, если принять во внимание, что выступ в задней части щитка, показательный для блока вариантов 2, является обычной деталью многих массовых типов византийских пряжек начиная как минимум с середины VI в. (типа Сучидава и ряда других, в том числе рис. 3,28).

Находки из Клинь-Яра (рис. 1,3,7) свидетельствуют о бытовании пряжек блока вариантов 2 до второй четверти VII в. (рис. 3,5,6), не исключая более позднее время. Аморфные вырезы на щитке клиньярских пряжек можно рассматривать как показатель поздних вариаций. Это подтверждает то, что экземпляр из Каллатиса (рис. 1,13) – с четко проработанными деталями – допускает дату (рис. 3,21), значительно более раннюю, чем клиньярский вариант.

Весьма вероятно, что к показателям сравнительно более ранней даты пряжки из Каллатиса можно отнести ее крупные размеры. Закономерность постепенного уменьшения размеров прослеживается для обувных пряжек, аналогичных рассматриваемым, но с четырехугольной рамкой [Gavritukhin, 2018, р. 59–65; Гавритухин, 2022, с. 98–100]. Однако пряжки с В-образной рамкой типологически явно более гетерогенны, чем их аналоги с четырехугольной рамкой, то есть связь мастеров, которые делали рассматриваемые пряжки, была существенно слабее. Различаются интересующие нас пряжки и по функции (см. ниже). Все это влияло на размерные стандарты, изучение которых целесообразно в рамках серий (см. примеч. 3), когда они будут выделены.

Пряжки блока вариантов 3 встречены лишь за пределами Византии (рис. 2,в). Форма их щитка (рис. 1,4,8,14,15,19) может рассматриваться в контексте локальных модификаций изделий блока вариантов 2, не исключено, что и блока вариантов 1, учитывая, что плавный выступ – широко распространенная деталь изделий «геральдического» круга начиная с эпохи формирования этого стиля гарнитур. Принимая во внимание географическую удаленность, культурную разницу памятников и явную нестандартность изделий, можно говорить о нескольких центрах производства пряжек блока вариантов 3.

Находка из Хацков (рис. 1,8) свидетельствует о бытовании таких пряжек как минимум во второй – третьей четвертях VII в. (рис. 5А,22). Скорее всего, не ранее того датируется пряжка из Гоуста (рис. 1,14, 5А,57, 5Б,3). Вопрос о датировке наиболее ранних пряжек блока вариантов 3 остается открытым, с учетом широкого интервала даты ком-

плекса из Дымовки (рис. 5А,37–43) и отсутствия других хронологических реперов.

Пряжки блока вариантов 4 представлены явно разными традициями, соответствующими географическому распределению. Признаки этих традиций были подмечены А.И. Айбабиным [1990, с. 38–39] и показаны мною на более обширном материале как отличие пряжек восточносредиземноморской подгруппы от других, тоже с площадками в задней части рамки [Gavritukhin, 2018, p. 55–56; Гавритухин, 2022, с. 95–98]. Эти критерии применимы и к пряжкам рассматриваемого типа.

Для восточносредиземноморских / позднеантичных / византийских традиций показательны сравнительно невысокие рамки двухгранного сечения или более массивные, как бы с подрезкой внешнего контура рамки. В блоке вариантов 4 таковы известные мне по оригиналам пряжки из византийского Херсонеса (рис. 1,25,26, 2,12) и, судя по доступным изображениям, пряжки из сателлита Византии страны Дори (рис. 1,5,5а, 2,17), из подконтрольного византийцам Дурреса на адриатическом побережье Балкан (рис. 1,9,10, 2,4), где сохранялось позднеантичное население (судя по могилам, обложенным каменными блоками, и составу находок). Вероятно, этому же кругу принадлежат пряжки из богатой природными ресурсами Трансильвании (рис. 1,20, 2,5), где византийское влияние документировано многими находками, из черноморских степей (рис. 1,16, 2,11), открытых влиянием из Византии.

Аналогично, судя по доступной информации (см. данные в приложении, списке 1), сделаны относящиеся к позднеантичному кругу пряжки блока вариантов 5 (рис. 1,33,35,36), 1 (рис. 1,1,2,6,12,17,22,28), 2 (рис. 1,13), сложившиеся под их влиянием пряжки блока вариантов 3 (рис. 1,8,15,19). Некоторые пряжки с трехгранным сечением рамки (рис. 1,3,4,11) могли появиться под влиянием крупных византийских пряжек с «подрезкой» внешнего контура рамки (см. некоторые образцы в: [Гавритухин, 2022, рис. 168,21,25]) или отражать восточноевропейскую стилистику (см. ниже). Часть изображений малопригодны для атрибуции вещи по рассматриваемому признаку.

Для восточноевропейских традиций характерны рамки сегментовидного и трехгран-

ного (иногда граней бывает больше) сечения, внешне более массивные, чем рассмотренные выше, что зачастую компенсировалось небольшой толщиной изделия. Такие пряжки блока вариантов 4 известны из четырех пунктов (рис. 1,27,30–32,40), в остальных блоках вариантов они единичны (рис. 1,14,29,34). Лишь один пункт с такими находками расположен близ византийских центров – в Юго-Западном Крыму (рис. 2,14), да и там у варварского населения страны Дори. Остальные связаны с разными группами населения Северного Кавказа, черноморских степей, Рязанского Поочья (рис. 2,10,21,23,25,27,30). Две или три находки из этого ряда (рис. 1,14,27, 5Б,1,3) явно относятся к не ранним (рис. 5А,8, 13,57), одна (рис. 1,40) может датироваться широко, но скорее ранней частью «геральдической» эпохи, а две с Северного Кавказа (рис. 1,29,34) явно тяготеют к «догеральдическому» времени (рис. 3,58,59).

Легко заметить, что кроме пряжек в гарнитурах «геральдических» стилей перечисленные выше признаки восточноевропейских традиций указывают на пряжки шиповского круга или близкие им по культурному контексту (как рис. 3,48,54, 4,40,41, 8,28, 9Б,17,23, 10,36), которые появились в постгуннское время (во второй половине V в.) и бытовали в VI в., постепенно сменяясь «геральдическими» (см. о шиповской эпохе [Гавритухин, 1999, с. 193]). Наибольшее распространение пряжки шиповских стилей получили в волго-донских степях и связанных с ними регионах – на Северном Кавказе, в Южном Приуралье, джетысарской культуре Нижней Сырдарьи, хотя ряд черт, присущих этим пряжкам, конечно, можно найти в значительно более обширном круге культур.

В этом контексте для нашей темы особенно важны *пряжки серии Коминтерн* (рис. 1,37–39; приложение, список 2А), так как их щитки имеют по бокам вырезы. Принадлежность Коминтерновского могильника [Казаков, 2020] шиповской эпохе очевидна: безусловных индикаторов гуннского времени здесь нет, а «геральдические» стили представлены лишь одной накладкой [Казаков, 2020, рис. 7,2], характерной для их раннего этапа, что и ограничивает верхнюю хронологическую границу выборки второй половиной VI века. Пряжки

из интересующих нас могил, судя по имитирующим массивность высоким рамкам (рис. 1,38,39, и они доминируют в комплексах, см. рис. 3,44,48,52,54, вероятно, 3,45), относятся к не ранним в ряду шиповских, то есть обычным в VI века. Это определяет дату погребения 5 (рис. 3,52). В погребении 66 рассматриваемая пряжка (рис. 1,38) встречена с 8-видным стременем (рис. 3,50) [Казаков, 2020, рис. 58,18]. Появление таких стремян в Европе специалисты связывают с приходом авар и тюрков / тюркютов, что указывает на дату не ранее конца 550-х годов. Конечно, нельзя исключить, что в Волго-Уральском регионе стремяна появились с более ранними пришельцами из регионов, контактировавших с Китаем и зоной его влияния, однако этому нет прямых доказательств. Поэтому погребение 66 пока следует датировать не ранее второй половины или около третьей трети VI в. (рис. 3,44), когда Тюркский каганат прочно утвердился в регионе (см. подробнее ниже, в части 4).

Погребения, в том числе с интересующей нас пряжкой (рис. 1,37), под курганом 9 в Верх-Сае хорошо датируются с опорой на стратиграфию курганов [Гавритухин, 1996, с. 120–121, рис. 3]. В нынешней работе стоит остановиться на этих материалах подробнее (на рис. 4 воспроизведена часть рисунка 1996 г., но находки даны по более точным рисункам, появившимся позднее; см. приложение, список 2А, № 1). В погребении 2 под курганом 9 представлены пряжки и наконечники обувного набора, продолжающие традиции, восходящие к гуннскому времени (рис. 4,28–30,33), но долго бытующие, и «классическая» харинская поясная гарнитура (рис. 4,16–19) постгуннского времени. Две сасанидские драхмы, в том числе одна пробитая, из эмиссий шаханшаха Пероза (457–484 гг.) определяют *terminus post quem* погребения 2. О сравнительно поздней дате кургана 9 в рамках постгуннского времени свидетельствует то, что он перекрывает курган 21 с пряжками (рис. 4,40,41), характерными для шиповской (тоже постгуннской) эпохи.

В погребении 1 под курганом 9 найден наконечник (рис. 4,15), показательный для ранних «геральдических» стилей (ср. рис. 3,42, 10,35; более поздние варианты – [Гавритухин, 1996, рис. 3,98–99,101,115,127], повторено в:

[Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89,98–99,101,115,127]). При этом курган 9 перекрыт курганом 3 (с невыразительным для датировки инвентарем), а курган 3 – курганом 26, в котором найдены пряжка и накладки (рис. 4,1,3,4), сочетание которых характерно для ранних «геральдических» стилей (ср.: [Гавритухин, 2001а, рис. 16, *периоды I и I/2*]). Таким образом, курган 9 относится к самому началу процесса смены местных харинских гарнитур ранними «геральдическими», что указывает на середину – вторую половину VI в., скорее ближе к середине этого столетия (рис. 3,51).

Что же касается пряжек рассматриваемого типа, то две находки с Северного Кавказа (рис. 1,29,34) могут быть синхронны серии Коминтерн (около середины – третьей четверти VI в.), но не исключают и более раннюю дату (рис. 3,58,59). В первом случае появление боковых вырезов на щитке пряжек можно связать с тем, что первые переработки позднеантичного мотива дельфинов около середины VI в. (как на рис. 3,55) оказали влияние на мастеров, изготавливавших пряжки в местных (восточноевропейских, шиповских) традициях. Во втором случае можно считать появление вырезов по бокам щитка самостоятельной модификацией в рамках развития восточноевропейских пряжек. Тогда появление этой модификации не позднее середины VI в. (рис. 3,58,59) для пряжек с В-образной рамкой следует локализовать в Кубанском регионе (рис. 2,23,25) или зоне, связанной с ним, а пряжки серии Коминтерн рассматривать как одну из локальных форм этой стилистики оформления щитков.

Встает вопрос: а может быть с влиянием указанных кубанских образцов связаны боковые вырезы на щитке у пряжек вроде цебельдинских (рис. 1,33) и на этой основе сложился весь массив рассматриваемых пряжек, изготавливаемых в ряде случаев мастерами византийской выучки? Такой поворот кажется мне маловероятным: слишком уж отличаются от кубанских (рис. 1,29,34) уже ранние интересующие нас пряжки, сделанные в явно византийских традициях (рис. 1,17,25,26). Очевидно, что последние ближе изделиям, позднеантичная атрибуция которых несомненна (рис. 1,35,36).

Исходя из доступных материалов и изложенных выше наблюдений, **реконструкция эволюции** полых В-образных пряжек с неподвижным щитком в форме «геральдического щита» с вырезами по бокам представляется мне следующей.

Одной из основ их генезиса стали пряжки, щиток которых украшен мотивом дельфина (как рис. 1,35,36), выполненные в позднеантичных традициях, и их аналоги, где этот мотив был схематизирован (как рис. 1,33). В середине или третьей четверти VI в. византийская линия развития интересующих нас пряжек уже сложилась (рис. 3,55).

Не позднее того в Кубанском регионе или зоне, включающей его, появились пряжки, сделанные в местных (связанных с шиповскими) традициях, имеющие вырезы по бокам щитка (как рис. 1,29,34, 2,23,25, 3,58,59). Появились эти вырезы в рамках модификаций местных традиций или под влиянием образцов, связанных со схематизацией позднеантичных мотивов, – вопрос открытый. Как бы то ни было, под влиянием кубанских изделий или связанных с ними центров производства пряжек шиповского круга не позднее третьей четверти VI в. сложилась серия Коминтерн, бытовавшая в Камском регионе сравнительно недолго, видимо не выходя за VI в. (рис. 1,37–39, 2,32,33, 3,44,51,52). С тем же инновационным центром связаны изделия, попавшие в Юго-Западный Крым не позднее третьей четверти VI в. (рис. 1,31,32, 2,14, 3,39,40). Этому же кругу принадлежит пряжка из лесного Поочья (рис. 1,40, 2,21), что и позволяет датировать ее второй половиной VI в. или лишь немного позднее.

Однако основная линия эволюции рассматриваемых пряжек связана с массовым производством на основе переработок первых схематизированных реплик позднеантичных образцов. Несколько комплексов, связанных с Византией, в том числе ее владениями в Крыму (рис. 3,21,23,24,26,31), позволяют считать, что это производство сложилось во второй половине VI в. и продолжалось позднее (например, рис. 3,14,15, 5А,36,42,49). Некоторые вариации (рис. 3,5,6,9, 5А,22,31), очевидно, связаны с эпохой императора Ираклия (610–641 гг.), не исключая их использования, а может быть, и производства в третьей четверти VII века.

Интересующие нас пряжки, рамка которых сделана в восточноевропейских традициях, есть в комплексах, датируемых второй / третьей четвертями или даже второй половиной VII в. (рис. 5А,8,13), не исключая и несколько более позднее время (рис. 5А,57). Совсем не обязательно думать, что они связаны с эволюцией пряжек этого круга, зафиксированных в значительно более ранних комплексах (как на рис. 3,39,40,59). В-образные пряжки многих типов с рамками восточноевропейской традиции оставались в Восточной Европе господствующими все время существования гарнитур «геральдических» стилей. То есть сочетание такой рамки и щитка, принадлежащего широко распространенным долго бытовавшим формам, могло сложиться независимо от схожих более ранних изделий.

В этой связи отмечу сходство двух пряжек из горных районов Осетии и Ингушетии (рис. 5Б,1,3) по размерам, пропорциям деталей, плавным боковым вырезам на щитке и другим показателям. Похоже, что они принадлежат одной серии, получившей распространение в компактном ареале в то время, когда на большинстве территорий интересующие нас пряжки выходили из употребления.

Пряжки из бесланского комплекса (рис. 1,24,30, 5Б,4,5) явно относятся к ранней группе интересующих нас пряжек, выполненных в восточноевропейских традициях, связанных с Кубанским регионом, но получивших более широкое распространение (рис. 1,29,31,32,40). Особенно им близки пряжки из Карши-Баира, датируемые серединой – третьей четвертью VI в. (рис. 3,39,40). Четкий прямоугольный контур боковых вырезов, внутренний контур рамки, близкий длинному прямоугольнику, сравнительно короткий щиток свидетельствуют и о влиянии стилей позднеантичного круга, хорошо представленных в Крыму и других связанных с Византией регионах (рис. 1,1,2,6,13,16,17,25,35), в том числе в комплексах середины VI – начала VII в. (рис. 3,21,23,26,34). Сказанное позволяет рассматривать бесланские пряжки как результат синтеза восточноевропейских и византийских традиций, датируемых около второй половины VI века.

В пользу восточноевропейской атрибуции и приведенной даты свидетельствует золочение рассматриваемой пряжки. Для византийских ременных гарнитур VI – начала VII в. это не характерно. Зато покрытие бронзовых или серебряных деталей ременной гарнитуры тонким золотым или позолоченным листом, имитируя массивную золотую вещь, нередко встречается в гарнитурах шиповского круга, продолжающих традиции гуннского времени, а во второй половине VI – начале VII в. сменяемых гарнитурами, выполненными в «геральдических» стилях.

Функция. Обстоятельства находки, позволяющие судить о назначении пряжки, приведены в списке рассматриваемых пряжек (приложение, список 1). Чаще всего они связаны с обувными гарнитурами (рис. 1,25–27,33; список 1, № 26, 27, 30; вероятно, рис. 1,28; список 1, № 3). В одном случае не вызывает особых сомнений принадлежность пряжки португее для крепления меча (рис. 1,3; список 1, № 13), что не исключено и для второй пряжки из этого комплекса (рис. 1,7; список 1, № 12). Весьма вероятно такая же функция и для пары пряжек из Арчизы (рис. 1,35; список 1, № 28). В Немеди интересующая нас маленькая пряжка (рис. 1,6; список 1, № 4) входила в поясную гарнитуру, которая имела большую пряжку (рис. 5А,32). Аналогичная ситуация отмечена в Гоусте (рис. 1,14, 5Б,3; список 1, № 15), если интересующую нас пряжку соотносить с поздней группой находок (рис. 5А,55–60). Пряжка из Фынтынеле (рис. 1,20; список 1, № 25), скорее всего, связана с поясной сумкой. Пряжка из Каллатиса (рис. 1,13; список 1, № 11) могла быть или поясной, или (менее вероятно) сумочной. Коминтерновские пряжки в обоих случаях (рис. 1,38,39; список 2А, № 2 и 3) – поясные. В Карши-Баире (рис. 1,31,32; список 1, № 24) интересующие нас и другие пряжки отнесены авторами раскопок к деталям конской сбруи, причем подпружной считается экземпляр, сделанный из железа.

Из этого списка особенно важны три пряжки из Карши-Баира, близкие бесланским не только типологически, но и технологически, а также использованием золота для имитации дорогой вещи. Вот как характеризуют их авторы раскопок: «...можно отметить и

псевдо-пряжки из очень тонкого бронзового листа, обтянутые золотой фольгой...» [Ушаков, Филиппенко, 2005, с. 559]. Хотя употребление термина «псевдопряжки» здесь не совсем точно (см. о них ниже, в частях 2 и 5), идея коллег о том, что данные изделия едва ли можно использовать для соединения ремней, имеющих существенную нагрузку, представляется плодотворной. Добавлю, что интересующие нас каршибаирские пряжки нельзя считать сделанными специально только для погребения, поскольку они имеют утраты, а комплекс не грабился. Использование же пряжек и ременных наконечников не по их назначению, а в качестве накладок, только украшающих ремень, не является чем-то необычным. Кстати, таковы и «классические» псевдопряжки. Такая функция представляется весьма вероятной и для рассматриваемых бесланских пряжек.

2. Плоские четырехлепестковые накладки со скошенными краями

Такие накладки в интересующем нас бесланском комплексе представлены хорошо определенным и явно близким ему фрагментом (рис. 5Б,6, 6,1) [Коробов, Малашев, 2023, рис. 7,7,8]. С учетом остальных обломков можно думать, что их было не менее трех.

В публикации 1999 г. схожие изделия в рамках группы «розетковидные четырехлепестковые» были отнесены мною к типу 2 (с округлыми лопастями, плоской поверхностью и скошенными краями), который делился на варианты по характеру прорезной (или имитирующей прорези) орнаментации, выделялся и вариант без прорезей [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 105–106]. Такие накладки были зафиксированы в 18 пунктах (в некоторых – более чем в одном комплексе), с основной зоной концентрации в Камском и Окско-Сурском регионах (13 пунктов), единично в низовьях Сырдарьи (джетыасарская культура), Среднем Поднепровье, Юго-Западной Финляндии, на юго-востоке Западной Сибири [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 106–107, рис. 9,3,и]. Их появление отмечено около середины VI в., пик распространения датирован концом VI – первой половиной VII в., а постепенное вытеснение накладками дру-

гих стилей отнесено ко второй половине VII в. [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 106–108].

В опубликованной на следующий год работе В.Б. Ковалевской [2000, с. 158, 344–345, № 2736–2761]¹⁴ такие накладки присутствуют среди типов 1 (четырёхлепестковые с четырьмя отверстиями в центре) и 2 (без отверстий) отдела 33. В списке приведены находки из 10 пунктов, правда, к нему следует относиться с осторожностью. Так, если проверить указание «Скалистое, 321» (№ 2755–2756) по публикации склепа 321 могильника Скалистое [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 47, 20–28, 48, I–II], то таких накладок не найти. Показательно их отсутствие в фундаментальной работе А.И. Айбабина [1990], где детально рассмотрены детали ременных гарнитур Крыма V–VII веков. Накладки с Баксана (№ 2753), из могилы 11 в Кудыргэ (№ 2757–2759), из склепа 52 (из раскопок Н.И. Репникова) в Эски-Кермене (№ 2772–2773) относятся к типам, здесь не рассматриваемым. Некоторые находки с широкой привязкой («Северный Кавказ» и т. п.) по отсылкам в списке невозможно проверить. Некоторые указания неясны (наверное, написаны неправильно), и остается только гадать: «Бурджары» (№ 2747) – это Борижар? Находки из «Агинской степи» (№ 2760–2761) – это то же самое, что в другом месте тем же автором опубликовано с указанием на Ачинскую степь [Ковалевская, 1990, рис. 3, 48]? О датировках не стоит и говорить, так как они не аргументированы.

Ныне рассматриваемый тип накладок известен мне как минимум в 57 комплексах (приложение, список 3), что превосходит базу данных конца 1990-х гг. более чем вдвое, и позволяет уточнить типологию, тогда нацеленную на понимание находок из погребения 552 Варнинского могильника (рис. 6, 28). Основой для нее стали вещи, обработанные мной в оригинале, а также известные по квалифицированным (в ряде случаев и проверенным хотя бы по фото) рисункам или внятными фотографиям (рис. 6, 1–35, 38, 39, 42; см. о них в приложении, списке 3). Различие схожих экземпляров по размерам, технологии изготовления (прессованные и литые; среди последних – полые сравнительно тонкие и толстые, а иногда и не полые, как на рис. 5, 30) и другим характеристикам делают целесообразным (как и в отношении рас-

смотренных выше пряжек) говорить о блоках вариантов. Их выделено 3, исходя из расположения прорезей или их имитаций.

Завершая общий обзор, остановлюсь на вопросе о правильной постановке рассматриваемых накладок на рисунке. В ряде случаев их лопасти («лепестки») чуть различаются размерами, но если развернуть рисунок, то накладка станет симметричной. У нескольких экземпляров это получится, если лопасти располагать по осям «верх – низ», «лево – право» (например, рис. 6, 3, 6, 7, 9, 10, 14, 16, 17, 19, 31, 33). Но немало таких, где накладка будет смотреться гармоничнее, если ее лопасти ориентировать по осям «косого» (Андреевского) креста (например, рис. 6, 8, 15, 30, 32, 35). Численное преобладание первых можно объяснить тем, что для попадания в их число достаточно изменить размеры одной лопасти, в то время как для вторых нужно различие размеров у двух пар лопастей. Некоторые же изделия будут симметричными при любом обсуждаемом развороте или же при любом развороте асимметричными (например, рис. 6, 20, 21, 38). Наконец, разные типы «идеального» разворота можно встретить в одном наборе (например, рис. 6, 6, 8). Показательны три накладки из Хацков, которые имеют как круглые, так и четырехугольные прорези, причем при любом развороте композиция накладки не будет симметричной (рис. 6, 39, остальные см. в: [Корзухина, 1996, табл. 21, 32–34; Скиба, 2016, рис. 23, 16–18]). На фото остатков ремня с пятью накладками из Салыма [Кардаш и др., 2021, рис. 2.26, 2] одна накладка ориентирована по лучам «прямого» креста, одна – по лучам «косого» креста, а три – в промежутке между этими образцами, как бы «наискосок». Судя по расположению отверстий, эти накладки должны бы быть расположены по модели «прямого» креста, но так развернуть их невозможно: лопасти одной накладки будут «залезать» на лопасти соседней. Учитывая сказанное, я оставил разворот рисунка четырехлепестковой накладки таким, каким его делал я, не задумываясь над обсуждаемым вопросом, и таким, каким его делали коллеги по неизвестным мне соображениям.

Блок вариантов 2 по численности намного превосходит остальные, поэтому рассмотрение интересующих нас накладок целе-

сообразнее начать с него. Он объединяет накладки с четырьмя круглыми прорезями (или их имитацией)¹⁵, расположенными напротив мест схождения «лепестков» (рис. 6,1–14,16,18,22–27,29,30,32–34; приложение, список 3, № 12–50, 62). В соответствии с новой типологией его ареал стал еще более отчетлив (рис. 7,б), чем представлялся четверть века назад [Гавритухин, Иванов, 1999, рис. 9,и].

Более всего комплексов (иногда до трех на одном памятнике, что тоже показательно) приходится на бассейн Нижней и Средней Камы, немало их и несколько западнее – в бассейнах Оки и Суры. Следующий (по численности находок) регион распространения накладок блока вариантов 2 приходится на джетыясарскую культуру (рис. 7,37). Интенсивное исследование ряда ее памятников, связанное с новостройками, и производящие впечатление публикации выразительных находок (итоговая: [Левина, 1996]) вызвали у некоторых исследователей стремление связать многие явления в Волго-Уральском регионе с влиянием этой культуры и даже миграциями ее носителей. Однако и в интересующем нас случае, и во многих других становится очевидным, что скорее, наоборот, джетыясарская культура впитывала влияния из Северного Кавказа и Камского региона, опосредованные через степь (например, для двупластинчатых фибул см.: [Гавритухин и др., 2019]). Для противоположной же точки зрения мне не известно ни одного убедительного аргумента, если не считать таковым логику типа «аналогии в Азии = влияние оттуда»¹⁶. В остальных регионах рассматриваемые накладки единичны и явно являются производными от образцов, полученных из указанных выше зон концентрации накладок блока вариантов 2.

Подавляющее большинство интересующих нас находок датируется по комплексам первым и вторым периодами развития «геральдической» ременной гарнитуры Волго-Уральского региона, то есть в рамках середины VI – третьей четверти VII в. [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 84–89], и новые материалы полностью это подтверждают. Причем если раньше мне казалось, что можно выделить некий «пик» бытования таких накладок, то сейчас я не стану этого утверждать. Однако очевидно, что они чужды так называ-

емым агафоновским и неволинским гарнитурам, сформировавшимся около середины VII в. и в разном ритме вытеснившим в Прикамье и связанных с ним регионах предшествующие «геральдические» стили. Единственный случай, когда накладка блока вариантов 2 в основной зоне концентрации упомянутого в очень позднем (салтовского времени) комплексе, вызывает сомнения (приложение, список 3, № 24).

Несколько комплексов с накладками блока вариантов 2 допускают датировку «догеральдическим» временем (приложение, список 3, № 16, 25, 32, 33), однако и не исключают отнесения к периоду, когда шиповский и другие, так называемые постгуннские стили сосуществовали с ранними «геральдическими» или синхронны им, судя по другим находкам. Все эти комплексы концентрируются в Нижнем Прикамье или сравнительно недалеко от этого региона (рис. 7,9,15,19). Наиболее ранние комплексы за пределами основной зоны концентрации рассматриваемых накладок (приложение, список 3, № 13, 17; рис. 7,34,37) относятся к раннему «геральдическому» времени. Вероятнее всего, на Северный Кавказ и в Приаралье образцы интересующих нас накладок попали из Камско-Окской зоны, где они были уже значимым элементом ременных гарнитур. Это – аргумент в пользу отнесения генезиса таких накладок к «догеральдическому» времени, но, судя по всему, не намного предшествующему эпохе «геральдики».

Генезис рассматриваемого типа накладок не изучался, а в данной работе для этого нет возможности. Пока можно констатировать, что он сложился в зоне, включающей Нижнее Прикамье или ограниченной этим регионом, в первой половине или середине VI века.

Блок вариантов 1 включает накладки без орнаментальных (см. примеч. 15) прорезей (рис. 6,15,17,20,21,28,31; приложение, список 3, № 1–11). В работе 1999 г. такие накладки были отнесены мной к варианту, названному «петропавловский» [Гавритухин, Иванов, 1999, рис. 9,з], и это название не потеряло актуальность ныне (см. концентрацию находок на этом могильнике – рис. 7,16 – и близ него). География мест, где такие накладки встре-

чены (рис. 7,а), расширилась по сравнению с прошлой картой [Гавритухин, Иванов, 1999, рис. 9,з], но выделенная тогда компактная зона концентрации находок на юге современной Удмуртии (рис. 7,15,16,18) стала еще очевиднее. Находки вне ее (рис. 7,28,36,41,44) единичны, и их происхождение трудно объяснить, если исключить прямые или опосредованные контакты с основной зоной находок накладок блока вариантов 1.

Рассматриваемые накладки часто происходят с тех же памятников, нередко даже из тех же комплексов, что и накладки блока вариантов 2. В этих и большинстве других случаев их датировка не выходит за хронологические рамки блока вариантов 2. Экземпляр из Садона на Северном Кавказе (рис. 6,35, 7,36) принадлежит локальной серии, более поздней, чем большинство комплексов в основной зоне концентрации рассматриваемых накладок. Самую позднюю дату имеют накладки из Больших Мурлов в Западной Сибири (рис. 6,42, 7,41), что отражает локальную линию развития (о локальных сериях и вариациях см. ниже). Сказанное позволяют предполагать, что накладки блока вариантов 1 являются упрощенной модификацией накладок блока вариантов 2, получившей распространение в очень компактном ареале и оттуда попадавшей в другие регионы. В некоторых случаях нельзя исключить того, что эти простейшие варианты накладок рассматриваемого типа могли появиться как упрощенные реплики четырехлепестковых накладок других типов.

Блок вариантов 3 объединяет накладки с четырьмя круглыми прорезями (или их имитацией) по центру «лепестков» (рис. 6,19,38,39; приложение, список 3, № 51–57). В этих рамках явно выделяется серия Хацки и вариации, для которых отношение к сериям не очевидно.

Серия Хацки включает накладки с четырехугольной прорезью или углублением по середине (как рис. 6,39; приложение, список 3, № 56 и 57). Эпонимный комплекс принадлежит кладам круга Мартыновки, что определяет его дату около второй и третьей четвертей VII в. (рис. 5А,15–26; подробнее см. выше, в части 1). Многие типы вещей, представленные в кладах, конечно, сформировались до того, как сложился «классический»

облик этих комплексов, то есть для рассматриваемой серии весьма вероятно и более ранняя нижняя хронологическая граница. Вторая находка вполне вписывается в культурный контекст комплекса из Хацков. Ареал серии, включающий два пункта, охватывает Среднее Поднепровье (рис. 7,з).

Остальные накладки блока вариантов 3 не так выразительны, как рассмотренные. Они разбросаны практически по всему ареалу накладок рассматриваемого типа, но везде единично (рис. 7,в)¹⁷. Среди них выделяется экземпляр из погребения 12 Петропавловского могильника (рис. 6,19) – с узкими орнаментальными отверстиями, как у накладок блока вариантов 2 из того же комплекса (рис. 6,18). Наиболее вероятно, что это – единичная вариация на основе обычных для Прикамья форм. Накладки с широкими отверстиями (как рис. 6,38) тоже вполне могут рассматриваться как единичные вариации накладок блока вариантов 2, в данном случае – с широкими орнаментальными отверстиями (как рис. 6,10,11,13,22 и т. п.).

Упомянутое погребение 12 Петропавловского могильника датируется по наконечнику [Семенов, 1976, табл. III,8], аналогии которому представлены в периоде 2 и поздней части периода 1 развития «геральдических» гарнитур Волго-Уральского региона [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89,54,55,81,101,115,127], то есть от последних десятилетий VI до третьей четверти VII века. Такая же или чуть более широкая дата приемлема для склепа 12 в Борижарах, судя по В-образной пряжке с узкой прорезью и неподвижным щитком [Байпаков и др., 2005, рис. 3.8,12].

Комплекс из Рёлки (приложение, список 3, № 55) по сочетанию псевдопряжки варианта «г» типа 1 и «рогатой» накладки с круглыми прорезями [Чиндина, 1977, рис. 24,24,25] можно датировать в пределах от 630 г., после которого получили распространение псевдопряжки типа 1, до третьей четверти VII в., когда известны наиболее поздние гарнитуры с прорезными «рогатыми» накладками [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 33, 85, рис. 47,14,15,21, 89,50; Гавритухин, 2001а, с. 32–33, 53–55, рис. 11,2, 12,2,4].

К сожалению, у нас нет оснований для датировки половины несерийных накладок

блока вариантов 3, но вся имеющаяся информация свидетельствует, что они появились не раньше, чем уже бытовали накладки блока вариантов 2. Это относится и к накладкам серии Хацки. Таким образом, исходя из хронологии и географического распределения, чему не противоречат типологические наблюдения, накладки блока вариантов 3, как и блока вариантов 1, можно рассматривать как модификацию накладок блока вариантов 2, но в нескольких локальных центрах и иногда под влиянием образцов, относящихся к другим типам. Например, на появление накладок блока вариантов 3 могло повлиять расположение композиционных узлов на лепестках у накладок типа «сложно украшенные» (как рис. 6,55).

Тип в целом. Как мы видели, наиболее ранние плоские четырехлепестковые накладки со скошенными краями относятся к блоку вариантов 2 и датируются около первой половины или середины VI века. Они известны в нескольких пунктах бассейна Нижней Камы (здесь представлены и накладки других групп, стилистически близкие рассматриваемым, например рис. 6,45), возможно включая один пункт из близлежащего Поволжья (рис. 7,9,15,19). В период ранних «геральдических» гарнитур (середина VI – начало VII в.) такие накладки зафиксированы также в бассейне нижнего течения Белой, Среднем Прикамье, Окско-Сурском регионе, у алан Северного Кавказа, в джетыясарской культуре Северо-Восточного Приаралья.

Контакты населения бассейна Нижней Камы и нижнего течения Белой с носителями аланской и джетыясарской культур весьма выразительно фиксируются и для предшествующего времени – как «классическими» гарнитурами шиповского круга (как на рис. 8,26–28, 9Б,17,18), связанными с волго-донскими степями, так и специфичными для оседлого населения деталями убора (например, двупластинчатыми фибулами, как на рис. 9А,2–5; подробнее в: [Гавритухин и др., 2019]). В этих культурах оседлого населения, с добавлением культур волжских финнов, присутствуют и наиболее ранние псевдопряжки (рис. 7,ж,з, 10,3). Появление псевдопряжек относится к эпохе продвижения Первого Тюркского каганата в Европу между концом 550-х и серединой 570-х гг. (см. подробнее ниже, в части 4),

а их распространение у оседлого населения объяснимо привлечением местных контингентов в военные действия, осуществляемые тюрками [Гавритухин, 2001а].

Рассматриваемые четырехлепестковые накладки (как и стилистически близкие им трехлепестковые, квадратные и др., наряду со схожими формами) вполне органично вписались в гарнитуры с ранними псевдопряжками [Гавритухин, 2001а, рис. 1,6,9, 3,6,15,18, 4,7, 5,10, 6,12, 8,13; Байпаков и др., 2005, рис. 3.8,4]. Скорее всего, именно с этим культурно-историческим контекстом следует связывать широкое распространение интересующих нас накладок вне зоны их генезиса. В этой среде появились и модификации накладок блока вариантов 2, представленные блоками вариантов 1 и 3, в том числе локальными формами, а также накладки других групп, включающие четырехлепестковый элемент (как рис. 6,56,57).

Для понимания интересующих нас накладок типа 2 группы «розетковидные четырехлепестковые» следует кратко остановиться на типе 1 (вариации других типов [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 105–106, рис. 8,2,3] не имеют прямого отношения к теме данной статьи). К типу 1 относятся накладки, по абрису схожие с типом 2, но с рельефной поверхностью (или напоминающие ее) и выделенным центром [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 106]. Они появились не позднее второй половины VI в., причем на Кавказе уже в это время представлены как рельефными вариациями (рис. 6,60, о дате см. выше, в части 1), так и уплощенными (рис. 60,58, о дате см.: [Малашев, 2001, рис. 59,МБ-25-К; Гавритухин, 2001б, с. 48], с уточнениями¹⁸). В других регионах, судя по моей выборке датированных комплексов, такие накладки появились позднее.

Четырехлепестковые накладки (как и псевдопряжки) не вышли из употребления в связи с тем, что тюрки утратили контроль над европейскими землями из-за смуты в Западном Тюркском каганате, начавшейся в 630 году. Напротив, с этого времени наблюдается наибольшее разнообразие гарнитур, включавших эти элементы. Правда, в это время все большее значение приобретают локальные варианты и связи отдельных регионов.

В Западной Сибири интересующие нас накладки блока вариантов 2 (рис. 7,40; приложение, список 3, № 47) найдены с псевдопряжками и накладками, характерными для комплексов периода 4 развития псевдопряжек типа 5, то есть датируются второй или третьей четвертями VII в. [Гавритухин, 2001a]. Эти накладки могли попасть сюда посредством традиционных контактов с культурами Приуралья. Не менее вероятно то, что североазиатские находки отражают контакты разных культурных групп, связанных с Первым Тюркским каганатом, которые сохранились и в эпоху Западного каганата (первая половина – середина VII в.). Об этом свидетельствует появление на Алтае псевдопряжек этого времени (рис. 7,45) и накладок с использованием четырехлепесткового элемента (рис. 6,56)¹⁹.

Комплекс из Больших Мурлов с накладками блока вариантов 1 (рис. 6,42; приложение, список 3, № 3) свидетельствует о бытовании в Сибири таких накладок и на курайском этапе культуры тюрков (традиционно датируемой около второй половины VIII – первой половины IX в.). На этой основе на Алтае складывается локальный тип четырехлепестковых накладок с петлей (рис. 6,44; [Горбунова, 2010, рис. 24,8, 46,5, 49,1, 51,4]). В этот ряд можно поставить и довольно крупные пластинчатые накладки (рис. 6,43), воспроизводящие накладки со скошенными краями, известные мне в комплексах курайского времени на Алтае и территории Западного Казахстана (см., например: [Горбунова, 2010, рис. 40,4; Бисембаев, 2010, рис. 38,1–3, 19–26]).

По-видимому, в то же время, что накладки типа 2, на Алтае и более северных областях Приобья распространяются накладки типа 1 (например, рис. 6,53; [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 26,23, 31]), продолжающие бытовать как минимум и в курайское время (см., например: [Горбунова, 2010, рис. 47,2]). Вскоре (не позднее второй половины VII в.) в этой же зоне появляется серия накладок, сочетающая признаки типов 1 и 2 (рис. 6,40; [Троицкая, Бородовский, 1990, рис. 4,5]). Не редкость присутствие накладок этих типов на одном памятнике, даже в одном комплексе (см., например: [Троицкая, Бородовский, 1990, рис. 4,5, 13]). Для курайского эта-

па есть примеры сочетания в убранстве одного коня четырехлепестковых накладок разных типов [Горбунова, 2010, рис. 46,5, 47,2, 49,1, 50]. Т.Г. Горбунова даже рассматривает все интересующие нас типы накладок на Алтае в рамках единого процесса эволюции украшения конской сбруи [Горбунова, 2010, рис. 24]. Однако если взглянуть шире, то картина окажется сложнее.

Как мы видели, наиболее ранние накладки типа 1 представлены на Кавказе, в других регионах пока не известны комплексы с такими накладками, которые можно было бы датировать ранее 630 года. При этом они весьма быстро распространяются на огромные территории – от как минимум Алтая (см. выше) на востоке до Подунавья в зоне Аварского каганата (см. например, рис. 6,61,62) и Крыма (см., например: [Айбабин, 1990, рис. 53,10]) на западе. Отметим, что ни в Подунавье, ни в Крыму нет накладок типа 2. Напротив, накладки типа 1 не отмечены в опорных памятниках с наборами «геральдических» стилей в зоне Западного Тюркского каганата, таких как Борижар, могильники джетыясарской культуры и др. Наконец, четырехлепестковые накладки типов 1 и 2 чужды восточноевропейским кочевникам эпохи Тюркских каганатов (находки из Южного Приуралья – рис. 6,52; [Мажитов, 1981, рис. 6,3, 8,13]) – датируются более поздним временем.

Как мы видим, накладки типов 1 и 2 имеют разное происхождение и свои области распространения. Лишь в двух зонах на периферии распространения интересующих нас накладок происходит зримое взаимодействие этих традиций – на северо-востоке (см. выше) и на Кавказе (см. ниже). Эта картина во многом корреспондирует с развитием псевдопряжек поздних типов – они представлены несколькими формами, имеющими свой набор зон распространения [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 48; Гавритухин, 2001a, рис. 18]. Часть из них сформировалась как модифиция местных форм предшествующего времени, но в некоторых регионах за пределами Тюркских каганатов псевдопряжки появились лишь после 630 года. Особенно показательна зона Аварского каганата, где псевдопряжки включались в пояса княжеского ранга, выполненные, судя по всему, византийскими мастера-

ми (например, рис. 8,23), а для обслуживания воинов сложилось несколько вариаций, имитирующих элитные образцы. Локальные формы псевдопряжек (как на рис. 5,19 и [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 47,2,10,22,28, с. 33–35]) складываются и в зоне распространения кладов круга Мартыновского, на юге которой зафиксированы накладки локальной серии Хацки (рис. 6,39, 7,2), отнесенные мной к блоку вариантов 3 типа 2, хотя и получившие центральную прорезь, вероятно, под влиянием образцов типа 1 с выделенным центром схожих очертаний (как на рис. 6,52,53,59–62).

Отмеченные особенности развития четырехлепестковых накладок типов 1 и 2 хорошо корреспондируют с политической историей. В 630 г. Восточный Тюркский каганат попал в зависимость от китайской империи Тан, а в Западном каганате началась смута. Европа выпала из сферы их интересов. В восточноевропейских степях формируются новые центры власти: связанный с комплексами круга Перещепины в Поднепровье; так называемая Великая Болгария к востоку от Азовского моря; объединение во главе с хазарами к северо-западу от Каспийского моря. В каждой из этих и связанных с ними областей наследие Тюркских каганатов перерабатывалось по-своему, что отразилось в наборе характерных вещей и выборочной конфигурации культурных контактов.

Бесланские накладки в северокавказском контексте. Накладки из Бесланского могильника, специально интересующие нас (рис. 5Б,6, 6,1), относятся к блоку вариантов 2 типа 2 четырехлепестковых накладок. Не вызывает особых сомнений, что они или их прототипы попали на Северный Кавказ из Волго-Уральского региона, скорее всего, в эпоху Первого Тюркского каганата, что не противоречит дате и кругу аналогий для рассмотренной выше пряжки с вырезами по бокам ее щитка и другим находкам из этого комплекса.

Аналогия бесланским накладкам на Кавказе известна мне только в катакомбе 100 из Мокрой Балки (рис. 6,9). Набор керамики из этой катакомбы отнесен В.Ю. Малашевым к периоду Па, датированному мной 560/600–620/630 гг. [Малашев, 2001, рис. 59; Гавритухин, 2001б, рис. 77,41, с. 44, 48]. В недавнем исследовании «геральдических» ременных

гарнитур Кисловодской котловины этот комплекс датирован мной чуть уже – скорее всего, около конца VI – начала VII века²⁰. Таким образом, эта накладка может быть синхронна бесланским или быть чуть более поздней, но в любом случае она связана с тем же культурно-историческим контекстом – аланской культурой эпохи Первого Тюркского каганата или его преемника в регионе – Западного Тюркского каганата. В пользу синхронности этих накладок свидетельствует близость их размеров и техники изготовления, что позволяет ставить вопрос об отнесении этих накладок к продукции одной мастерской или связанных между собой мастеров.

Не позднее этого времени на Кавказе представлены и накладки типа 1 (например, рис. 6,58–60). Судя по имеющейся у меня выборке, этот тип сформировался на Кавказе, во всяком случае, попал в Европу через Кавказ. Отмечу находки из Кисловодской котловины (рис. 6,58,59) – почти плоские, в отличие от большинства вариаций этого типа. Возможно, это – показатель местной серии. Накладки типа 1 и 2 встречаются в синхронных комплексах, иногда на одном памятнике, вписываясь в круг гарнитур с мелкими фигурными накладками других групп, в том числе стилистически близкими им (например, рис. 9Б,2,10,20,24,27, 10,14,26).

В «посттюркское» время (после 630 г.) четырехлепестковые накладки на Северном Кавказе весьма разнообразны, но связаны с развитием традиций предшествующего времени. Только в аланских могильниках известны мне накладки серии Садон – Мокрая Балка (рис. 6,35–37), причем садонский вариант на фоне других накладок блока вариантов 1 типа 2 отличается лишь размерами, а мокробалковский явно связан со стилистикой накладок типа 1. К местным модификациям типа 1 относится накладка с центром, выделенным сегментом сферы в квадратном обрамлении, из Кисловодской котловины (рис. 6,51). Своеобразны накладки из горных районов Чечни (рис. 6,48,49), имеющие лопасти, как у вариаций блока вариантов 3 типа 2 (как рис. 6,38), наряду с узкими элементами, разделяющими лопасти, что характерно для вариаций типа 1 (как рис. 6,52–54,61). Синтез стилей накладок нескольких типов представлен и в Кисло-

водской котловине (например, рис. 6,50). Вероятно, влияние этих стилей отражает изделие из Северной Осетии (рис. 6,41), которому я не знаю аналогий.

Наряду с местными формами, в «пост-тюркское» время на Кавказе бытуют и формы, имеющие дальние аналогии. Например, накладки из Северной Осетии (рис. 6,47) относятся к типу, представленному в Среднем Поднепровье вариацией (рис. 6,46), стилистически связанной с образцами блока вариантов 2 или 3 типа 2. Рассмотрение северокавказских накладок можно продолжить, но этот сюжет далеко выходит за рамки данной работы. Для понимания контекста бесланских четырехлепестковых накладок сказанного, думаю, достаточно.

Функция. В большинстве случаев интересующие нас четырехлепестковые накладки типа 2 связаны с основным ремнем пояса или подвесными к нему (вспомогательными) ремешками. Использовались такие накладки и в обувных наборах, например в Кушнаренково (приложение, список 3, № 37 и 38). Накладки из погребения 1 кургана 85 в Верх-Сае авторы публикации считают обувными, однако в этом же скоплении вещей отмечают накладку, связываемую с ножнами (приложение, список 3, № 28), что позволяет сделать предположение о принадлежности части накладок ремню для крепления ножен. С креплением ножа в ножнах или сумки (возможно, с ее украшением), скорее всего, связана накладка из Старого Бадикова (приложение, список 3, № 48). О возможности украшения одинаковыми накладками ремней, имевших разную функцию, в том числе связь с обувью и конской упряжью, указывают материалы Коминтерновского могильника (приложение, список 3, № 32 и 33).

Как мы видим, функция рассматриваемых накладок могла быть разной. Оснований для выбора в обозначенном выше спектре (а может быть, и за его пределами) для таких накладок из Беслана у нас нет. Можно лишь утверждать, что количество (не менее двух или трех) однотипных накладок свидетельствует в пользу их связи с ремнем, а не аппликацией на сумке или колчане (там, где предполагается такая функция, зафиксировано по одной накладке).

3. Ременные «наконечники»

Фрагменты, найденные в рассматриваемом комплексе из Бесланского могильника и соотносимые с ременными наконечниками (рис. 8,1–3; [Коробов, Малашев, 2023, рис. 7,3,5,6]), принадлежали трем однотипным изделиям (возможно, таких изделий было больше, но инвентарь дошел до нас очень отрывочно). Они выполнены прессовкой, включают крупное вдавление, окантованное валиком, которое, скорее всего, имитировало вставку, и мелкие выпуклины, напоминающие зернь. Эта псевдозернь опоясывала углубление с валиком-окантовкой, а также шла вдоль края изделия, в результате полосы псевдозерни покрывали почти всю поверхность вещи, оставшуюся за пределами вдавления с валиком.

Три рассматриваемых фрагмента (ниже их номера соответствуют нумерации на рис. 8) были сопоставлены между собой способом наложения. Фрагменты 1 и 2 легко совмещаются (рис. 8,4), то же можно сказать про фрагменты 1 и 3 (рис. 8,5), хотя зона наложения у них не столь обширна, как в случае с фрагментами 1 и 2. Если же на наиболее надежно совмещенные фрагменты 1 и 2 наложить фрагмент 3 (рис. 8,6), то мы не получим совпадения боков изделия.

Объяснений этому можно предложить несколько: 1) мы имеем дело с одинаковыми несложными изделиями, лишь немного различающимися размерами; 2) изделия, если они совпадают по размерам, могли иметь сложные очертания и несколько крупных вдавлений (например, рис. 8,7); 3) изделия были разными, хотя и выполненными в одном стиле.

Я считаю наиболее предпочтительным вариант 1, чему не противоречит вариант 3 (если фрагмент 3 считать накладкой, стилистически близкой наконечникам, представленным фрагментами 1 и 2), ведь несложные по композиции наконечники, зачастую со стилистически близкими накладками, входящие в одну гарнитуру, – вполне обычный ременный набор. А вот ременных накладок сложных очертаний с прямоугольным верхом и округлой нижней частью или схожих с ними (см. ряд примеров в: [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 35]), при этом украшенных вставками и зернью или их имитацией, я не припомню. Рас-

смастриваемые изделия из Беслана я называю «наконечники», учитывая пропорции фрагмента 1 (ср. накладки и наконечники на рис. 8,17–18,21–22) и явную близость ему фрагмента 2, а фрагмент 3 может быть наконечником или накладкой с одинаковой степенью вероятности.

Возможно, близкой аналогией бесланским наконечникам является находка из верховий Кубани, однако по доступной мне публикации (рис. 8,8), явно очень схематичной, многие характеристики этого изделия не ясны. Близкими, хотя и не полными аналогиями являются накладки и наконечники, выполненные прессовкой (как рис. 8,14–19), имитирующие дорогие (обычно золотые) изделия, украшенные зернью или в еще более сложной технике (как рис. 8,9,20–25). Однако эти имитации, как и их образцы, происходят в основном из комплексов, датируемых второй – третьей четвертями VII в., а иногда и позднее (например, рис. 3,1–3, 8,17–18,20–23; скорее всего, и рис. 8,9,19, лишь предположительно не исключаящие расширение датировки на немного более раннее время), что противоречит датировке пряжки из анализируемого бесланского комплекса (см. выше, часть 1).

Правда, ряд находок, в том числе связанных, судя по всему, с Азией, где традиции роскоши особенно сильны (например, рис. 8,24,25), не имеет оснований для узкой датировки, но у них есть имитации из могильников Южного Крыма (рис. 8,14–16), среди которых особенно важны находки в склепе 77 из Лучистого. В нем интересующие нас накладки предположительно отнесены к поясному набору истлевшего скелета, обувной набор которого представлен пряжками и наконечниками, украшенными кантом из вдавленных точек (рис. 8,12,13). Авторы раскопок датировали этот склеп в рамках второй половины VI – второй четверти VII в., а интересующее нас погребение («между погребениями 2 и 3») – первой четвертью VII в., судя по рисунку, или второй четвертью VII в., судя по тексту [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 37–39, рис. 10]. Однако даже наиболее позднее, по мнению авторов раскопок, погребение 2 не содержит вещей, указывающих именно на VII в., что очевидно и из текста крымских коллег. Для погребения 4 индикатором первой половины VII в. названа Т-образная наклад-

ка, но аналогии ей известны и в более раннее время, а показатели для узкой датировки у рассматриваемого экземпляра отсутствуют [Гавритухин, 2022, с. 108–110]. Датировка обувной гарнитуры (рис. 8,12,13) первой половиной VII в. основана на хронологии интересующей нас прессованной гарнитуры, что для нашей темы создает логический круг. Таким образом, новый анализ хронологии склепа 77, представленный А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой, не дает оснований для пересмотра датировки склепа в рамках середины / второй половины VI – первых десятилетий / начала VII в., предложенной мной ранее [Гавритухин, 2010б, с. 52–53, 58–59].

Единственный аргумент А.И. Айбабина для датировки прессованной гарнитуры из склепа 77 в Лучистом (рис. 8,14,15) первой половиной VII в. – технологические аналогии из могил 63 и 109 в Суук-Су, датированные им третьей четвертью VII в. [Айбабин, 1990, с. 57, рис. 2,142; Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 37]. Основание для этого – пряжка из могилы 109, отнесенная к варианту 1 «лировидных» пряжек, датированному второй половиной VII в. [Айбабин, 1990, с. 41, рис. 2,143, 40,1]. Однако всем показательным элементам этой пряжки (полая овальная рамка, выступы в ее задней части, ложе для язычка с выступами-фиксаторами) можно найти более ранние аналогии, в том числе в VI веке. В катакомбе 125 из Мокрой Балки такая пряжка датирована набором керамики периода Пб1 Кисловодской шкалы, созданной В.Ю. Малашевым, то есть около 600–630/650 гг. [Гавритухин, 2001б, рис. 77,20, с. 44–45, 48]. Новое исследование позволяет датировать поясную гарнитуру с этой пряжкой около начала VII в.²¹, не позднюю дату подтверждает и обувной набор в том же погребении, выполненный в шиповском стиле [Гавритухин, 2001б, рис. 77,31–35]. Считать, что в Крыму такие пряжки появились значительно позже, нет никаких оснований.

Набор из склепа 77 в Лучистом (рис. 8,14,15) сближает с интересующим нас бесланским (рис. 8,1–3) редкое расположение выпуклин, имитирующих зернь, и, судя по публикации, имитация вставки вдавливанием, что необычно для более поздних изделий (как на рис. 8,17–19). Вероятно, это не случайно. Как

бы то ни было, есть все основания считать, что имитации гарнитур с зернью и вставками делали не только во второй и/или третьей четвертях VII в., но и во второй половине VI века. Образцом могли служить наборы, судя по всему связанные с Передним и Средним Востоком (как рис. 8,24,25), иранского, но не исключено, что и византийского производства.

Для полноты картины отметим и изделия шиповского круга, для которых обычно сочетание вставок или их имитации в окружении пояска, выполненного прессовкой, и аналогичного оформления контура изделия (как на рис. 8,10, 26–28, 9,17,18). В комплексах с вещами шиповского круга можно встретить и ременные наконечники с крупными вдавлениями (например, рис. 8,11). Правда, для шиповских изделий характерно использование в качестве окантовки имитации рубчатой проволоки или схожего с ней элемента декора, но аналогичный стиль окантовки мог заменять зернь или использоваться наряду с ней (например, рис. 3,1–3, 8,20–23). Нельзя исключить и того, что окантовка из полосы точек вообще не связана с декорированием зернью (например, рис. 3,28, 10,12), именно такой декор, скорее всего, представлен на обувной гарнитуре из Лучистого (рис. 8,12–13).

Однако даже с учетом приведенных примеров и наблюдений я считаю, что рассматриваемые изделия из Беслана следует относить к кругу имитаций второй половины VI – начала VII в. иранских или византийских гарнитур, украшенных зернью и вставкой, которую могла заменять фигура или некая композиция (как на рис. 8,24,25). Судя по весьма грубой работе, эти имитации (рис. 8,1–3,14–15) на Северном Кавказе, да и в Крыму, едва ли были предметами далекого импорта.

4. Пружина с тетивой и иглой, крепящиеся на Т-образной стойке

Эта находка в рассматриваемом комплексе из Бесланского могильника (рис. 9А,1) [Коробов, Малашев, 2023, рис. 7,15], несомненно, относится к пружинящему механизму фибулы. Крепление такого механизма с помощью стойки, сделанной из металлической полоски, согнутой в виде буквы «Т» (аналогично изготавливался и иглоприемник, у которого вдобавок загибалась нижняя часть Т-образного в сече-

нии изделия), было широко распространено на Северном Кавказе в V–VII вв. у брошей и сделанных из тонкой пластины двупластинчатых фибул (см. примеры в: [Мастыкова, 2009, рис. 1,11, 4,6, 5, 6,1–3,5, 8,1, 23,6, 25,8, 31,3, 33,3, 34,3, 36,1 и др.]). Такие стойки для оси пружины и иглоприемники крепились к корпусу фибулы пайкой, но нередко они отламывались, при нахождении же невзрачная игла с более мелкими деталями (а тем более их обломки или иглоприемник) далеко не всегда сопоставлялась с корпусом фибулы. Однако отпечатки, часто сохраняющиеся на обратной стороне многих фибул и брошей, свидетельствуют о былом наличии интересующего нас механизма.

Длина иглы рассматриваемого изделия – более 4,5 см, что исключает из списка нужных нам аналогий практически все броши. Лишь единичные очень дорогие крупные броши (как [Мастыкова, 2009, рис. 4,3–4]), указывающие на «княжеский» уровень статуса владельца, имели столь длинную иглу. Судя по всему, в рассматриваемом бесланском комплексе едва ли был похоронен представитель такого уровня. Зато среди двупластинчатых фибул Северного Кавказа и их близких аналогий можно подобрать изделия с иглой, вполне сопоставимой с интересующей нас (рис. 9А,2–6). Такие фибулы бытовали с V до как минимум второй половины VI или начала VII в. [Гавритухин и др., 2019, с. 180]. Именно с ними и следует, по-моему, соотносить рассматриваемую бесланскую находку.

5. К изучению эпохи Тюркских каганатов в истории алан Северного Кавказа

Сумма датировок определимых вещей, представленных в катакомбе 876 Бесланского могильника, позволяет датировать комплекс в рамках середины – второй половины VI века. Наличие четырехлепестковых накладок типа 2 указывает, что формирование рассматриваемого набора происходило, скорее всего, в эпоху Первого или Западного Тюркских каганатов, в данном случае – Первого.

Напомню, что движение войск Первого Тюркского каганата под предводительством Истеми (брата первого кагана Бумына) на запад началось вскоре после провозглашения каганата. Согласно реконструкции С.Г. Кляштор-

ного (повторена в нескольких изданиях, к последним относится [Кляшторный, 2010, часть вторая]), тюрки захватили Семиречье в 555 г., а в 558 г. завершили завоевания в Волго-Уральском регионе, причем в Предкавказье тогда господствовали авары. Аварское господство длилось недолго: в 560-е гг. театр их военных действий сместился в Центральную Европу, а в 568 г. они создали Аварский каганат в Среднем Подунавье. Тюрки в это время в союзе с Сасанидским Ираном вели войну против эфталитов, закончившуюся в 567 г. установлением тюрко-сасанидской границы в основном по Амударье. Однако вскоре этот союз разрушил отказ шашаншаха Хосрова I участвовать в торговле шелком, что и привело к войне 568/569–571 годов. Противостояние с Ираном и поиск нового маршрута для сбыта шелка на западе стали важными факторами, обусловившими стремление тюрков установить дружеские отношения с Византией и движение к черноморским портам, что обеспечивалось установлением контроля над Северным Кавказом и в степях между Азовским и Каспийским морями. Северный Кавказ был и удобным плацдармом для нападения на Сасанидскую империю с северо-запада.

У нас нет письменных источников, чтобы судить, насколько далеко тюрки продвинулись в Европу в конце 550-х гг., да и двигались ли они туда в это время, а тем более – когда точно миновали р. Урал. Репер дает сообщение о византийском посольстве 568 г. во главе с Земархом, возвращающимся от тюрков вместе с их представителями ([Менандр, 2003, отрывки 19–22], немного другой перевод и перепечатка греческого текста в: [Жданович, 2014]). По пути Земарх встретил посланников от нескольких правителей, подвластных кагану тюрков, но, по-видимому, независимых во внутренних делах. Наиболее западный из таких правителей возглавлял угуров / огуров, а следующей на пути посольства значимой силой были аланы под управлением Сарозия. Тот дружелюбно отнесся к византийцам, а тюрков заставил разоружиться, что им и пришлось сделать, правда после трехдневных переговоров. Однако уже в 576 г. глава западной группы тюрков Тюрксанф сообщил очередному византийскому посольству о покорении тюрками алан, как и утигуров, жив-

ших к востоку от Азовского моря, но контролировавших и часть более западных земель [Менандр, 2003, отрывок 45]. Тогда же тюрки разорвали союз с Византией и разгромили находившийся под ее властью Боспор, что хорошо подтверждается археологически, а затем дошли до юго-запада Крыма (см. подробный обзор в: [Айбабин, 1999, с. 133–141]).

Как мы видим, в конце 560-х гг. кочевники восточной части европейских степей уже некоторое время были подконтрольны тюркам. Судя по сохранению самоуправления и контексту византийского повествования о посольстве Земарха, они признали власть кагана без сопротивления, а произошло это в конце 550-х гг., как считал С.Г. Кляшторный, или в первой половине / середине 560-х годов. Очевидно, тогда же и некоторые более северные группы населения Волго-Уральского региона признали сюзеренитет тюрков или заключили с ними соглашения о союзе. Установление тюркского контроля над аланами или их значительной частью, наверное, во время тюрко-персидской войны 568/569–571 гг. или вскоре после нее, по-видимому, также произошло без военного разгрома²².

Показателем того, что распространение власти Тюркского каганата в указанных регионах произошло без крупных военных действий, служит то, что на всех могильниках, исследованных широкой площадью, каких-либо потрясений, датируемых второй половиной VI в., не наблюдается. Нет следов разгрома этого времени и на поселениях, в отличие, например, от ряда памятников Боспора, на которых разгром 576 г. убедительно фиксируется. Зато с этого времени происходят заметные изменения в воинской экипировке, которые трудно объяснить, если не принять гипотезу, что это связано с привлечением тюрками в военные походы местных отрядов. Привлечение отрядов носителей джетыясарской и ряда волго-уральских культур могло начаться уже для войны тюрков с эфталитами в первой половине / середине 560-х годов. Начало привлечения отдельных групп алан могло произойти уже в ходе войны 568/569–571 гг. с Сасанидами. Смуты в Тюркском каганате в 581–603 гг. и разделение его на две части не изменили ситуацию. Без опоры на алан успешные военные действия тюрков (в поздних ис-

точниках нередко фигурирующих как «хазары») в Закавказье в конце 580-х и конце 620-х гг. были едва ли возможны.

Первый вариант реконструкции воинских отрядов оседлого населения, привлекаемых тюрками, предложен мной более 20 лет назад на примере комплексов с псевдопряжками [Гавритухин, 2001а]. Сейчас эти наблюдения можно дополнить, но в этой статье сосредоточим внимание на северокавказских материалах. Сразу же отмечу, что ниже речь пойдет не о всех находках тюркского времени (570-х гг. – 630 г.), а только о ранней части этого периода и о ременных гарнитурах, в которых отразилась воинская культура, связанная со средой Первого Тюркского каганата.

Отправной точкой для реконструкции таких наборов являются материалы катакомбы 357 из Клинь-Яра III. Для наборов с псевдопряжками раннего варианта, служащих для выделения гарнитур в зоне Первого Тюркского каганата (рис. 10,3, 7,ж,з), в этом комплексе показательны накладки с прямыми или чуть прогнутыми боками, нередко украшенные парными округлыми отверстиями или их имитацией, Т-образные накладки / наконечники с прямыми боками щитка, которые представлены и в катакомбе 381 этого же могильника (рис. 10,6–8,16,17,22; см. также: [Gavritukhin, 2018, p. 84–85, 93]). Объединяют эти комплексы также пряжки серии Цебельда – Бирск, нередкие в гарнитурах с наконечниками серии Шапка (рис. 10,9,13,19), за пределами Тюркского каганата неоднократно встреченные на Черноморском побережье Кавказа [Gavritukhin, 2018, p. 54, 71–72], где представлены и другие находки, аналогичные интересующим нас северокавказским (например, рис. 6,58–60).

Аналогии упомянутым накладкам с прямыми боками и наконечникам серии Шапка присутствуют в поступлении 1928 г. из Гижгида (рис. 10,32,34)²³, в котором представлен и наконечник (рис. 10,35), большинство аналогий которому происходят из зон, где найдены псевдопряжки типа 5, а иногда и в одном комплексе с ними, в том числе на Северном Кавказе (например, рис. 4,15; [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89,55,81,98–99,101,122,127; Гавритухин, 2001а, рис. 9,6, 10,10, 11,15, 12,7; Левина, 1996, рис. 131,14,15,24]).

Накладка с чуть прогнутыми боками есть в Бердуть (рис. 9Б,19). Т-образная накладка с прямыми боками щитка найдена в Бруте (рис. 9Б,16). В упомянутых комплексах с этим же культурным кругом связаны щитовидные накладки без прорезей, имеющие дуговидные бока, представленные экземпляром из Брута и локальным вариантом в Клинь-Яре (рис. 9Б,15, 10,18,24). Абрис этих накладок аналогичен щиткам пряжек, псевдопряжек, Т-образных накладок / наконечников (рис. 9Б,1,23, 10,3, 6,13). Конечно, эта форма имеет широкий круг аналогий, но в интересующих нас комплексах она задает выразительную стилистическую линию. Показательна и скупая орнаментация рассматриваемых накладок и наконечников, что особенно бросается в глаза, если сравнивать их с изделиями византийского круга этого времени, хорошо представленными в Крыму и Балкано-Дунайском регионе.

Для интересующего нас культурного круга показателен и наконечник с вырезами в прямых боках, не имеющий прорезей (рис. 9Б,14). Такие наконечники и стилистически близкие им накладки можно найти от Поочья до Приаралья, в том числе в комплексах с псевдопряжками (например: [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 43,5; Гавритухин, 2001а, рис. 1,4,5, 3,11]). В западных областях Тюркского каганата, в том числе у степняков, хорошо представлены пояса с широкими и сравнительно короткими наконечниками, имеющими прямые бока и скругленный низ (рис. 10,4). Со степными традициями связаны подвесные крепежные наконечники (рис. 10,26), получившие широкое распространение у оседлого населения позднее – в VII веке. Отметим и ряд переключек рассматриваемых комплексов: пластины (вероятно, наконечники) полуовальной формы (рис. 9Б,12, 10,5); трехлопастные накладки (нередко – разделители ремней) с округлыми концами и приподнятой центральной частью (рис. 9Б,21, 10,20,21).

Для рассматриваемых комплексов характерно и активное использование мелких накладок. Отмечу, что трехлепестковые накладки (рис. 9Б,2,10,20,27, 10,33) стилистически близки четырехлепестковым, о которых шла речь выше (см. часть 2). Показательны накладки схемы «2 круга и клювовидный вы-

ступ», напоминающие голову птицы, если смотреть на нее спереди и чуть сверху (рис. 9Б,24, 10,14), выделенные мной в блок вариантов Клинь-Яр – Бердуть [Gavritukhin, 2018, p. 95]. К редким вариациям относится небольшая накладка в виде симметрично сдвоенных запятых (рис. 9Б,11). Есть и мелкие накладки широко распространенных типов (рис. 9Б,3,5, 10,2). Мелкие накладки в немалом числе используются и в ременных гарнитурах других регионов, но для каждого из них характерен свой набор (ср., например, выборку из погребений «раннеаварского» круга в: [Гавритухин, 2001в, рис. 35]).

Конечно, часть рассмотренных выше типов вещей имеет датировку более широкую, чем эпоха Первого Тюркского каганата, однако их сочетание указывает именно на нее. В пользу ранней датировки (в рамках периода Тюркских каганатов на Северном Кавказе) свидетельствует и присутствие практически в каждом упомянутом комплексе тех вещей, которые обычны в более раннее время: изделий шиповского круга или находок, нередких в комплексах с ними (рис. 9Б,17,18,23, 10,15,27–30,36)²⁴; овальных или круглых пряжек без щитка или с подвижным щитком, имеющих язычок с уступчиком или площадкой в задней части, в том числе с хоботовидным язычком (рис. 9Б,13,25, 10,10–12,25,27).

В контексте рассмотренных наборов следует сказать и о находках из склепа 7 в Карши-Баире 1 в Юго-Западном Крыму (см. о нем выше, в части 1, и в приложении, списке 1, № 24). Именно из него происходят ближайшие аналогии интересующей нас бесланской пряжке (рис. 1,30–32). Необычны для Крыма и некоторые другие детали конской сбруи с этими пряжками, происходящие из этого склепа

(рис. 3,41,42), зато многочисленные аналогии им известны в комплексах, связанных с Тюркским каганатом (например, рис. 9Б,20,27, 10,33,35 и рассмотренные выше аналогии этим вещам). Фрагменты металлической обивки некоего деревянного предмета из Карши-Баира [Ушаков, Филиппенко, 2005, рис. 3,24–35] аналогичны находкам из Брута (рис. 9Б,7). Следует иметь в виду, что инвентарь погребений в рассматриваемом карши-баирском склепе обычен для местной культуры, необычны только вещи, лежащие отдельно у входа в камеру и связываемые с конским снаряжением (такое «приношение» тоже необычно). С учетом того, что склеп 7 в Карши-Баире 1 датируется серединой – третьей четвертью VI в., это конское снаряжение попало в Крым, скорее всего, в период первых византийско-тюркских контактов, то есть между 568 и 576 годами. Можно предположить, что это был дар человеку, оказавшему услуги тюркскому посольству, которое бывало весьма многочисленным, включая стражу и купцов.

Выше я ограничился лишь несколькими показательными комплексами из опорных памятников в разных регионах аланской культуры. Тщательный анализ коллекций, в том числе неопубликованных, и новые раскопки, конечно, позволят сделать этот круг более обширным и выразительным²⁵. Однако и приведенных материалов достаточно, чтобы показать важное влияние Тюркских каганатов не только на военно-политическую историю алан, но и на развитие их культуры. Поэтому я считаю правильным говорить об эпохе Тюркских каганатов в истории северокавказских алан и ряда других народов Восточной Европы, так же как выделяется хазарская эпоха для более позднего времени.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список 1. Маленькие полые В-образные пряжки с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы

Блок вариантов 1. С полуовальным щитком, без выступов в задней части (рис. 1,1,2,6,11,12,17,21–23,28,29; вероятно, 1,24 – см. о нем при описании № 20).

1. Алтай (рис. 1,23, 2,34). Известна по изображению в альбоме В.В. Радлова [Король, 2008, прил. 10, табл. XXXIX,20].

2. Гиляч, могила 19 (рис. 1,29, 2,25, 3,59). Как и другие находки, обнаружена между перемешанных костей, среди которых один череп [Минаева, 1951, рис.12,3].

3. Карнобад, могильник Бад-бунар, погребение 5 (рис. 1,28, 2,7, 3,9). Лежала у стопы правой ноги; у левой ноги ее пары не обнаружено, хотя погребение не потревожено [Велков, 2009, обр. 3,1; Даскалов, 2012, обр. 55,19; Трайкова, 2017, № 719].

4. Немеди (рис. 1,6, 2,3, 5А,31). Отнесена к поясной гарнитуре, включающей большую пряжку и, судя по маленькому ремённому наконечнику, боковые ремешки. Мой рис. с оригинала в Венгерском национальном музее (Будапешт) [Fettich, 1937, S. 287, Taf. CXXVIII,11; Гавритухин, 1999, рис. 3В,11, с. 187].

5. Рупките, могила 2 (рис. 1,22, 2,6). Комплекс не опубликован [Даскалов 2012, обр. 55,18; Трайкова, 2017, № 724].

6. Сахарная Головка, склеп 2 (могила 7), погребение 3 (рис. 1,21, 2,13, 3,31). Единственная находка, связанная с этим погребением, разрушенным более поздними [Веймарн, 1963, рис. 5,17].

7. Скалистое, могильник Баклинский овраг, склеп 23 (рис. 1,2, 2,18, 5А,36). Найдена в ограбленном склепе среди скопления костей № 2 вместе с деталями ремённой гарнитуры «геральдического» стиля [Гавритухин, 1999, рис. 3,5, с. 187 (с лит.)].

8. Унтерлаухринген (рис. 1,1; 2,1). Данные о комплексе остались мне неизвестны [Гавритухин, 1999, рис. 3В,12].

9. Херсонес, цистерна П-1967 (рис. 1,17,18, 2,12, 3,26). Найдены в засыпи цистерны, среди разновременных находок; мой рис. с оригиналов в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург) [Гавритухин, 2002, рис. 2,5].

10. Эски-Кермен, склеп 380 (рис. 1,11,12, 2,15, 3,14,15). Пара найдена в разграбленном склепе [Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 156,9,10].

Блок вариантов 2. С полуовальным щитком, имеющим резкий выступ в задней части (рис. 1,3,7,13).

11. Каллатис, погребение 132 (рис. 1,13, 2,8, 3,21). Лежала на тазе слева; у левого бедра – ремённый наконечник, который, судя по размерам, мог быть связан с пряжкой; костяк не нарушен [Гавритухин, 1999, рис. 3В,10, с. 187 (с лит.)]²⁶.

12. Клин-Яр III, катакомба 360 (рис. 1,7, 2,26, 3,6). Найдена среди деталей ремённых гарнитур, помещённых в сосуд [Belinskij, Härke, 2018, fig. 127,4h].

13. Клин-Яр III, катакомба 360 (рис. 1,3, 2,26, 3,5). Зафиксирована среди деталей ремённых гарнитур, связанных с креплением меча [Belinskij, Härke, 2018, fig. 131,38].

Блок вариантов 3. Со щитком, имеющим плавный выступ в задней части (рис. 1,4,8,14,15,19).

14. Владикавказ (быв. Орджоникидзе), могилы, разрушенные 15.04.1904 г. (рис. 1,15, 2,29). Комплекс не известен [Гавритухин, 1999, рис. 3В,6, с. 187 (с лит.)].

15. Гоуст (Гоуздка, Гоузд), катакомба 9, западный костяк (рис. 1,14, 2,31, 5А,57, 5Б,3). Опубликованы только выборочные рисунки находок без привязки к комплексам [Ковалевская, 2005, рис. 40]; полная выверенная публикация готовится к печати, некоторые материалы, в том числе рассмотренная пряжка, сданы в печать; приводимые здесь информация и изображения получены от А.А. Кадиевой и С.А. Гончарова. Интересующая нас пряжка лежала «несколько ниже» «грудных костей» (так в отчете автора раскопок В.И. Долбежева), вместе с большой пряжкой, кольцом и пластиной с крючком ([Ковалевская, 2005, рис. 40,71]; а также работа С.А. Гончарова и А.А. Чижовой²⁷).

16. Дымовка, курган 14, погребение 2 (рис. 1,19, 2,20, 5А,42). Доступны данные только о наборе находок [Гавритухин, 1999, рис. 3В,4, с. 187 (с лит.)].

17. Дюрсо, могила 311 (рис. 1,4, 2,22). Комплекс готовится к публикации автором раскопок Александром Васильевичем Дмитриевым, которому я приношу благодарность за возможность опубликовать мой рис. с оригинала в Новороссийском историческом музее-заповеднике.

18. Хацки, клад (рис. 1,8, 2,9, 5А,22). Вещь, необычная для кладов этого круга [Корзухина, 1996, табл. 22,3; Скиба, 2016, рис. 25,11].

Блок вариантов 3 или 4. В публикациях находки из склепа 422 в Скалистом имеются расхождения, незначимые при обсуждении этой вещи ранее [Гавритухин, 1999, рис. 3В,5, с. 187], но ставшие существенными для уточненной типологии. В одном случае (рис. 1,5; [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 75,3]) она должна быть отнесена к блоку вариантов 3, в другом (рис. 1,5а; [Айбабин, 1990, рис. 39,26]) – к блоку вариантов 4.

19. Скалистое, склеп 422 (рис. 1,5,5а, 2,18, 5А,49). Пряжка найдена среди разбросанных в беспорядке вещей в полуразрушенном склепе, где было похоронено не менее двух человек (ссылки на публикации см. в предыдущем абзаце).

Блок вариантов 4. С полуовальным щитком, приостренным в задней части (рис. 1,9,10,16,20,25–27,30–32,40).

20. Беслан (Бесланский могильник), курган 876, катакомба 1 (рис. 1,30, 2,27, 5Б,4). Найдена среди перемещенных вещей сильно ограбленной катакомбы [Коробов, Малашев, 2023, рис. 7,1]; фото Д.С. Коробова.

Там же найден обломок (рис. 1,24, 2,27, 5Б,5), скорее всего, однотипной пряжки, однако в этом случае относящейся к блоку вариантов 1; фото Д.С. Коробова.

21. Борки, погребение 28 (рис. 1,40, 2,21). Данных о расположении вещей нет [Гавритухин, 1999, рис. 3В,16, с. 187].

22. Виноградное, курган 35 (рис. 1,16, 2,11). Комплекс не опубликован [Комар, 2006, рис. 45,38].

23. Дуррес, могила 26 (рис. 1,9,10, 2,4). Пара; набор инвентаря (кроме этой пары, найдена только более крупная пряжка, вероятно поясная) позволяет предполагать, что здесь был похоронен 1 человек [Tartari, 1984, tab. II,2,3].

24. Карши-Баир 1, склеп 7 (рис. 1,31,32, 2,14, 3,39,40). Кроме двух приведенных пряжек, опубликована еще одна, с утратами в задней части, аналогичная, судя по всему, приведенным; найдены вместе с другими пряжками, ременными накладками и наконечником (в том числе рис. 3,41,42) в скоплении с удилами и колокольчиком, которое интерпретировано как остатки конской сбруи [Ушаков, Филиппенко, 2005, рис. 3,1–3], уточнено по информации, любезно предоставленной Сергеем Владимировичем Ушаковым.

25. Фынтынеле, могила 47 (рис. 1,20, 2,5). Найдена среди скопления мелких вещей в районе нижней части правой руки частично сохранившегося костяка [Dobos, Orgeanu, 2012, pl. 26,4, 37,6].

26. Херсонес, склеп 2126/1905 г. (рис. 1,25,26, 2,12). Пара, составленная из пряжек одного варианта, различающихся по ряду деталей; часть обувного набора; мои рис. с оригиналов в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург) [Гавритухин, 1999, рис. 3В,7,8²⁸, с. 187–188 (с лит.)].

27. Христофоровка, курган 7, погребение 12 (рис. 1,27, 2,10, 5А,13). Составляла пару с пряжкой другого типа; деталь обувного набора [Комар, 2010, рис. 14,43].

Блок вариантов 5. Со щитком единичных форм (рис. 1,33–35).

28. Арчица, погребение 5 (рис. 1,35, 2,2, 3,34). Пара, явно принадлежащая вспомогательным ремням; найдена в расположенном близ умбона (лежал у правого колена) скоплении с накладками, не менее пяти из которых выполнены в том же стиле (с мотивом парных дельфинов), еще одной пряжкой другого типа и другими вещами (точный состав по публикации не ясен); вероятно связь части этих предметов с мечом (спатой), лежавшим справа от костяка [Гавритухин, 1999, рис. 3В,14, с. 188 (с лит.)].

29. Пашковский могильник 1, могила 5/1949, тайник (рис. 1,34, 2,23, 3,58). Найдена среди различных деталей убора в скоплении, не дающем представления о месте ношения этих вещей [Пашковский могильник, 2016, рис. 50,6].

30. Цебельда, могила 279 / Цибилум 1а, могила 3 (рис. 1,33, 2,24, 3,55). Пара, входила в обувной набор [Гавритухин, 1999, рис. 3В,15, с. 188 (с лит.); Воронов, 2003, рис. 132,31,32].

Неясного блока вариантов. С утраченной задней частью щитка.

31. Суук-Су, могила 84 (рис. 2,19). Найдена на груди детского скелета; из других находок – ожерелье из бус [Гавритухин, 1999, рис. 3В,15, с. 189 (с лит.)].

32. Чми-Суаргом, катакомба 6 из раскопок Д.Я. Самоквасова (рис. 5А,8, 5Б,1, 2,30). Найдена в нижней части катакомбы, где было зафиксировано два скелета; среди разновременных вещей, точное местоположение которых по публикации непонятно [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 83,кат. 6; Самоквасов 1908, с. 187]; фото А.А. Кадиевой.

Список 2А. Пряжки серии Коминтерн

1. Верх-Сая, курган 9, погребение 3 (рис. 1,37, 2,33, 3,51, 4,35). Вместе с тремя круглыми накладками лежала близ зубов (остальные части скелета не сохранились); мой рис. с оригинала, когда он хранился в Археологическом музее Удмуртского государственного университета (Ижевск), с лучше переданными деталями, чем в полной публикации памятника [Голдина и др., 2018, табл. 11,1, с. 15].

2. Коминтерн, могильник 2, погребение 5 (рис. 1,39, 2,32, 3,54). Найдена «на месте груди» плохо сохранившегося скелета вместе с еще одной пряжкой и подвеской на ремешке, обложенном металлическими спиральками [Казаков, 2021, рис. 12,16].

3. Коминтерн, могильник 2, погребение 66 (рис. 1,38, 2,32, 3,44). Найдена на тазовых костях, правее – железный нож, подвешенный явно не с помощью этой пряжки; остальные вещи, в том числе пряжки, связаны с несомненно другим контекстом [Казаков, 2021, рис. 58,7].

Список 2Б. Пряжки серии Арчиза

1. Арчиза – см. № 28 в списке 1.

2. Садон, катакомба 18, погребение 4 (рис. 5Б,2, 2,28). Найдена с внутренней стороны левого бедра рядом с маленькой пряжкой другого типа, у левой тазовой кости зафиксирована фибула, левее пояса – крупная пряжка, у ног – удила, стремя и пряжки; погр. 4 немного смещено при совершении более поздних погребений. Раскопки, фото и графика З.П. Кадзаевой, публикуются впервые.

3. Чуфут-Кале, склеп 80 (рис. 1,36, 2,16). Была среди находок в сильно ограбленном склепе; неопубликованные раскопки В.В. Кропоткина; приводимое изображение взято мною из его бумаг, переданных в архив ИА РАН; данные о комплексе – там же и из его отчета о полевых исследованиях в 1957 г. для Отдела полевых исследований (Архив ИА РАН).

Список 3. Четырехлепестковые накладки типа 2

Блок вариантов 1 (петропавловский вариант) – без прорезей (рис. 6,15,17,20,21,28,31, 7,а).

1. Ачинская (или Агинская?) степь (рис. 7,44). 2 экз.; обстоятельства находки не ясны [Ковалевская, 1990, рис. 3,48; 2000, № 2760–2761].

2. Бекешево, курганная группа 2, курган 2, погребение 6 (рис. 7,28). Не менее 5 экз.; лежали в области таза ребенка; в публикации, со ссылкой на 1 образец интересующей нас накладки, указано 7 экз. (в отчете для ОПИ приведены фото 5 таких экз. и столько же нарисовано на плане, правда, в тексте отчета говорится, что 2 из них были перевернуты) и 3 экз., для которых указан экземпляр-образец другого типа, но в отчете нет даже упоминаний о них [Мажитов, 1974, рис. 42, 43, 1–5; 1981, с. 66, рис. 34,29].

3. Большие Мурлы, могильник близ оз. Ирча, курган 53, погребение 1 (рис. 7,41). Судя по фото в отчете В.А. Могильникова для ОПИ, не менее 20 экз. (или 23, если на рис. 30 на нижнем фото помещены не те же вещи, что представлены на верхнем фото); лежали в беспорядке среди других находок, в том числе удил и пряжки, обычной для поясов; в данной статье (рис. 6,42) 1 экз. приведен по фото, любезно предоставленному А.С. Зеленковым [Могильников, 1969, рис. 28, 28а, 30].

4. Варни, погребение 552 (рис. 7,15). 2 экз.; лежали недалеко от Т-образной накладки (крепежного наконечника); связаны с поясом, вероятно, украшали подвесной ремешок к нему; прорисованы мной (рис. 6,28) вскоре после раскопок с оригиналов, которые были переданы в Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 102, рис. 4,10, 13, уч. 2].

5–6. Кузубаево, городище (рис. 7,18). Вещи прорисованы мной по оригиналам, и места их находки уточнены по документации, хранящимся в НМУР [Останина, 2002, с. 25, 62, 63, рис. 2,5,6].

5. Яма 59. Найдена в заполнении вместе с ремennым наконечником, подвеской, терочником, фрагментами керамики, костями.

6. Яма 62 (рис. 6,31). Найдена в заполнении вместе с накладкой блока вариантов 2, фрагментами керамики и жерновов, костями.

7–10. Петропавловская, могильник (рис. 7,16). Вещи прорисованы мной и их количество уточнено по оригиналам в НМУР [Семенов, 1976, с. 13, 16, 18 табл. III,17].

7. Погребение 4. Не менее 4 экз. (рис. 6,15); лежали среди скопления вещей и кремированных останков.

8. Погребение 11. Не менее 3 экз. (рис. 6,17); найдены среди вещей, разбросанных при проникновении в могилу в древности (в том числе накладка блока вариантов 2).

9. Погребение 12. Сохранился 1 экз. (рис. 6,20); был среди вещей, разбросанных по дну могилы (в том числе накладки блоков вариантов 2 и 3).

10. Погребение 20. Сохранился 1 экз. (рис. 6,21); был среди вещей, разбросанных в засыпи могильной ямы.

11. Садон, катакомба 17 (рис. 7,36). 1 экз. (рис. 6,35), найден, наряду с другими вещами, среди плохо сохранившихся костей погребений (не менее двух), сдвинутых при совершении погр. 1; раскопки и рис. З.П. Кадзаевой, публикуются впервые.

Блок вариантов 2 – с четырьмя круглыми прорезями (или их имитацией) напротив мест схождения «лепестков» (рис. 5,1–14,16,18,22–27,29,30,32,33, 7,б).

12–14. Алтын-асар 4 (рис. 7,37). В публикациях приведены лишь избранные рисунки, установить по ним точное количество и местоположение почти всех находок нельзя.

12. Курган 268. Там же найдены накладки других типов, в том числе выполненные с использованием четырехлепесткового мотива (например, рис. 6,57) [Левина, 1996, рис. 132,16; Левина, 1994, рис. 155,31].

13. Курган 394. Судя по реконструкции, опубликованной без обоснования, не менее 3 экз., расположенные на поясе [Левина, 1996, рис. 134, 132,22,23].

14. Курган 452. Там же найдены накладки других типов, пряжка, ременный наконечник [Левина, 1996, рис. 132,18].

15–16. Ахмылово (рис. 7,9).

15. Погребение 15. Не менее 4 экз.; найдены в районе пояса и таза, в том же скоплении, простирившемся и между бедер, располагалась гарнитура «геральдического» стиля, включающая псевдопряжки; рис., более точные, чем в наиболее полной публикации Т.Б. Никитиной, предоставлены А.В. Богачевым, как и данные о количестве вещей, которые он видел в оригинале [Никитина, 1999, с. 46, рис. 6,6; Гавритухин, 2001а, с. 58–59, рис. 5,10].

16. Погребение 27. Не менее 2 экз. (судя по плану могилы); найдены в районе пояса на кожаном ремне с пряжкой и накладками других типов [Никитина, 1999, с. 47, рис. 11,3].

17. Беслан (Бесланский могильник), курган 876, погребение 1 (рис. 7,34). Не менее 2 экз. (рис. 5Б,6, 6,1), найдены среди перемешанных вещей ограбленной могилы [Коробов, Малашев, 2023, рис. 7,7,8]; фото Д.С. Коробова.

18. Бирск, могила 270 (рис. 7,20). 2 экз. (рис. 6,11–12), информация о них и комплексе не публиковалась; рис. А.А. Красноперова с моими коррективами по оригиналам в Музее археологии Музейного комплекса Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета.

19. Борок 2, комплекс 178 (рис. 7,5). Не менее 5 экз. (варианта с лицевой частью в виде низкой пирамиды) в составе уздечного набора, включавшего не менее 19 трехлепестковых и другие мелкие накладки, пряжки, наконечники и др.; информация из публикации уточнена у Ильи Рафаэлевича Ахмедова и Александра Петровича Гаврилова, перепроверена по фондам Шиловского районного краеведческого музея [Ахмедов, Гаврилов, 2017, рис. 7,29].

20. Буйский Перевоз (Буйское городище), городище (рис. 7,13). 1 экз.; не опубликован, любезно предоставленная информация Надежды Анатольевны Лещинской.

21. Борижар, склеп 5, единственный описанный скелет (рис. 7,38). Количество и точное местоположение по публикации не ясно; рис. одного экз. приведен вместе с рис. других деталей ременной (поясной или портупейной) гарнитуры [Байпаков и др., 2005, с. 102, рис. 3.4,18]; вероятно, она же в другой прорисовке (без указания комплекса) – [Байпаков и др., 2005, рис. 3.8,4].

22. Булгарский курган (рис. 7,21). Не менее 1 экз.; находки в разграбленном погребении, среди них – горизонтально симметричная накладка «геральдического» стиля и керамика [Мажитов, 1981, с. 18, рис. 7,29].

23–26. Варни (рис. 7,15).

23. Погребение 88. 1 экз., судя по информации А.А. Красноперова, работавшего с коллекцией в УИИЯЛ УрО РАН; рис. А.А. Красноперова с оригинала (рис. 6,27). Вероятно, в публикации [Семенов 1980, с. 71] опечатка и при описании находок из этого погребения вместо отсылки к табл. XII,38 должно быть XII,28. Тогда описание в публикации не противоречит коллекции и можно считать, что интересующая нас накладка входила в поясной набор. Правда, в отчете интересующая нас накладка среди находок из погр. 88 не упомянута [Семенов, Корепанов, 1972], но там фигурирует только одна накладка, а по публикации их несколько.

24. Погребение 100. 4 экз., правда, опубликовано изображение только одного; найдены в составе поясного набора [Семенов, 1980, с. 37, 72, 102, табл. XII,28]. Среди опубликованных находок фигурируют вещи салтовского времени, для которого интересующие нас накладки необычны, что оставляет сомнения в точности публикации (ср. выше о погр. 88); по информации А.А. Красноперова, в коллекции погр. 100, хранящейся в УИИЯЛ УрО РАН, четырехлепестковых накладок нет, а остальным вещам есть соответствия в публикации.

25. Погребение 611. 3 экз.; сведения и рис. А.А. Красноперова по коллекции в УИИЯЛ УрО РАН (рис. 6,23–25); хранятся под номером этого комплекса вместе с пряжками, накладками, имеющими кольцевую подвеску; материалы не публиковались, описания погребения в доступных архивах найти не удалось.

26. Сборы с поверхности. 1 экз.; сведения и рис. А.А. Красноперова по коллекции в УИИЯЛ УрО РАН (рис. 6,26).

27–28. Верх-Сая (рис. 7,25).

27. Курган 9, погребение 1. 1 экз. (рис. 6,29, 4,14); был среди инвентаря сильно ограбленной могилы; мой рис. по оригиналу, когда он хранился в Археологическом музее Удмуртского государственного университета (Ижевск), более детальный, чем в полной публикации памятника [Голдина и др., 2018, с. 14, табл. 7,2].

28. Курган 85, погребение 1. Не менее 8 экз., находились в скоплении у нижней части ног среди накладок (упомянуто 24 экз., рис. приведены для 19), пары пряжек и пары ременных наконечников, тут же найдена

пластина, предположительно, от ножен; гарнитура принадлежит кругу «геральдических» и характеризуется авторами публикации как обувная [Голдина и др., 2018, с. 40, табл. 113, 1–5, 9, 10].

29. Волчиха, погребение 70 (рис. 7,10). Комплекс не опубликован²⁹.

30. Выжегша, вероятно с городища (рис. 7,3). Несанкционированная находка, передана во Владимиро-Суздальский государственный музей-заповедник; по словам передавшего вещи, происходит с городища, но полной уверенности в этом нет. Не публиковалась; информация и фото (рис. 6,32) любезно предоставлены Андреем Евгеньевичем Леонтьевым.

31. Коллекция Михаила Николаевича Зеликмана, лесного ревизора Строгановых; наряду с его приобретениями в лесном Приуралье (основная часть), в ней есть подарки, даже из Херсонеса. Мне известен 1 экз. (рис. 6,10), хранящийся в Пермском краеведческом музее; рис. с оригинала, публикуется впервые.

32–33. Коминтерн, могильник 2 (рис. 7,19).

32. Погребение 42. Не менее 4 экз. (рис. 6,22), лежали в двух скоплениях вещей в могиле, от которой осталась только придонная часть: 1) фрагменты четырехлепестковых накладок и пряжка; 2) 2 четырехлепестковых и 7 другого типа (как на рис. 6,45) – с подпружной костяной и 4 металлическими (из тонкой пластины) пряжками, а также деталями, наверное, седла; рис. с оригиналов, любезно показанных мне автором раскопок Евгением Петровичем Казаковым [Казаков, 2021, с. 16, рис. 38,3].

33. Погребение 46. Не менее 11 экз., лежали в нескольких скоплениях: 1) 4 экз. или 2 четырехлепестковых и 2 другого типа (как на рис. 6,45) вместе с пряжкой и ремненным наконечником – между берцовыми костями; 2) 2 экз. слева от берцовых костей; 3) не менее 2 экз. у ступней; 4) 3 экз. вместе с пряжкой из тонкой пластины и удилами – у черепа и костей ног лошади, лежащих южнее ступней погребенного [Казаков, 2021, с. 18–19, рис. 48,8, 10–13, 21–24], на этом же рис. приведен еще 1 экз. (он не пронумерован), цветные фото см. в: [Казаков, 2021, табл. XVII] (в таблице позиции не пронумерованы, см. экз. слева и по центру в среднем ряду).

34. Красногорский хутор / Красногорка, курган 1, единственное погребение (рис. 7,27). 1 экз. найден в нарушенной могиле, в скоплении с 10 бусинами, лежавшими у бедренной кости [Горбунов, 1984, с. 56, рис. 1,2].

35. Кузубаево, городище (рис. 7,18). См. о находках с памятника в списке блока вариантов 1.

Яма 62. 1 экз. (рис. 6,30), найден в заполнении, вместе с накладкой блока вариантов 1, фрагментами керамики и жерновов, костями [Останина, 2002, с. 63, рис. 2,20].

36. «Кузубаевский клад» (рис. 7,17). 2 экз. (рис. 6,13, 14); покупка, локализация со слов продавца; есть сомнения и в отношении принадлежности всех вещей одному комплексу, однако набор «мастер-моделей», включающий эти накладки и ряд предметов в основном «геральдического» стиля, представляется мне единым и происходящим из Камского региона; мои рис. с оригиналов в НМУР, но есть и публикация [Останина и др., 2011, с. 131, № 117–118, рис. 4,15, 16].

37–39. Кушнаренково, могильник 1 (рис. 7,22).

37. Погребение 2. 4 экз. (рис. 6,6–8); лежали среди костей стоп вместе с парой пряжек, ремненным наконечником, 4 ремненными разделителями, 3 накладками других типов; рис. мои и А.А. Красноперова с оригиналов в Археологическом музее Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, более точные, чем в публикации [Генинг, 1977, с. 94, рис. 3,9–12].

38. Погребение 17. 4 экз. (рис. 6,3–5); лежали вокруг костей стоп вместе с парой пряжек и 4 ремненными разделителями; рис. мои и А.А. Красноперова с оригиналов в Археологическом музее Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, более точные, чем в публикации [Генинг, 1977, с. 100, рис. 7,25–28].

39. Погребение 31. 1 экз., фрагмент (рис. 6,34) – это все, что зафиксировано в сильно разрушенном захоронении [Русланова, Русланов, 2022, с. 54, рис. 7,6]; изображение, помещенное в публикации рядом, – авторская реконструкция на основе этого фрагмента; фото с оригинала в Национальном музее Республики Башкортостан (Уфа) любезно предоставлено Ридой Раисовной Руслановой.

40. Мокрая Балка, скорее всего катакомба 100, погребение 1 (рис. 7,33). 1 экз. (рис. 6,9); в публикации он не приводится, но в коллекции хранился вместе с находками из этого комплекса, которых меньше, чем известно по систематической публикации, соответствующей полевому отчету автора раскопок А.П. Рунича за 1971 г. [Афанасьев, Рунич, 2001, с. 158]. Полностью не исключая попадание этой вещи из другого комплекса, отмечу, что она фигурирует в комплексе катакомбы 100 в давнишней работе В.Б. Ковалевской [1995, табл. 13, *сверху*], а в ее свод [Ковалевская, 2000] не вошла, так как он был подготовлен не позднее 1979 г. (вместе со сводом о пряжках), а В.Б. Ковалевская после 1971 г. работала на памятнике в 1980 г., когда, видимо, и познакомилась с материалами раскопок А.П. Рунича 1971 года. Как бы то ни было, эта накладка происходит из Кисловодской котловины; нарисована мной с оригинала в Кисловодском историко-краеведческом музее «Крепость» [Гавритухин, 2001б, рис. 77,41].

41. Ново-Турбаслы, курган 13, погребение 1 (рис. 7,23). 1 фрагмент (рис. 6,2); найден близ дна ямы разрушенного погребения, инвентарь которого был рассредоточен по заполнению ямы; рис. А.А. Красно-

перова с оригинала в Национальном музее Республики Башкортостан (Уфа) [Мажитов, 1958, рис. 54,21]; в публикации [Мажитов, 1959, с. 128] эта находка не указана; упоминание В.Б. Ковалевской [2000, № 2736–2737] 2 экз. таких накладок в этом комплексе противоречит данным по отчету и коллекции.

42. Образцово, поселение 1 (рис. 7,2). 1 экз. (рис. 6,33) из несанкционированных сборов; по словам находчиков, был в составе денежно-вещевого клада, значительная часть которого передана в Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»; информация и фото любезно предоставлены Алексеем Михайловичем Воронцовым.

43–44. Петропавловский могильник (рис. 7,16). См. о находках в списке блока вариантов 1.

43. Погребение 11. Сохранился 1 экз. (рис. 6,16); найден среди вещей, зафиксированных в беспорядке (в том числе накладка блока вариантов 1).

44. Погребение 12. Сохранился 1 экз. (рис. 6,18); найден среди вещей, разбросанных по дну могилы (в том числе накладки блоков вариантов 1 и 3).

45. Подболотье, погребение 220 (рис. 7,4). Кроме нескольких находок (но не четырехлепестковых накладок), опубликовано только описание погребения, из которого понятно лишь, что накладки связаны с поясным ремнем [Городцов, 1914, с. 133]; о ременной garniture, включающей интересующую нас накладку, см. примеч. 29; некоторые находки приведены в: [Fettich, 1937, Т. СХХV, 1–4].

46. Сайнино, городище «Ош-Пандо», раскоп 1947 г., кв. 11К, штык 3 (рис. 7,11). 1 экз.; состав находок в этом и соседних квадратах не ясен [Вязов и др., 2016, с. 76, рис. 11А,2].

47. Салым, комплекс «Священная Кедровая Роща», погребение 3 (рис. 7,40). Не менее 6 экз., 5 из них сохранились на кожаном ремне, зафиксированном в составе пояса, включающего накладки в «геральдическом» стиле и псевдопряжки, еще 1 накладка, вероятно, связана с креплением меча [Кардаш и др., 2021, рис. 2.18,2, 2.23, 2.26, 1, 2].

48. Старое Бадиково, погребение 86 (рис. 7,8). 1 экз., лежал между бедренными костями вместе с ножом, кремнем, «фитильной трубочкой»; атрибуция уточнена по рис. В.Н. Шитова (см. примеч. 29), несомненно более точному, чем в публикации [Петербургский, 2011, с. 33, рис. 80,19].

49. Старый Кадом, погребение 53 (рис. 7,7). Количество в публикации не указано; были в части garniture, лежавшей на животе, близ меча; судя по всему, эта портупея была не надета, а кусками положена на погребенного [Шитов, 1988, с. 40, табл. XII,5].

50. Тат-Бояры, погребение 34 (рис. 7,14). Не менее 2 экз. на узком кожаном ремне; известны по сводной таблице находок из региона [Лещинская, 1995, с. 95, рис. 16,15] и перепубликациям этих материалов, комплекс не опубликован; информация уточнена А.А. Красноперовым по отчету Н.А. Лещинской о полевых исследованиях в 1990 году.

Блок вариантов 3 – с четырьмя круглыми прорезями (или их имитацией) по центру «лепестков» (рис. 6,19,34–36).

51. Борижар, склеп 13, «западный» скелет (рис. 7,38). Количество и точное местоположение по публикации не ясно; изображение накладки опубликовано вместе с рис. пряжки [Байпаков и др., 2005, с. 106, рис. 3.8,13].

52. Весилаhti, могильник Кирмукарму (рис. 7,1). Опубликован 1 экз. (рис. 6,38); данные о комплексе остались мне неизвестны, кроме того, что это – могильник с кремациями [Kivikoski, 1973, S. 15, 82, Taf. 66,590].

53. Касимовский уезд (рис. 7,6). Комплекс не ясен (см. примеч. 29).

54. Петропавловский могильник (рис. 7,16). См. о находках в списке блока вариантов 1.

Погребение 12. 2 экз. (рис. 6,19); найдены среди вещей, разбросанных по дну могилы (в том числе накладки блоков вариантов 1 и 2).

55. Рёлка, курган 7, могила 1 (рис. 7,42). Количество в публикации не указано; идентифицируется по отсылке на рис., очень скупо прокомментированный в тексте, где отмечено, что вещи лежали «грудой» и это трупосожжение, хотя сказано и то, что кости не сохранились [Чиндина, 1977, с. 20, рис. 24,11], вероятно, та же вещь дана на сводном рис.: [Чиндина, 1977, рис. 33,21]. Отчет В.И. Матющенко в ОПИ за 1964 г. не уточняет данные из публикации.

С четырехугольной прорезью или углублением посередине (серия Хацки)

56. Кизлевый (остров) (рис. 7,30). 1 экз. из сборов в зоне размываемого Днепром «могильника с кремациями» [Бодянский, 1960, с. 276, рис. 4,14].

57. Хацки, клад (рис. 7,29). 3 экз. (рис. 6,39), были среди разнородных вещей (см. некоторые на рис. 5А,15–26), стилистически связаны с одной из ременных garniture; с учетом того, что это – покупка случайной находки, представленность комплекса может быть не полной [Корзухина, 1996, с. 372, № 64–11, табл. 21,32–34; Скиба, 2016, рис. 23,16–18].

Данные, требующие проверки или поступившие после завершения работы

58. Алтын-асар, городище «Большой дом» (рис. 7,37). Накладка, опубликованная с тыльной стороны [Левина, 1996, рис. 132,37]. Судя по этому изображению, она может быть отнесена к модификации накладок блока вариантов 3 (как на рис. 6,19), с чуть измененными пропорциями, отчего отверстия немного сдвинуты от центра лепестков. Однако вероятно и то, что это модификация накладок другого типа (как на рис. 6,45 или схожей с этой).

59. Алтын-асар 4, курган 268 (рис. 7,37). В обобщающей монографии приведено изделие [Левина, 1996, рис. 132,17], напоминающее серию Хацки блока вариантов 3 (см. выше № 55 и 56). Однако в более ранней публикации [Левина, 1994, рис. 155,31] это же изображение дано как обратная сторона накладки, описанной выше под № 11.

60. Голый Камень, святилище на вершине одноименной горы близ Нижнего Тагила (рис. 7,39). По доступному изображению [Мищенко, 2001, с. 140, 143, 144, рис. 2,4; Сериков, 2005, рис. 23,1] не ясно, относится данная накладка к блоку вариантов 1 типа 2 или к типу 1.

61. Тимирязевский, могильник (рис. 7,43). Накладка блока вариантов 2 приведена В.Б. Ковалевской [1990, рис. 3,24] со ссылкой на этот памятник. Однако подтвердить это по доступным мне публикациям и другой информации я не смог.

62. Борок 2, комплекс 191 (рис. 7,5). Не менее 2 экз., относящихся к блоку вариантов 2; вместе с накладками и наконечниками «геральдического» стиля поступили в Шилковский районный краеведческий музей, за помощь в работе с его коллекциями я благодарен Александру Петровичу Гаврилову.

**Список 4. Источники изображений рис. 6,
приведенных для обсуждения четырехлепестковых накладок типа 2**

- 36, 37 – [Афанасьев, Рунич, 2001, рис. 49,5, 112,9].
40, 53, 56 – [Гаврилова, 1965, табл. XII,2, XIX,2, X,17].
41 – [Шестопалова, 2018, рис. 40,4/1].
43 – [Бисембаев, 2010, рис. 38,1].
44 – [Горбунова и др., 2009, с. 47, рис. 13].
45 – см. список 3, № 32.
46 – [Скиба, 2016, рис. 1,10].
47 – предоставлен З.П. Кадзаевой, публикуется впервые.
48, 49 – [Багаев, 2008, рис. 165,17, 168,22], приведенное более качественное изображение № 49 взято из отчета М.Х. Багаева для ОПИ.
50 – [Афанасьев, Рунич, 2001, рис. 101,27], но приведены рис. А.П. Рунича из отчета для ОПИ и мой рис. сохранившегося фрагмента³⁰.
51 – [Belinskij, Härke, 2018, fig. 219,17].
52 – [Мажитов, 1981, рис. 6,3].
54 – [Магомедов, 1983, рис. 24,13], комплекс в публикации не указан.
55 – [Pečarskaja, Kidd 1994, Taf. 55,4].
57 – [Левина, 1996, рис. 132,12].
58 – рис. В.Ю. Малашева, опубликованный без указания авторства в: [Ковалевская, 2005, рис. 101,4].
59 – рис., любезно предоставленный Сергеем Николаевичем Савенко.
60 – [Воронов, 2003, рис. 132,28].
61 – [Ранисавльев, 2007, табл. XXXI,7].
62 – [Balogh, 2004, Abb. 3,21].

**Список 5. Источники изображений рис. 8,
приведенных для обсуждения «наконечников» из катакомбы 876 Бесланского могильника**

- 8 – [Кузнецов, 1962, рис. 16,5].
9 – [Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 77,53].
10–11, 26–28 – [Амброз, 1989, рис. 38,9,16, 42,10–11, 36,4].
12–15 – [Айбабин, Хайрединова, 2014, табл. 188,8,9,14,15].
16 – [Айбабин, 1990, рис. 52,28].
17, 18 – предоставлены З.П. Кадзаевой, публикуются впервые.
19 – [Сазонов, 2009, рис. 1,16].
20–23 – [Поповић, 1997, сл. 14, 16, 24, 25].
24, 25 – [Bálint, 1992, Taf. 28,10, 33,3,5].

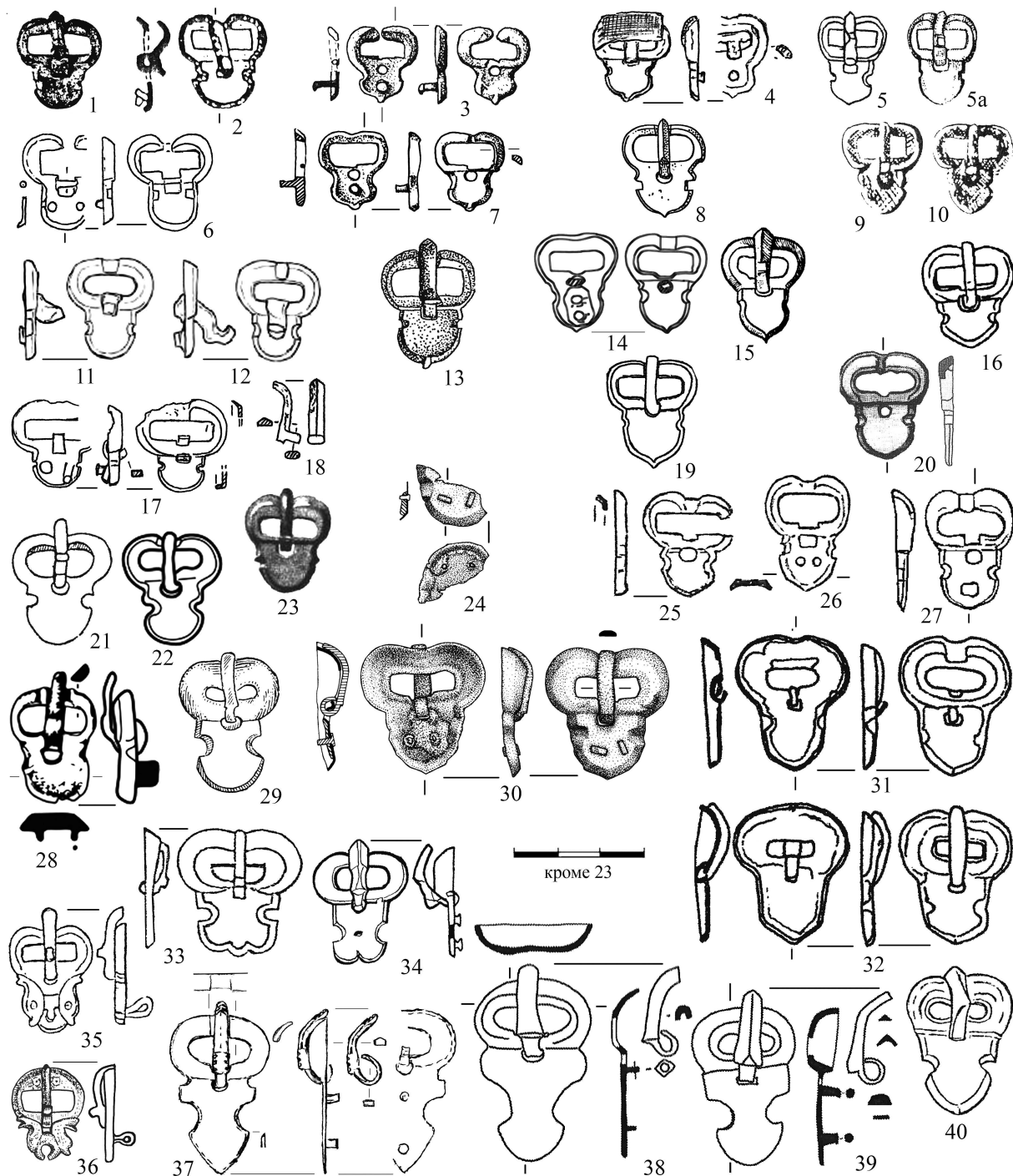

Рис. 1. Маленькие полые В-образные пряжки с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы (1–35, 40), пряжки серий Коминтерн (37–39) и Арчиза (35, 36).

Ниже в скобках указан номер по спискам 1 и 2:

- 1 – Унтерлаухринген (1-8); 2 – Скалистое, Бақлинский овраг, склеп 23 (1-7); 3, 7 – Клин-Яр III, катакомба 360 (1-12,13); 4 – Дюрсо, могила 311 (1-17); 5, 5a – Скалистое, склеп 422 (1-19); 6 – Немеди (1-4); 8 – Хацки, клад (1-18); 9, 10 – Дуррес, могила 26 (1-23); 11, 12 – Эски-Кермен, склеп 380 (1-10); 13 – Каллагис, погр. 132 (1-11); 14 – Гоуст, катакомба 9 (1-15); 15 – Владикавказ (быв. Орджоникидзе), могилы, разрушенные 15.04.1904 г. (1-14); 16 – Виноградное, курган 35 (1-22); 17, 18 – Херсонес, цистерна П-1967 (1-9); 19 – Дымовка, курган 14, погр. 2 (1-16); 20 – Фынтынеле, могила 47 (1-25); 21 – Сахарная Головка, склеп 2 (могила 7), погр. 3 (1-6); 22 – Рупките, могила 2 (1-5); 23 – Алтай (1-1); 24, 30 – Беслан, курган 876, катакомба 1 (1-20); 25, 26 – Херсонес, склеп 2126/1905 г. (1-26); 27 – Христофоровка, курган 7, погр. 12 (1-27); 28 – Карнобад, могильник Бад-бунар, погр. 5 (1-3); 29 – Гиляч, могила 19 (1-2); 31, 32 – Карши-Баир 1, склеп 7 (1-24);

33 – Цебельда, могила 279 (1-30); 34 – Пашковский могильник 1, могила 5/1949, тайник (1-29);
35 – Арчиза, погр. 5 (1-28); 36 – Чуфут-Кале, склеп 80 (2Б-3); 37 – Верх-Сая, курган 9, погр. 3 (2А-1);
38, 39 – Коминтерн, погр. 66 и 5 (2А-3 и 2А-2); 40 – Борки, погр. 28 (1-21)

Fig. 1. Small hollow B-shaped buckles with a fixed plate in the form of a “heraldic shield”
with side notches (1–35, 40), buckles of the Komintern (37–39) and the Arcisa (35, 36) series.

Below in parentheses the number according to lists 1 and 2 is indicated:

1 – Unterlauchringen (1-8); 2 – Skalistoye, Baklinskiy ovrag, vault 23 (1-7); 3, 7 – Klin-Yar III, catacomb 360 (1-12,13);
4 – Dyurso, burial 311 (1-17); 5, 5a – Skalistoye, vault 422 (1-19); 6 – Nemedi (1-4); 8 – Khatski, hoard (1-18);
9, 10 – Durrës, burial 26 (1-23); 11, 12 – Eski-Kermen, vault 380 (1-10); 13 – Callatis, gr. 132 (1-11);
14 – Goust, catacomb 9 (1-15); 15 – Vladikavkaz (former Ordzhonikidze), burials, destroyed on 15.04.1904 (1-14);
16 – Vinogradnoye, kurgan 35 (1-22); 17, 18 – Chersonesos, cistern П-1967 (1-9); 19 – Dymovka kurgan 14, gr. 2 (1-16);
20 – Fântânele, burial 47 (1-25); 21 – Sakharnaya Golovka, vault 2 (burial 7), gr. 3 (1-6); 22 – Rupkite, burial 2 (1-5);
23 – Altay (1-1); 24, 30 – Beslan, kurgan 876, catacomb 1 (1-20); 25, 26 – Chersonesos, vault 2126/1905 (1-26);
27 – Khristoforovka, kurgan 7, gr. 12 (1-27); 28 – Karnobad, Bad-bunar burial ground, gr. 5 (1-3); 29 – Gilyach, burial 19 (1-2);
31, 32 – Karshi-Bair 1, vault 7 (1-24); 33 – Tsebelda, burial 279 (1-30); 34 – Pashkovskiy burial ground 1, burial 5/1949,
hiding place (1-29); 35 – Arcisa, gr. 5 (1-28); 36 – Chufut-Kale, vault 80 (2Б-3); 37 – Verkh-Saya, kurgan 9, gr. 3 (2А-1);
38, 39 – Komintern, gr. 66 and 5 (2А-3 и 2А-2); 40 – Borki, gr. 28 (1-21)

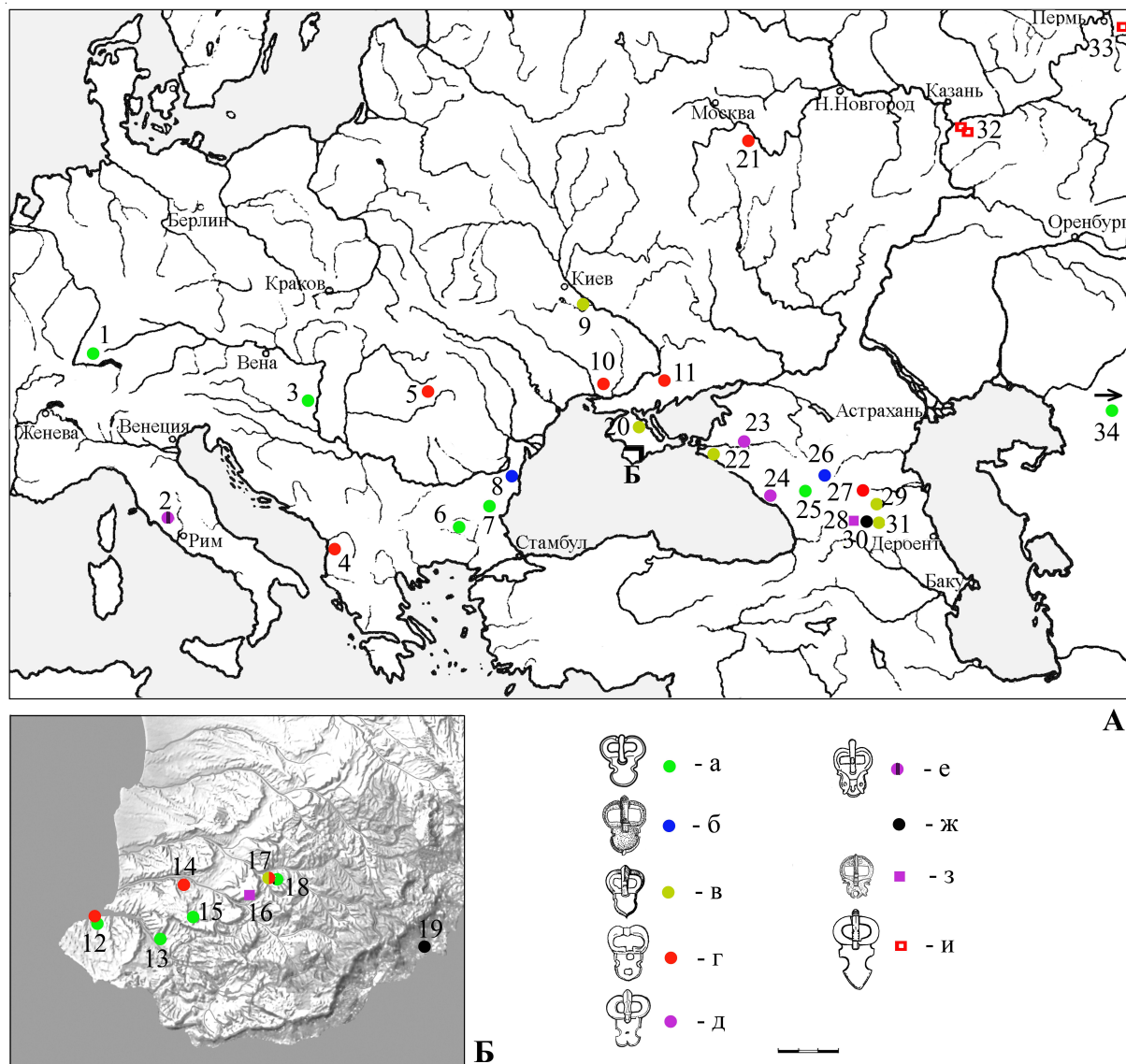

Рис. 2. Распространение маленьких полых В-образных пряжек с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы (а–ж), пряжек серий Арчица и Коминтерн (е, з, и). При перечислении комплексов в скобках указан номер по спискам 1 и 2:

Б – часть Крыма, отмеченная так на рис. А.

а – блок вариантов 1; б – блок вариантов 2; в – блок вариантов 3; г – блок вариантов 4;

д–е – блок вариантов 5 (е – вариант Арчица); ж – неясный блок вариантов;

з – серия Арчица, представленная пряжками с овальной рамкой; и – серия Коминтерн.

- 1 – Унтерлаухринген (1-8); 2 – Арчица, погр. 5 (1-28); 3 – Немеди (1-4); 4 – Дуррес, могила 26 (1-23);
 5 – Фынтынеле, могила 47 (1-25); 6 – Рупките, могила 2 (1-5); 7 – Карнобад, могильник Бад-бунар, погр. 5 (1-3);
 8 – Каллатис, погр. 132 (1-11); 9 – Хацки, клад (1-18); 10 – Христофоровка, курган 7, погр. 12 (1-27);
 11 – Виноградное, курган 35 (1-22); 12 – Херсонес, цистерна П-1967 и склеп 2126/1905 г. (1-9 и 1-26);
 13 – Сахарная Головка, склеп 2 (могила 7), погр. 3 (1-6); 14 – Карши-Баир 1, склеп 7 (1-24);
 15 – Эски-Кермен, склеп 380 (1-10); 16 – Чуфут-Кале, склеп 80 (2Б-3); 17 – Скалистое, склеп 422 (1-19);
 18 – Скалистое, Баклинский овраг, склеп 23 (1-7); 19 – Суук-Су, могила 84 (1-31); 20 – Дымовка, курган 14,
 погр. 2 (1-16); 21 – Борки, погр. 28 (1-21); 22 – Дюрсо, могила 311 (1-17); 23 – Пашковский могильник 1,
 могила 5/1949, тайник (1-29); 24 – Цебельда, могила 279 (1-30); 25 – Гиляч, могила 19 (1-2); 26 – Клин-Яр III,
 катакомба 360 (1-12, 1-13); 27 – Беслан, курган 876, катакомба 1 (1-20); 28 – Садон, катакомба 18, погр. 4 (2Б-2);
 29 – Владикавказ (быв. Орджоникидзе), могилы, разрушенные 15.04.1904 г (1-14); 30 – Чми–Суаргом,
 катакомба 6 из раскопок Д.Я. Самоквасова (1-32); 31 – Гоуст, катакомба 9 (1-15);
 32 – Коминтерн, погр. 66 и 5 (2А-3 и 2А-2); 33 – Верх-Сая, курган 9, погр. 3 (2А-1); 34 – Алтай (1-1)

Fig. 2. Distribution of small hollow B-shaped buckles with a fixed plate in the form of a “heraldic shield” with side notches (*a-ж*), buckles of the Arcisa and Comintern series (*e, з, u*). When listing complexes, the number according to lists 1 and 2 is indicated in parentheses:

- Б – part of Crimea, marked as such in Fig. A.
a – block of variants 1; *б* – block of variants 2; *в* – block of variants 3; *г* – block of variants 4;
д-е – block of variants 5 (*e* – Arcisa variant); *ж* – unclear block of variants;
з – Arcisa series, represented by buckles with an oval frame; *u* – Comintern series.
1 – Unterlauchringen (1-8); *2* – Arcisa, gr. 5 (1-28); *3* – Némedi (1-4); *4* – Durrës, burial 26 (1-23);
5 – Fântânele, burial 47 (1-25); *6* – Rupkite, burial 2 (1-5); *7* – Karnobad, Bad-bunar burial ground, gr. 5 (1-3);
8 – Callatis, gr. 132 (1-11); *9* – Khatski, hoard (1-18); *10* – Khristoforovka, kurgan 7, gr. 12 (1-27);
11 – Vinogradnoye, kurgan 35 (1-22); *12* – Chersonesos, cistern П-1967 and vault 2126/1905 г. (1-9 and 1-26);
13 – Sakharnaya Golovka, vault 2 (burial 7), gr. 3 (1-6); *14* – Karshi-Bair 1, vault 7 (1-24);
15 – Eski-Kermen, vault 380 (1-10); *16* – Chufut-Kale, vault 80 (2Б-3); *17* – Skalistoye, vault 422 (1-19);
18 – Skalistoye, Baklinskiy ovrag, vault 23 (1-7); *19* – Suuk-Su, gr. 84 (1-31); *20* – Dymovka, kurgan 14, gr. 2 (1-16);
21 – Borki, gr. 28 (1-21); *22* – Dyurso, burial 311 (1-17); *23* – Pashkovskiy burial ground 1, burial 5/1949, hiding (1-29);
24 – Tsebel'da, burial 279 (1-30); *25* – Gilyach, burial 19 (1-2); *26* – Klin-Yar III, catacomb 360 (1-12, 1-13);
27 – Beslan, kurgan 876, catacomb 1 (1-20); *28* – Sadon, catacomb 18, gr. 4 (2Б-2); *29* – Vladikavkaz
(former Ordzhonikidze), burials, destroyed on 15.04.1904 (1-14); *30* – Chmi-Suargom, catacomb 6 from the excavations
of D.Ya. Samokvasov (1-32); *31* – Goust, catacomb 9 (1-15); *32* – Komintern, gr. 66 and 5 (2A-3 и 2A-2);
33 – Verkh-Saya, kurgan 9, gr. 3 (2A-1); *34* – Altay (1-1)

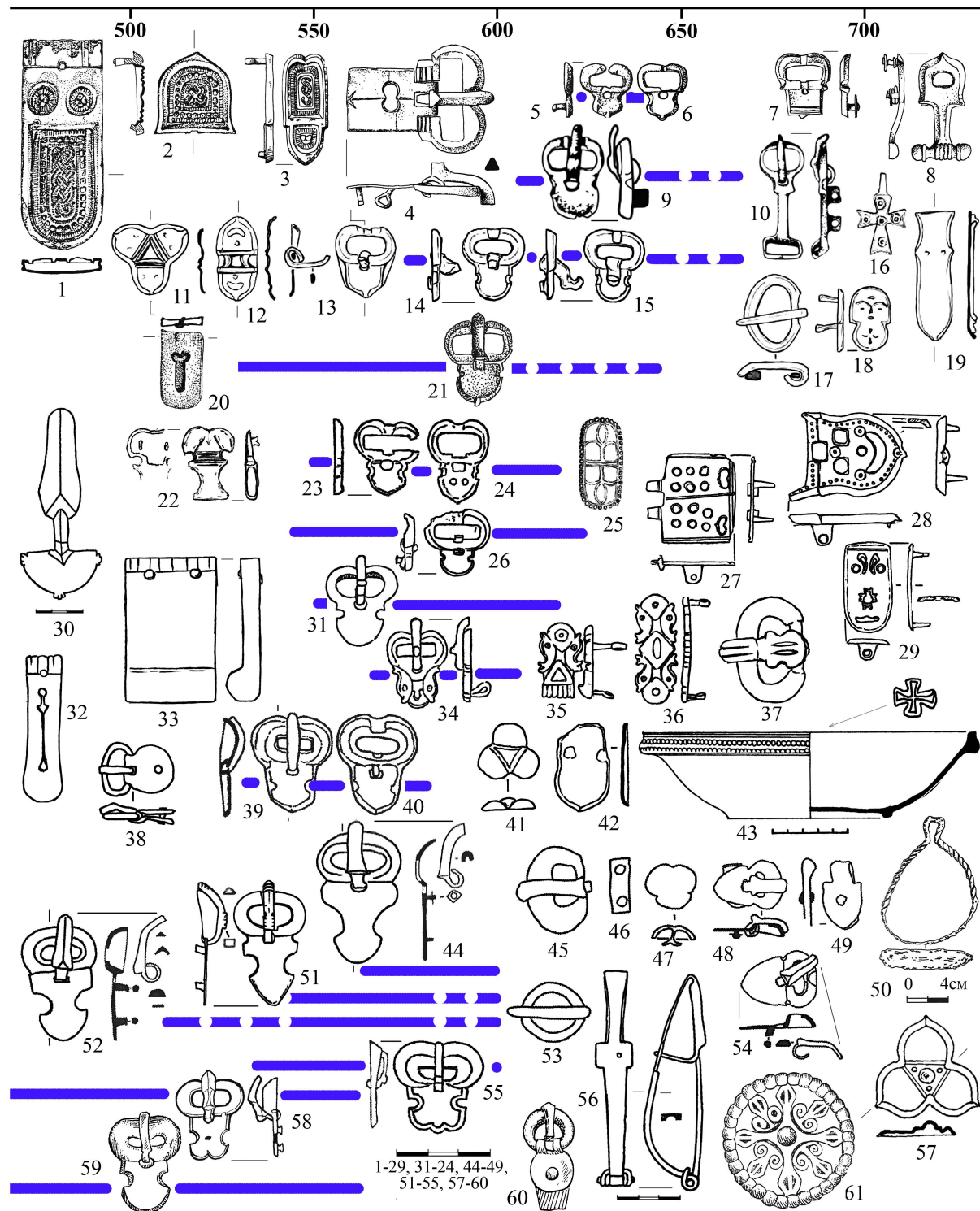

Рис. 3. Хронология маленьких полых V-образных пряжек с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы, и пряжек серии Коминтерн (44–54).

Синей полосой обозначен ориентировочный хронологический интервал комплекса по шкале, данной вверху. При перечислении комплексов в скобках указан номер по спискам 1 и 2:

- 1–8 – Клин-Яр III, катакомба 360 (1-12, 1-13); 9–10 – Карнобад, могильник Бад-бунар, погр. 5 (1-3);
 11–19 – Эски-Кермен, склеп 380 (1-10); 20–21 – Каллатис, погр. 132 (1-11); 22–25 – Херсонес, склеп 2126/1905 г. (1-26);
 26–29 – Херсонес, цистерна П-1967 (1-9); 30–31 – Сахарная Головка, склеп 2 (могила 7), погр. 3 (1-6);
 32–37 – Арчиза, погр. 5 (1-28); 38–43 – Карши-Баир 1, склеп 7 (1-24); 44–50 – Коминтерн, погр. 66 (2А-3);
 51 – Верх-Сая, курган 9, погр. 3 (2А-1), см. рис. 4; 52–54 – Коминтерн, погр. 5 (2А-2);

55–57 – Цебельда, могила 279 (1-30); 58 – Пашковский могильник 1, могила 5/1949, тайник (1-29);
59–61 – Гиляч, могила 19 (1-2)

Fig. 3. Chronology of small hollow B-shaped buckles with a fixed plate in the form of a “heraldic shield” with side notches and buckles of Comintern series (44–54). The blue stripe indicates the approximate chronological interval of the complex according to the scale given at the top.

When listing complexes, the number according to lists 1 and 2 is indicated in parentheses:

1–8 – Klin-Yar III, catacomb 360 (1-12, 1-13); 9–10 – Karnobad, Bad-bunar burial ground, gr. 5 (1-3);
11–19 – Eski-Kermen, vault 380 (1-10); 20–21 – Callatis, gr. 132 (1-11); 22–25 – Chersonesos, vault 2126/1905 r. (1-26);
26–29 – Chersonesos, cistern П-1967 (1-9); 30–31 – Sakharnaya Golovka, vault 2 (burial 7), gr. 3 (1-6);
32–37 – Arcisa, gr. 5 (1-28); 38–43 – Karshi-Bair 1, vault 7 (1-24); 44–50 – Komintern, gr. 66 (2A-3);
51 – Verkh-Saya, kurgan 9, gr. 3 (2A-1), see fig. 4; 52–54 – Komintern, gr. 5 (2A-2); 55–57 – Tsebelda, burial 279 (1-30);
58 – Pashkovskiy burial ground 1, burial 5/1949, hiding place (1-29); 59–61 – Gilyach, burial 19 (1-2)

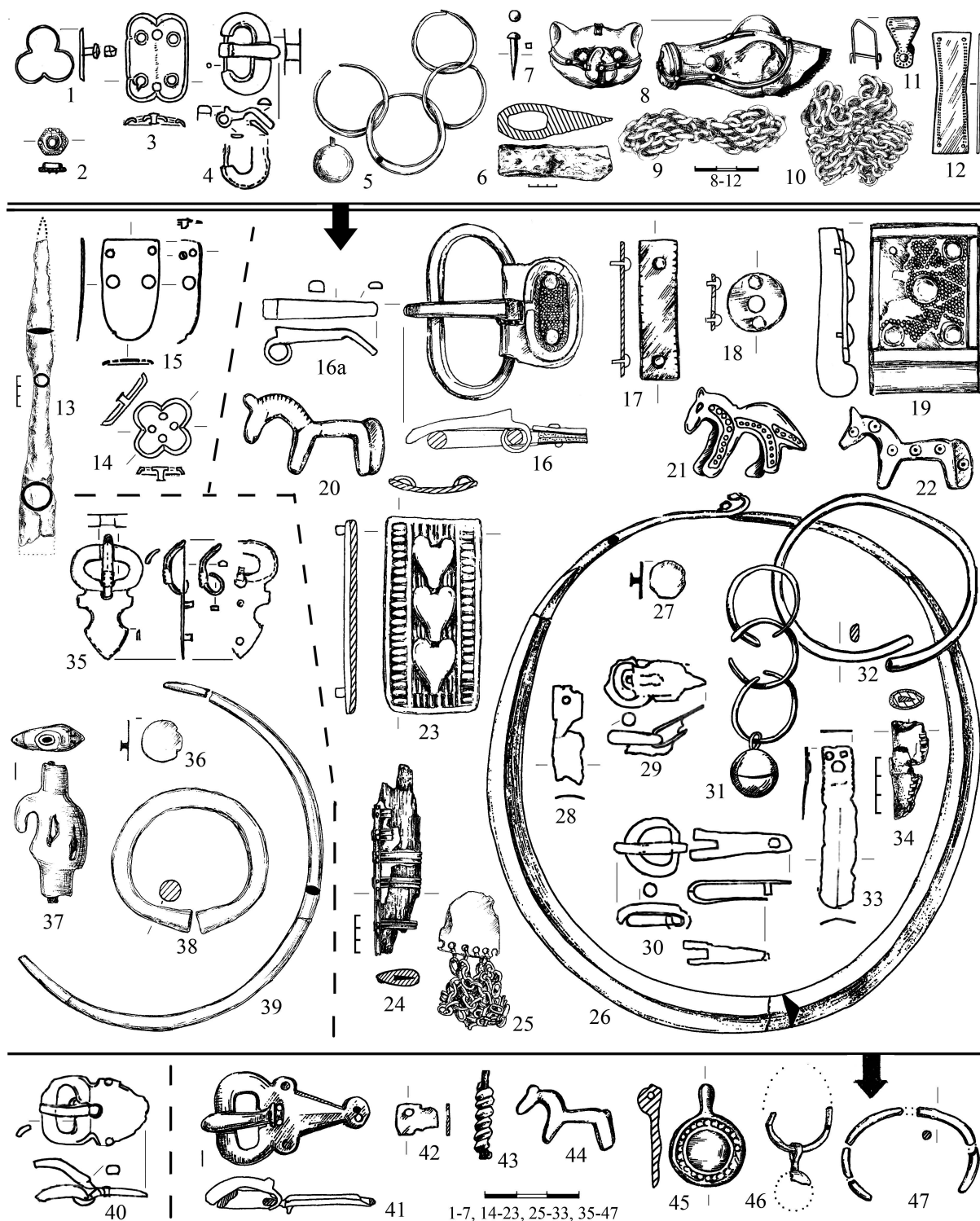

Рис. 4. Верх-Сая. Стратиграфия курганов 26 (1–13 – погр. 1 и 2), 9 (13–15 – погр. 1; 16–34 – погр. 2; 35–39 – погр. 3), 21 (40 – погр. 2; 41–47 – погр. 1). Стрелки указывают на перекрытие одного кургана другим; двойная линия обозначает, что курган 26 перекрывает курган 3 (с невыразительным инвентарем), а курган 3 – курган 9:

1, 3, 4, 14, 15, 16a, 35 – рис. И.О. Гавритухина; 28–30, 33 – рис. А.А. Красноперова; остальное по: [Голдина и др., 2018]
 Fig. 4. Verkh-Saya. Stratigraphy of kurgan 26 (1–13 – gr. 1 and 2), 9 (13–15 – gr. 1; 16–34 – gr. 2; 35–39 – gr. 3), 21 (40 – gr. 2; 41–47 – gr. 1). The arrows indicate the overlap of one kurgan with another; a double line indicates that kurgan 26 overlaps kurgan 3 (with featureless inventory), and kurgan 3 overlaps kurgan 9:

1, 3, 4, 14, 15, 16a, 35 – drawn by I. Gavritukhin; 28–30, 33 – drawn by A. Krasnoperov; other after: [Goldina et al., 2018]

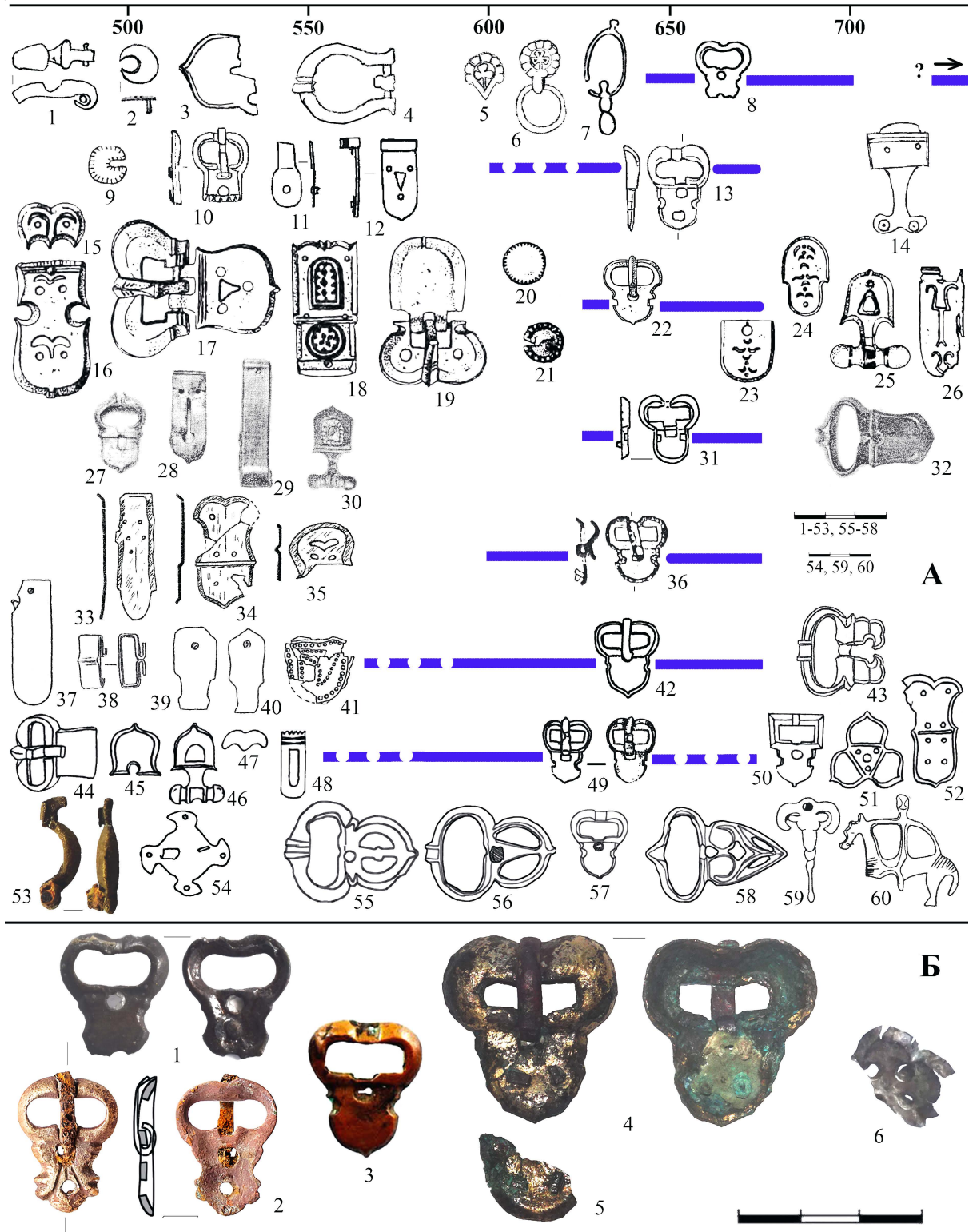

Рис. 5

А – продолжение рис. 3. 1–8 – Чми–Суаргом, катакомба 6 из раскопок Д.Я. Самоквасова (1-32);
 9–14 – Христофоровка, курган 7, погр. 12 (1-27); 15–26 – Хацки, клад (1-18; см. также рис. 6,39);
 27–32 – Немедка, курган (1-4); 33–36 – Скалистое, Баклинский овраг, склеп 23 (1-7);
 37–43 – Дымовка, курган 14, погр. 2 (1-16); 44–52 – Скалистое, склеп 422 (1-19);
 53–60 – Гоуст, катакомба 9 (53, 56, 57, 59 – западный костяк; 54, 55, 58, 60 – восточный костяк) (1-15).

Б – находки из Северной Осетии и Ингушетии. В скобках указан номер по спискам 1, 2, 3.

1 – Чми–Суаргом, катакомба 6 из раскопок Д.Я. Самоквасова (1-32); *2* – Садон, катакомба 18, погр. 4 (2Б-2);

3 – Густ, катакомба 9, западный костяк (1-15); *4-6* – Беслан, курган 876, катакомба 1 (1-20 и 3-17)

Fig. 5

A – continuation of fig. 3. *1-8* – Чми–Суаргом, catacomb 6 from the excavations of D.Ya. Samokvasov (1-32);

9-14 – Khristoforovka, kurgan 7, gr. 12 (1-27); *15-26* – Khatski, hoard (1-18; see also fig. 6,39); *27-32* – Nemedi, burial (1-4);

33-36 – Skalistoye, Baklinskiy ovrag, vault 23 (1-7); *37-43* – Dymovka, kurgan 14, gr. 2 (1-16);

44-52 – Skalistoye, vault 422 (1-19); *53-60* – Goust, catacomb 9, (*53, 56, 57, 59* – western skeleton;

54, 55, 58, 60 – eastern skeleton) (1-15).

Б – Finds from North Ossetia and Ingushetia. In parentheses the number according to lists 1, 2 and 3 is indicated.

1 – Чми–Суаргом, catacomb 6 from the excavations of D.Ya. Samokvasov (1-32); *2* – Садон, catacomb 18, gr. 4 (2Б-2);

3 – Goust, catacomb 9, western skeleton (1-15); *4-6* – Beslan, mound 876, catacomb 1 (1-20 and 3-17)

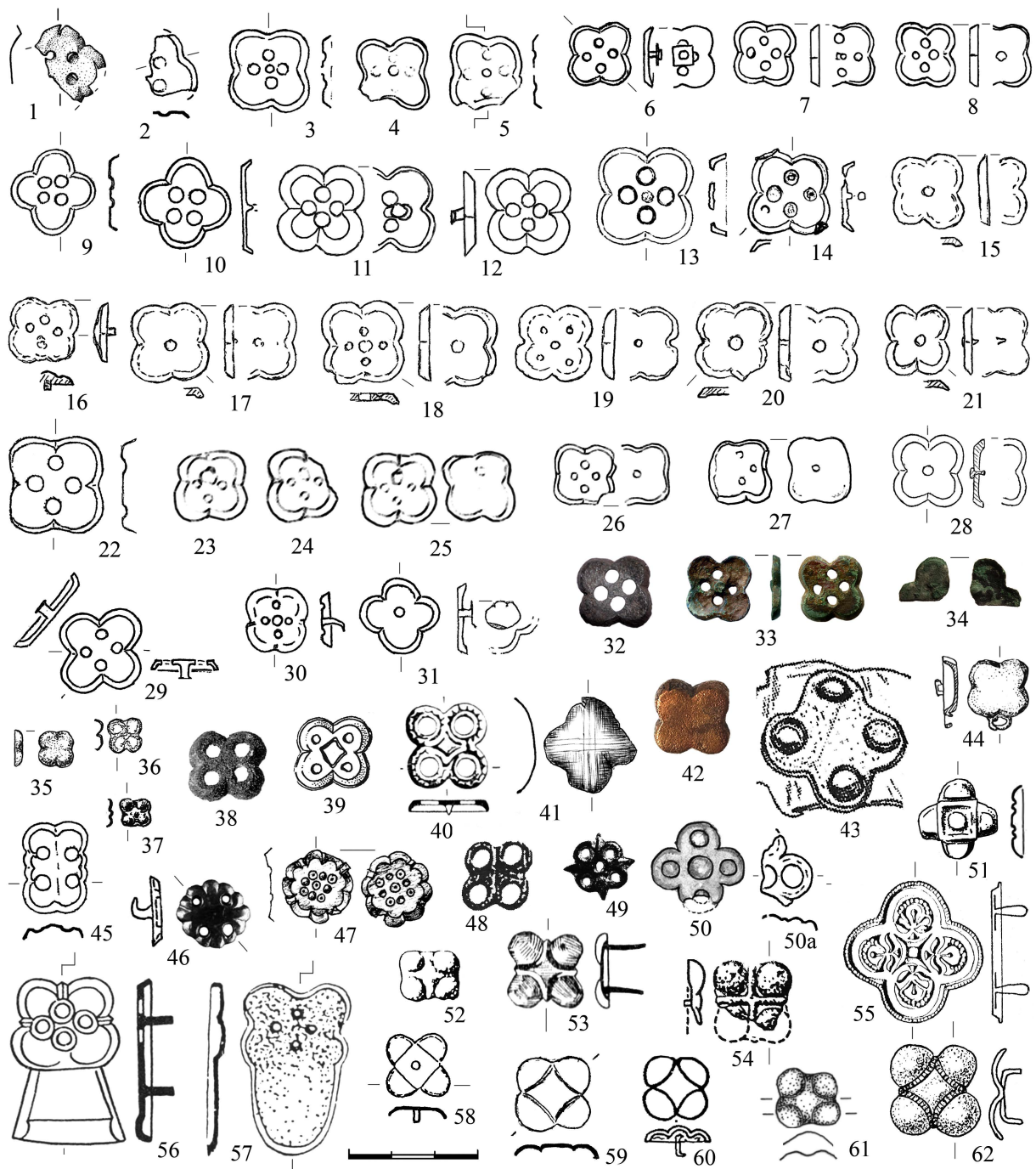

Рис. 6. Четырехлепестковые накладки типа 2 (1–35, 38, 39, 42) и других типов.

Для типа 2 в скобках указан номер по списку 3, об остальных см. список 4:

- 1 – Беслан, курган 876, катакомба 1 (17); 2 – Ново-Турбаслы, курган 13, погр. 1 (41);
 3–8, 34 – Кушнаренково (3–5 – погр. 17; 6–8 – погр. 2; 34 – погр. 31) (37–39);
 9, 36, 37, 50, 58 – Мокрая Балка, катакомбы 100 (40), 31, 101, 90, 25К; 10 – коллекция М.Н. Зеликмана (31);
 11–12 – Бирск, могила 270 (18); 13, 14 – «Кузубаевский клад» (36); 15–21 – Петропавловская (15 – погр. 4;
 16–17 – погр. 11; 18–20 – погр. 12; 21 – погр. 20) (7–10, 43, 44, 54); 22, 45 – Коминтерн 2, погр. 42 (32);
 23–28 – Варни (23–25 – погр. 611; 26 – сборы на могильнике; 27 – погр. 88; 28 – погр. 552) (4, 23, 25, 26);
 29 – Верх-Сая, курган 9, погр. 1 (27); 30–31 – Кузубаево, яма 62 (6, 35); 32 – Выжегша (30);
 33 – Образцово, поселение 1 (42); 35, 47 – Садон, катакомбы 17 (11) и 69; 38 – Весилахти, могильник Кирмукарму (52);
 39 – Хацки, клад (57); 40, 53, 56 – Кудыргэ (40 – могила 5; 53 – могила 11; 56 – могила 4); 41 – Дагом, катакомба 10;
 42 – Большие Мурлы, могильник близ оз. Ирча, курган 53, погр. 1 (3); 43 – Булак, погребение;
 44 – Иня-1, курган 14, могила 1; 46 – Вильховчик, клад; 48, 49 – Харачой (48 – погр. 29; 49 – находка на могильнике);

51 – Клин-Яр IV, катакомба 8; 52 – Маняк, раскоп 2, погр. 1; 54 – Чир-Юрт, курганный могильник;
55 – Кастель-Трозино, погр. 90; 57 – Алтын-асар, курган 268; 59 – Ясли, могила 4/1968;
60 – Цебельда, могила 279; 61, 62 – Мокрин, могилы 69 и 19

Fig. 6. Four-petal belt mounts of the type 2 (1–35, 38, 39, 42) and other types. For the type 2 – the number according to list 3 is indicated in parentheses; for the rest, see list 4.

1 – Beslan, kurgan 876, catacomb 1 (17); 2 – Novo-Turbasly, mound 13, gr. 1 (41);
3–8, 34 – Kushnarenkovo (3–5 – gr. 17; 6–8 – gr. 2; 34 – gr. 31) (37–39);
9, 36, 37, 50, 58 – Mokraya Balka, catacomb 100 (40), 31, 101, 90, 25K; 10 – M.N. Zelikman collection (31);
11–12 – Birsik, burial 270 (18); 13, 14 – “Kuzebayevskiy hoard” (36); 15–21 – Petropavlovskaya (15 – gr. 4;
16–17 – gr. 11; 18–20 – gr. 12; 21 – gr. 20) (7–10, 43, 44, 54); 22, 45 – Komintern 2, gr. 42 (32);
23–28 – Varni (23–25 – gr. 611; 26 – gathering at the burial ground; 27 – gr. 88; 28 – gr. 552) (4, 23, 25, 26);
29 – Verkh-Saya, mound 9, gr. 1 (27); 30–31 – Kuzebayevo, pit 62 (6, 35); 32 – Vyzhegsha (30);
33 – Obratsovo, settlement 1 (42); 35, 47 – Sadon, catacomb 17 (11) and 69; 38 – Vesilahti, Kirmukarmu burial ground (52);
39 – Khatski, hoard (57); 40, 53, 56 – Kudyrge (40 – burial 5; 53 – burial 11; 56 – burial 4); 41 – Dagom, catacomb 10;
42 – Bolshiye Murly, burial ground near Lake Ircha, mound 53, gr. 1 (3); 43 – Bulak, burial;
44 – Inya-1, mound 14, burial 1; 46 – Vilkhovchik, hoard; 48, 49 – Kharachoy (48 – gr. 29; 49 – gathering at the burial ground);
51 – Klin-Yar IV, catacomb 8; 52 – Manyak, excavation site 2, gr. 1; 54 – Chir-Yurt, kurgan burial ground;
55 – Castel Trosino, gr. 90; 57 – Altyn-asar, mound 268; 59 – Yasli, gr. 4/1968;
60 – Tsebelda, burial 279; 61, 62 – Mokrin, burial 69 and 19

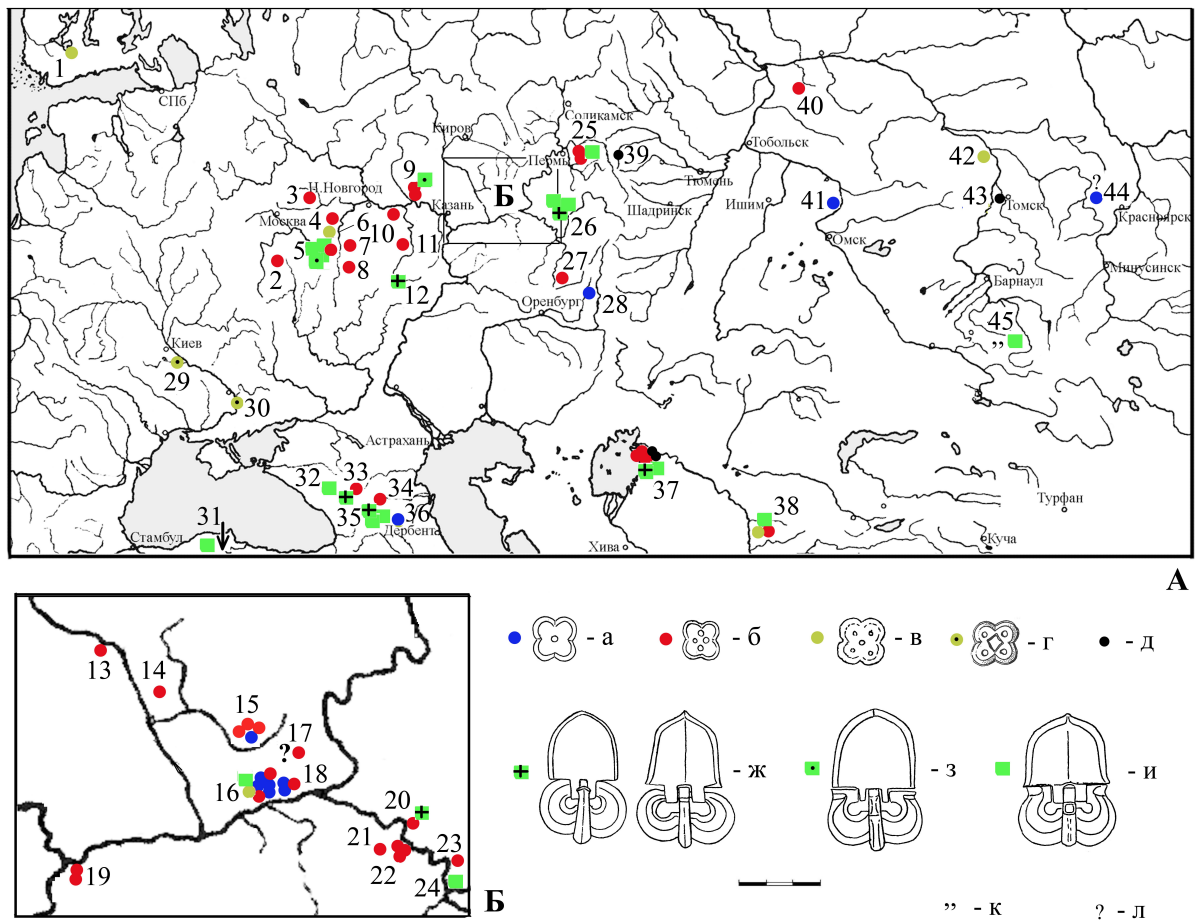

Рис. 7. Распространение четырехлепестковых накладок типа 2 (а–д) и ранних вариантов псевдопряжек типа 5 (ж–и). Для а–д см. список 3; ж–и – по: [Гавритухин, 2001а], с дополнениями:

а – блок вариантов 1; б – блок вариантов 2; в–г – блок вариантов 3 (г – серия Хацки); д – информация неточная; ж – 3-й трети VI – начала VII в.; з – 3-й трети или 4-й четверти VI – 1-й трети или четверти VII в.; и – конца VI – 1-й трети или половины VII в.

- 1 – Весилаhti; 2 – Образцово; 3 – Выжегша; 4 – Подболотье; 5 – Ундрих, Шатрише, Кулаково, Борок (2 комплекса с накладками); 6 – Касимовский уезд; 7 – Старый Кадом; 8 – Старое Бадиково; 9 – Ахмылово; 10 – Волчиха; 11 – Сайнино; 12 – Армиево; 13 – Буйский Перевоз; 14 – Тат-Бояры; 15 – Варни; 16 – Петропавловская; 17 – «Кузубаевский клад»; 18 – Кузубаево; 19 – Коминтерн; 20 – Бирск; 21 – Булгарский курган; 22 – Кушнаренково; 23 – Ново-Турбаслы; 24 – Уфа; 25 – Верх-Сая; 26 – Бахмутино; 27 – Красногорский хутор; 28 – Бекешево; 29 – Хацки; 30 – Кизлевый; 31 – «Сирия»; 32 – хут. Дружба; 33 – Мокрая Балка, Клин-Яр; 34 – Беслан; 35 – Камунта (2 варианта), Лезгур; 36 – Садон; 37 – Алтын-асар; 38 – Борижар; 39 – Гольй Камень; 40 – Салым; 41 – Большие Мурлы; 42 – Рёлка; 43 – Тимирязевский; 44 – Ачинская (или Агинская?) степь; 45 – Алтай

Fig. 7. Distribution of four-petal belt mounts of the type 2 (a–d) and early versions of pseudo-buckles of the type 5 (j–i). For the a–d – see list 3; j–i – after: [Gavritukhin, 2001a], with additions:

a – block of variants 1; b – block of variants 2; v–g – block of variants 3 (g – Khatski series); d – the information is not accurate; j – the 3rd third of the 6th – the early 7th century; z – the 3rd third or 4th quarter of the 6th – the 1st third or quarter of the 7th century; u – the end of the 6th – the 1st third or half of the 7th century.

- 1 – Vesilahti; 2 – Obraztsovo; 3 – Vyzhegsha; 4 – Podbolotyie; 5 – Undrikh, Shatrishe, Kulakovo, Borok (two complexes with belt mounts); 6 – Kasimovskiy uyezd; 7 – Saryy Kadom; 8 – Staroye Badikovo; 9 – Akhmylovo; 10 – Volchikha; 11 – Saynino; 12 – Armiyevo; 13 – Buyskiy Perevoz; 14 – Tat-Boyary; 15 – Varni; 16 – Petropavlovskaya; 17 – “Kuzebayevskiy hoard”; 18 – Kuzebayevo; 19 – Komintern; 20 – Birs; 21 – Bulgarskiy kurgan; 22 – Kushnarenkovo; 23 – Novo-Turbasly; 24 – Ufa; 25 – Verkh-Saya; 26 – Bakhmutino; 27 – Krasnogorskiy khutor; 28 – Bekeshevo; 29 – Khatski; 30 – Kizlevyy; 31 – “Syria”; 32 – khutor Druzhba; 33 – Mokraya Balka, Klin-Yar; 34 – Beslan; 35 – Kamunta (two variants), Lezgur; 36 – Sadon; 37 – Altyn-asar; 38 – Borizhar; 39 – Golyy Kamen; 40 – Salym; 41 – Bolshiye Murly; 42 – Relka; 43 – Timiryazevskiy; 44 – Achinskaya (or Aginskaya?) steppe; 45 – Altay

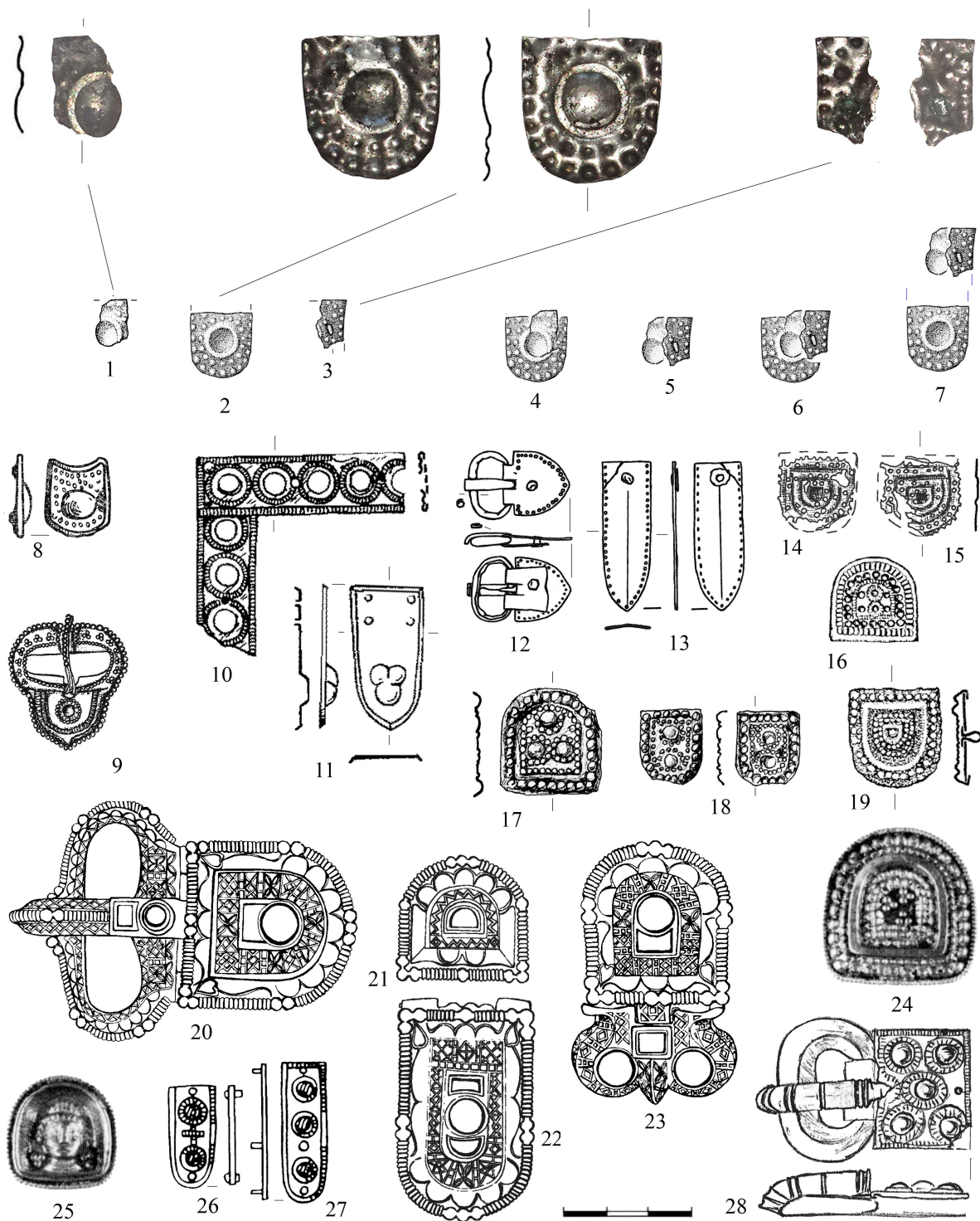

Рис. 8. «Наконечники» из катакомбы 876 в Беслане (1–3), их реконструкции (4–7) и аналогии (см. список 5):

8 – верховья Кубани; 9 – Бжид, погр. 101; 10–11 – Галайты; 12–15 – Лучистое, склеп 77, между погр. 2 и 3;
16 – Суук-Су, погр. 109; 17–18 – Садон, катакомба 69; 19 – Городской-3, погр. 11; 20–23 – Сирмий;
24–25 – коллекция Британского музея; 26–27 – Лермонтовская Скала 2, катакомба 10; 28 – Гижгид

Fig. 8. “Strap-ends” from mound 876 of the Beslan burial ground (1–3), their reconstructions (4–7) and analogies (see list 5):

8 – the upper reaches of the Kuban; 9 – Bzhid, gr. 101; 10–11 – Galayty; 12–15 – Luchistoye, vault 77, between gr. 2 and 3;
16 – Suuk-Su, gr. 109; 17–18 – Sadon, catacomb 69; 19 – Gorodskoy-3, gr. 11; 20–23 – Sirmium;
24–25 – collection of the British Museum; 26–27 – Lermontovskaya Skala 2, catacomb 10; 28 – Gizhid

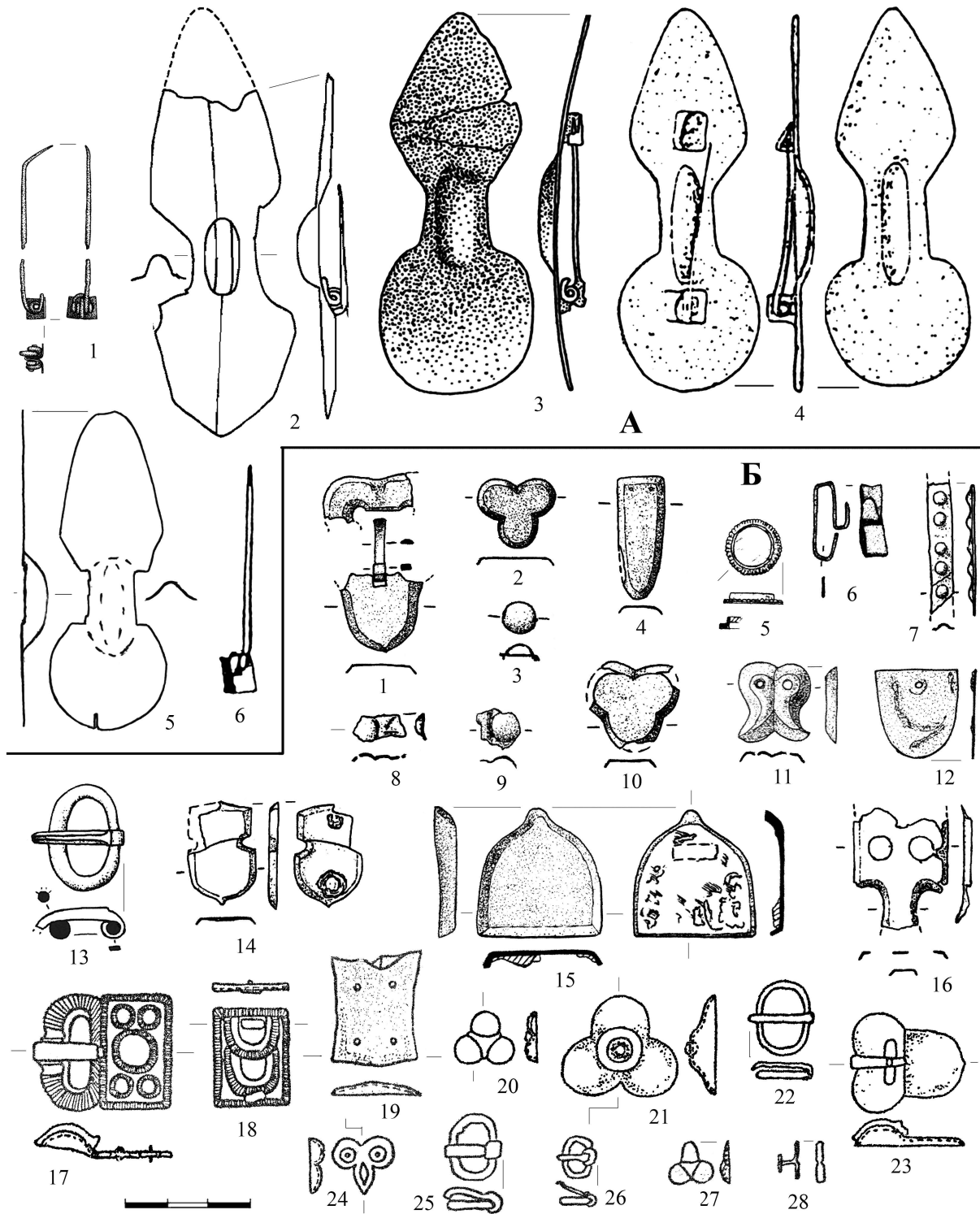

Рис. 9

А – пружина с тетивой и иглой, крепящиеся на Т-образной стойке, из катакомбы 876 в Беслане (1) и фибулы с аналогичным механизмом (2 – Чми, погр. 4 из раскопок М.П. Абрамовой; 3, 4 – Алтын-асар 4, курган 303; 5, 6 – Кушнареново, погр. 21) (по: [Амброз, 1989; Гавритухин и др., 2019]).
 Б – ременные наборы с Северного Кавказа, показательные для эпохи Первого Тюркского каганата. 1–16 – Брут 2 (1–6 – курган 13; 7–16 – курган 18); 17–28 – Бердуть (17–23 – погр. 4; 24–28 – погр. 2) (по: [Габуев, Малашев, 2009; Виноградов, Мамаев, 1979])

Fig. 9

- A** – the spring with bowstring and needle on the T-shaped stand from mound 876 of the Beslan burial ground (1) and fibulae with similar mechanism (2 – Chmi, gr. 4 from the excavations of M.P. Abramova; 3, 4 – Altyn-asar 4, kurgan 303; 5, 6 – Kushnarenkovo, gr. 21) (after: [Ambroz, 1989; Gavritukhin et al., 2019]).
- Б** – belt sets from the North Caucasus, indicative of the era of the First Turkic Khaganate period.
1–16 – Brut 2 (1–6 – mound 13; 7–16 – kurgan 18); 17–28 – Berduty (17–23 – gr. 4; 24–28 – gr. 2) (after: [Gabuyev, Malashev, 2009; Vinogradov, Mamayev, 1979])

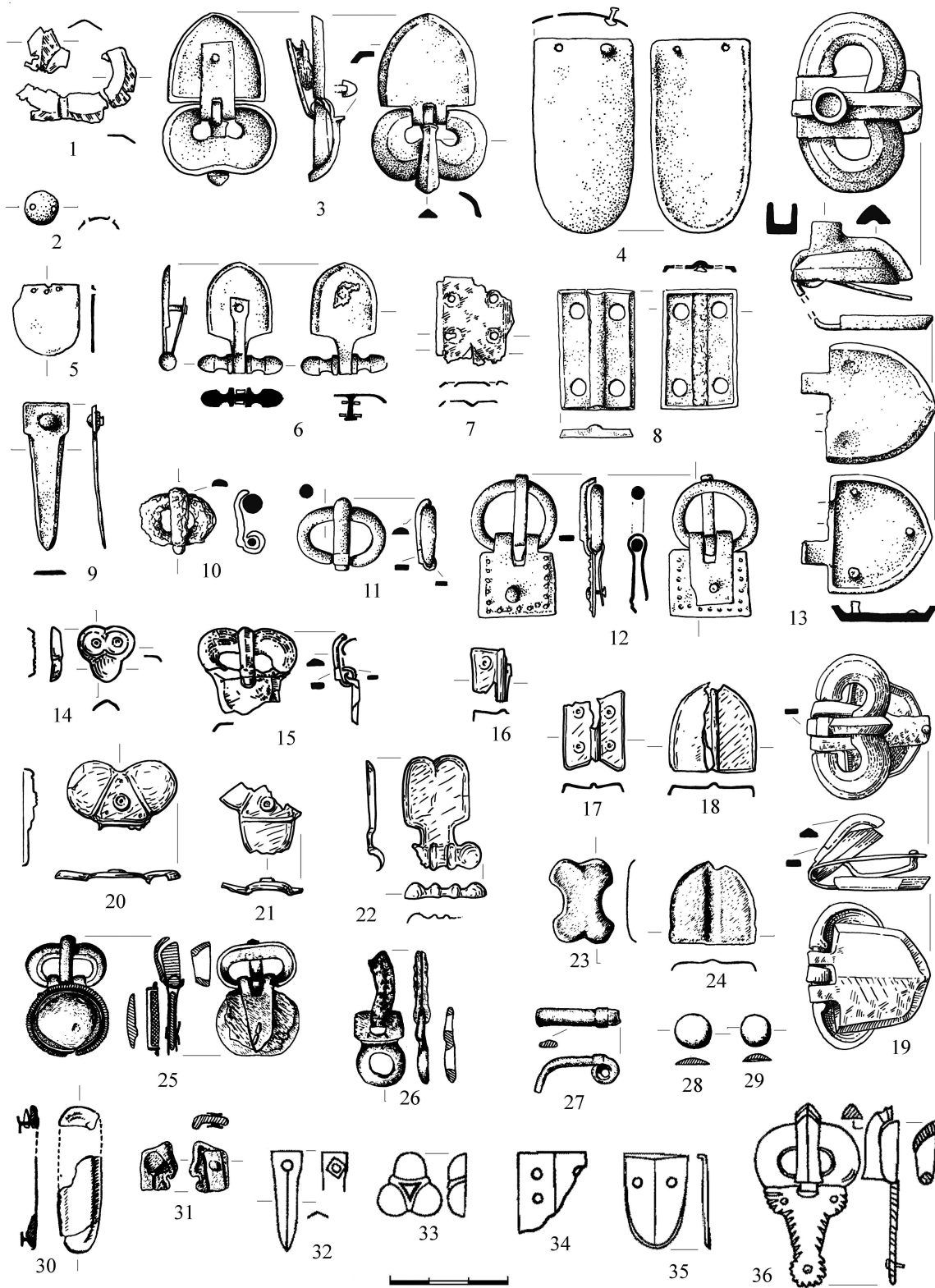

Рис. 10. Ременные наборы с Северного Кавказа, показательные для эпохи Первого Тюркского каганата:

1–31 – Клин-Яр III (1–13 – катакомба 357; 14–22 – катакомба 381, погр. 1; 23–31 – катакомба 17-Ф, погр. 1);
32–36 – Гижгид, приобретения М.И. Ермоленко в 1928 г. (по: [Belinskij, Härke, 2018; Флёров, 2000; Амброз, 1989])

Fig. 10. Belt sets from the North Caucasus, indicative of the era of the First Turkic Khaganate period:

1–31 – Klin-Yar III (1–13 – catacomb 357; 14–22 – catacomb 381, gr. 1; 23–31 – catacomb 17-Ф, gr. 1);
32–36 – Gizhgid, M.I. Yermolenko acquisitions in 1928 (after: [Belinskij, Härke, 2018; Flerov, 2000; Ambroz, 1989])

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ИА РАН по теме «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

The article was prepared as part of the IA RAS research “Panorama of historical and cultural processes on the territory of Eastern Europe in Roman times and Great Migration period according to archaeological data (I–VII centuries)” (No. НИОКТР 122011200267-0).

² Различие терминов «щиток» и «обойма» представляется таким: обойма – система, обеспечивающая крепление рамки пряжки к ремню; щиток – верхняя (обычно специально декорированная) пластина у ряда типов обойм.

³ Серии, как и типы, состоят из вариантов, но понятие «тип» в моей классификационной системе более формально, серия же объединяет варианты, отражающие единую традицию, связанную с весьма компактным культурным контекстом. В некоторых случаях серия может включать варианты, относящиеся к разным типам, образуя свою иерархию классификационных подразделений / таксонов.

⁴ Гавритухин И. О. Эволюция «геральдических» ремennых гарнитур Кисловодской котловины // Плисса – Преслав. Т. 14. (В печати).

⁵ Там же.

⁶ Датировка В.Б. Ковалевской [2005, рис. 40] всех катакомб, раскопанных на этом могильнике, – «IX в.» – декларирована и не может быть обоснована даже исходя из того материала, что приведен в ее таблице.

⁷ Гончаров С. А., Чижова А. А. Поясные наборы могильника Гоуст из раскопок В.И. Долбежева в 1890 году // Из истории культуры народов Северного Кавказа. № 16. (В печати).

⁸ Гавритухин И. О. Указ. соч. ИС-44.

⁹ Вещи, имеющие утраты, встречены в непо потревоженных комплексах из Густа неоднократно, что специально отмечено В.И. Долбежевым в отчете Императорской археологической комиссии.

¹⁰ Заметный разброс дат вещей из одной катакомбы виден и по материалам из Чми, попавшим в Природно-исторический музей в Вене [Хайнрих, 1995].

¹¹ Гавритухин И. О. Указ. соч.

¹² Там же.

¹³ Со схематизацией мотива дельфина, повлиявшей на форму изделия, можно связать детали некоторых пряжек и накладок других типов, например приведенных Д. Киддом [Pekarskaja, Kidd, 1994, Taf. 57,10,11]. Вероятно, в это ряд

можно поставить и другие изделия (см., например: [Pekarskaja, Kidd, 1994, Taf. 56,3,4, 57,2,8]). Им же даны и некоторые примеры, свидетельствующие о популярности мотива дельфина в оформлении деталей ремennых гарнитур интересующего нас времени [Pekarskaja, Kidd, 1994, Taf. 57,5,14].

¹⁴ Этот свод был подготовлен до 1979 г. (вместе со сводом о пряжках) и для публикации 2000 г., видимо, не перерабатывался.

¹⁵ Иногда шляпка шпенька, крепящего накладку, или отверстие, связанное со шпеньком, образует как бы пятую «точку» орнаментальной композиции (например, рис. 6,3–5, 18, 19, 30), однако представляется очевидным, что «идеальная модель» этой композиции подразумевает четыре отверстия или их имитации. Есть случаи, когда поверхность накладки не прямая, а чуть выпуклая (например, рис. 6,16), что тоже можно рассматривать в рамках единичных отклонений от «идеальной модели».

¹⁶ Понятно, что решающим аргументом в подобных случаях является выделение зоны, где сформировался рассматриваемый тип вещей или другое явление, что должно подтверждаться датировкой ряда комплексов. Такой метод работы с джетыасарскими материалами существенно затруднен тем, что они опубликованы не по комплексам. Однако там, где сочетание находок удается проследить, джетыасарская ремennая гарнитура не может датироваться раньше аналогичной восточноевропейской. Отмечу и то, что сторонники джетыасарских миграций оперируют отдельными типами вещей, оставляя без внимания комплексы построек, погребальных обрядов, керамики – важнейшие показатели культуры.

¹⁷ Находка из Финляндии (рис. 7,1) не противоречит сказанному, так как связи этого региона с Камским, в том числе в интересующее нас время, документированы рядом находок, которые многократно обсуждались, начиная с первых обзорных публикаций этих материалов (см., например: [Kivikoski, 1973, S. 82]).

¹⁸ Гавритухин И. О. Указ. соч.

¹⁹ Ближайшие аналогии этой накладке из могилы 4 в Кудыргэ известны мне в погребении 25 могильника Ундрих в Рязанском Поочье (см. примеч. 29). Показательно, что в этих комплексах есть и другие однотипные вещи.

²⁰ Гавритухин И. О. Указ. соч.

²¹ Там же.

²² А.В. Гадло [1979, с. 98–99] настаивает на глубокой конфронтации тюрков и алан, считая, что за убийство аланами первого посла тюрков в Византию последовало отмщение, которое имел

в виду Тюрксанф в 576 году. Однако по тексту источника (Менандра) не ясно, относится ли упоминание о наказании за сопротивление тюркам к аланам и утигурам или только к последним. Показательно, что о гибели тюркских послов (об этом сказано у Феофилакта Симокатты в контексте претензий византийцев к Сасанидскому Ирану) Менандр, подробно описавший ранний этап тюркско-византийских взаимоотношений, не упоминает. По-видимому, тюрки понимали, что к этому убийству имеет отношение лишь некая группа алан (вероятно, лишь один из кланов), подкупленная агентами Сасанидов, а аланские правители, с которыми взаимодействовали тюрки, в этом не виновны.

²³ Здесь представлены лишь те вещи из этого поступления, которые имеют отношение к теме данной статьи.

²⁴ Язычок и разновеликие вставки (рис. 10,27–29), скорее всего, принадлежали пряжке ши-

повского круга (например, как на рис. 9Б,17), корпус которой был тонким и не сохранился.

²⁵ В частности, возможно, появятся основания, чтобы реконструировать ряд предметов, явно стилистически связанных с интересующими нас, но дошедших до нас с сильными утратами (например, рис. 9Б,8,9, 10,31).

²⁶ В подписи к рисунку неверно указана позиция: «3В,9».

²⁷ Гончаров С. А., Чижова А. А. Указ. соч.

²⁸ В подписи к рисунку в этой публикации опечатка – неверно указан комплекс: «2126/1905».

²⁹ Ряд находок из Окско-Сурского региона учтен по своду, который я и И.Р. Ахмедов, привлекая других коллег, начали готовить еще в 1990-х гг. [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 105, примеч. 5]. По ряду причин эта работа долгое время сдвигалась по срокам и до настоящего времени не доведена до готовности к публикации.

³⁰ Гавритухин И. О. Указ. соч.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А. И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. I. С. 3–87, 175–241.
- Айбабин А. И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь : Дар. 352 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2014. Могильник у села Лучистое. Том II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 годов. Боспорские исследования. Supplementum 14. Киев : Мастер Книг. 400 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь : Антиква. 368 с.
- Амброз А. К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М. : Наука. 134 с.
- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 2001. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М. : Науч. мир. 252 с.
- Ахмедов И. Р., Гаврилов А. П., 2017. Находки матриц для изготовления деталей геральдических поясов в древностях рязано-окских финнов // *Stratum plus*. № 5. С. 17–39.
- Багаев М. Х., 2008. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. М. : Наука. 455 с.
- Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., 2005. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы : БАУР. 236 с.
- Бисембаев А. А., 2010. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актюбе : ИП Жандилов С. Т. 248 с.
- Бодянский А. В., 1960. Археологические находки в Днепровском надпорожье // *Советская археология*. № 1. С. 274–277.
- Веймарн Е. В., 1963. Могильник біля висоти «Сахана Голівка» // *Археологічні пам'ятки УРСР*. Т. XIII. Київ : Видавництво АН УРСР. С. 42–63.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И., 1993. Скалистинский могильник. Киев : Наукова думка. 204 с.
- Велков К., 2009. Гробове от ранновизантийски некропол (VI – началото на VII в.) край град Карнобат // Спасителни археологически проучвания по трасето на АМ «Тракия», ЛОТ 5, обходен път на град Карнобат, км 6+400 – 6+800. Варна : Зограф. С. 152–158.
- Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., 1979. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии // *Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа*. Грозный : Чечено-Ингуш. гос. ун-т. С. 63–86.

- Воронов Ю. Н., 2003. Могилы апсидов. Итоги исследования некрополя Цибилуума в 1977–1986 годах. Пушкино : ОНТИ ПНЦ РАН. 348 с.
- Вязов Л. А., Гришаков В. В., Мясников Н. С., 2016. Особенности керамических комплексов памятников Среднего Посурья эпохи великого переселения народов // Вояджер: мир и человек. № 6. С. 66–111.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М. : Таус. 468 с.
- Гаврилова А. А., 1965. Могильник *Кудыргэ* как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука. 144 с.
- Гавритухин И. О., 1994. Пряжки с коробчатой петлей // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. С. 201–214.
- Гавритухин И. О., 1996. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара : СОИКМ. С. 115–133.
- Гавритухин И. О., 1999. В-образные пряжки, изготовленные вместе со щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Archaeologia Permica. Вып. 1. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН. С. 160–209.
- Гавритухин И. О., 2001а. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Самара : СОИКМ. С. 31–86.
- Гавритухин И. О., 2001б. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В. Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М. : ИА РАН. С. 40–49, 146–148.
- Гавритухин И. О., 2001в. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 2. Хазарское время. Донецк : ДонГУ. С. 45–162.
- Гавритухин И. О., 2002. Фибулы и ременные гарнитур из цистерны П-1967 г. в Херсонесе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. С. 217–228.
- Гавритухин И. О., 2005. Хронология эпохи становления хазарского каганата // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. Иерусалим : Гершаим ; М. : Мосты культуры. С. 378–426.
- Гавритухин И. О., 2010а. Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле» : ИА РАН. С. 49–68.
- Гавритухин И. О., 2010б. Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. Раннеславянский мир. Вып. 13. М. : ИА РАН. С. 35–89.
- Гавритухин И. О., 2022. Глава 6. Детали ременных гарнитур «геральдического» стиля // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья. Раннеславянский мир. Вып. 21. М. ; СПб. : Нестор-История. С. 95–121, 443–454, 540.
- Гавритухин И. О., Астафьев А. Е., Богданов Е. С., 2019. Фибулы с поселения Каракабак (полуостров Мангышлак) // Поволжская археология. № 3 (29). С. 170–189.
- Гавритухин И. О., Иванов А. Г., 1999. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Archaeologia Permica. Вып. 1. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН. С. 99–159.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. Вып. 3. М. : ИА РАН. 295 с.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., Торгоев А. И., 2022. Приложение 1. Антропоморфные амулеты-фигурки из Стаево на фоне находок из Евразии // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья. Раннеславянский мир. Вып. 21. М. ; СПб. : Нестор-История. С. 170–226, 487–509, 542.
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В., 2003. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М. : Наука. С. 186–200, 239–245.
- Гадло А. В., 1979. Этническая история Северного Кавказа (IV–X вв.). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 216 с.
- Генинг В. Ф., 1977. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII в. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа : Изд-во БФ ИИЯЛ АН СССР. С. 90–135.

- Голдина Р. Д., Перевозчикова С. А., Голдина Е. В., 2018. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 19. Ижевск : Удмурт. гос. ун-т. 720 с.
- Голофаст Л. А., 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. С. 96–260.
- Голофаст Л. А., 2002. Штампы на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. С. 135–216.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г., 2013. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-A и X-B) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVIII. С. 49–161.
- Горбунов В. С., 1984. Курганы кушнаренковского типа в Южной Башкирии // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа : Ин-т истории, яз. и лит. Башк. фил. АН СССР. С. 55–60.
- Горбунова Т. Г., 2010. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул : Азбука. 136 с.
- Горбунова Т. Г., Тишкин А. А., Хаврин С. В., 2009. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул : Азбука. 144 с.
- Городцов В. А., 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 году // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. XXIV. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко. С. 40–216.
- Даскалов М., 2012. Колани и коланни украси от VI–VII век (от днешна България и съседните земи). София : [б. и.]. 288 с.
- Жданович О. П., 2014. Посольство Земарха в ставку тюркского кагана (перевод и комментарии фрагментов труда Менандра Протектора) // Золотоордынское обозрение. № 2 (4). С. 6–20.
- Казаков Е. П., 2021. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник. Археология евразийских степей. Вып. 26. Казань : Фэн. 144 с.
- Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О., 2021. Священная Кедровая Роща: формирование и развитие религии салымских хантов в VI–XX веках. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 19. Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск ; Сургут : Изд. группа АНО «Ин-т археологии Севера». 170 с.
- Кляшторный С. Г., 2010. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. Orientalia. СПб. : Петербург. востоковедение. 328 с.
- Ковалевская В. Б., 1990. Традиции прорезных поясов в памятниках кудыргинского типа // Краткие сообщения института археологии. Вып. 199. С. 37–46.
- Ковалевская В. Б., 1995. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М. : Фонд археологии. 193 с.
- Ковалевская В. Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Пушино : ОНТИ ПНЦ РАН. 364 с.
- Ковалевская В. Б., 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М. ; Пушино : ОНТИ ПНЦ РАН. 398 с.
- Комар А. В., 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк : ДонНУ. С. 7–244.
- Комар А. В., 2010. Детали обуви восточноевропейских кочевников VI–VII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апр. 2006 г.). СПб. : Нестор-История. С. 94–115.
- Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С., 2006. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Причерноморья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк : ДонНУ. С. 245–374.
- Корзухина Г. Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. С. 352–435.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., 2023. Новые исследования Беспланского курганного катакомбного могильника // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 258–288.
- Король Г. Г., 2008. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. V. М. ; Кемерово : Кузбассвузиздат. 332 с.

- Кузнецов В. А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа. МИА. № 106. М. : Изд-во АН СССР. 134 с.
- Левина Л. М., 1994. Джетыясарская культура. Ч. 3–4. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV. М. : ИЭА РАН. 312 с.
- Левина Л. М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М. : Вост. лит. 396 с.
- Лещинская Н. А., 1995. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н. э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та. С. 88–127.
- Магомедов М. Г., 1983. Образование Хазарского каганата : По материалам археологических исследований и письменным данным. М. : Наука. 225 с.
- Мажитов Н. А., 1958. Отчет младшего научного сотрудника Мажитова Н.А. об археологических работах в зоне строительства Черниковского нефтеперерабатывающего завода г. Уфы в 1957 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 1639.
- Мажитов Н. А., 1959. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа : Изд-во ИИЯЛБФ АН СССР. С. 114–142.
- Мажитов Н. А., 1974. Научный отчет о раскопках I и II Бекешевских курганов в Башкирской АССР в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5007.
- Мажитов Н. А., 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука. 162 с.
- Малашев В. Ю., 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М. : ИА РАН. 149 с.
- Малашев В. Ю., Кадзаева З. П., 2021. Сильнопрофилированные фибулы середины III–IV в. н.э. // Российская археология. № 2. С. 54–72.
- Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М. : ИА РАН : Таус. 500 с.
- Менандр Византиец, 2003 // Византийские историки : Дескип, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Нонно и Феофан Византиец. Рязань : Александрия. С. 229–335
- Минаева Т. М., 1951. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. МИА. № 23. М.; Л. : Изд-во АН СССР. С. 273–301.
- Мищенко О. П., 2001. К вопросу о происхождении, хронологии и сакральном значении медных и бронзовых изделий со святилищ в Среднем Зауралье // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург : Банк культур. информации. Вып. 4. С. 140–150.
- Могильников В. А., 1969. Отчет о работах Иртышского отряда в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 400.
- Никитина Т. Б., 1999. История населения Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола : МарНИИ. 160 с.
- Останина Т. И., 2002. Кузбаевское городище. IV–V, VII вв. Ижевск : Изд. дом «Удмурт. ун-т». 112 с.
- Останина Т. И., Канунникова О. М., Степанов В. П., Никитин А. Б., 2011. Кузбаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск : Удмуртия. 218 с.
- Пашковский могильник, 2016. Т. 1. М. : ИА РАН ; СПб. : Нестор-История. 280 с.
- Петербургский И. М., 2011. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск : Красный Октябрь. 408 с.
- Поповић И., 1997. Златни аварски појас из околине Сирмијума. Београд : Култура. 96 с.
- Ранисавльев А., 2007. Раносредневековна некропола код Мокрина. Београд : Српско археолошко друштво. 139 с.
- Родинкова В. Е., 2020. Культурные связи населения Суджанского региона в эпоху Великого переселения народов // *Stratum plus*. № 5. С. 99–114.
- Русланова Р. Р., Русланов Е. В., 2022. Бирский и Кушнаренковский могильники эпохи раннего средневековья в свете новых полевых исследований // *Поволжская археология*. № 2 (40). С. 42–55.
- Сазонов А. А., 2009. Раннесредневековое захоронение с геральдическими бляшками могильника «Городской-3» // Пятнадцатые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир : Армав. гос. пед. ун-т. С. 26–30.
- Самоквасов Д. Я., 1908. Могилы русской земли. М. : Синод. тип. 276 с.
- Семенов В. А., 1976. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск : УдНИИ истории, яз. и лит. С. 3–50.

- Семенов В. А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск : НИИ при Совете министров Удмурт. АССР. С. 5–135.
- Семенов В. А., Корепанов К. И., 1972. Отчет о работе Удмуртской археологической экспедиции в 1971 г. Ижевск // Архив УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. № 149.
- Сериков Ю. Б., 2005. Святилище на вершине горы Голый Камень. Нижний Тагил : НТГСПА. 79 с.
- Скиба А. В., 2016. Поясні набори слов'ян: геральдичний стиль. Київ : Інститут археології НАН України. 236 с.
- Трайкова Л. А., 2017. Коланът южно от Долен Дунав края на III – началото VII в. Диссертации. Т. 10. София : Национален археологически институт с музей БАН. 556 с.
- Троицкая Т. Н., Бородавский. А. П., 1990. Погребения младенцев в курганах VII в. н.э. в Новосибирском Приобье: к вопросу об этнокультурных контактах и идеологии // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск : Наука. С. 149–162.
- Троицкая Т. Н., Новиков А.В., 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 152 с.
- Ушаков С. В., Филиппенко А. А., 2005. Могильник Карши-Баир в юго-западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла) // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев ; Судак : Академперіодика. С. 555–564.
- Флёрв В. С., 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных. М. : Полимеда. 164 с.
- Фурасев А. Г., 2010. Эволюция двупластинчатых фибул Крыма в V–VII вв. н.э. // Российская археология. № 4. С. 66–77.
- Хайнрих А., 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского естественно-исторического музея) // Аланы: история и культура. Т. III. Владикавказ : Сев.-осет. ин-т гуманитар. исслед. С. 184–258.
- Хайрединова Э. А., 2003. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии Вып. X. С. 125–160.
- Хайрединова Э. А., 2016. Ожерелья с крестами последней четверти VI–VII вв. из некрополя Эски-Кермена // Владимирский сборник : материалы Междунар. науч. конф. «I и II Свято-Владимирские чтения». Калининград : РОС-ДООАФК. С. 280–299.
- Чиндина Л. А., 1977. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та. 192 с.
- Шестопалова Э. Ю., 2018. Древний Дагом : (По материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI – VIII вв.). Владикавказ : ИПЦ ИП Цопанова А.Ю. 352 с.
- Шитов В. Н., 1988. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Саранск : Морд. кн. изд-во. С. 23–70.
- Bálint Cs., 1992. Der Gurtel im frumittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von Uč Tepe (Sowj. Azerbajdžan) // Awarenessforschungen. Bd. 1. Studien zur Archäologie der Awaren 4. Wien : Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien. S. 309–496.
- Balogh Cs., 2004. Martinovka-típusú övgarnitúra Kecelről. A Kárpát-medencei maszkosveretek tipokronológiája – Gürtelgarnitur des Typs Martinovka von Kecel. Die Typochronologie der Maskenbeschläge des Karpatenbeckens // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve : Studia archaeologica X. P. 241–303.
- Belinskij A. B., Härke H., 2018. Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus) : Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early Medieval Cemetery. Archäologie in Eurasien. Bd. 36. Bonn : Habelt Verlag. 416 p., 7 pl.
- Buzhilova A. P., Dobrovolskaya M. V., Mednikova M. B., Bogatenkov D. V., Lebedinskaya G. V., 2018. The Human Bones from Klin-Yar III and IV // Belinskij A. B., Härke H. Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus) : Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early Medieval Cemetery. Archäologie in Eurasien. Bd. 36. Bonn : Habelt Verlag. P. 134–183.
- Custurea G. Gh., 2019. Circulația monedei bizantine on Dobrogea (sec. VI–VIII) – Circulation of Byzantine Currency in Dobrudja (6th–8th c. AD). Constanța : Ex Ponto. 258 p.
- Dobos A., Operanu C. H., 2012. Migration Period and Early Medieval Cemeteries at Fântânele (Bistrița-Năsăud country). Cluj-Napoca : Mega Publishing House. 160 p.
- Fettich N., 1937. A honfoglaló magyarság féművessége – Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Archaeologia Hungarica. Vol. XXI. Budapest : Magyar Történeti Múzeum. 303 S.

- Gavritukhin I., 2018. Belt Sets from Alanic Graves : Chronology and Cultural Links // Belinskij A. B., Härke H. Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early Medieval Cemetery. Archäologie in Eurasien. Bd. 36. Bonn : Habelt Verlag. P. 49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258–259, 262, 272, 278–279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316–317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412, pl. 5.
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki : Finnische Altertumsgesellschaft : Weilin & Göös. 150 S., 147 Taf.
- Shulze-Dörrlamm M., 2002. Byzantinische gürtelschnallen und gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum I. Die Schnallen ohne Beschlag, mit laschen Beschlag und mit festem Beschlag des 5. bis 7. Jahrhunderts. Kataloge RGZM. Bd. 30-1. Mainz : Verlag des RGZM ; Bonn : dr. Rudolf Habelt GMBH. 262 S.
- Pekarskaja L. V., Kidd D., 1994. Der Silberschatz von Martynovka (Ukraina) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck : Wagner. 175 S.
- Tartari F., 1984. Një varrezë e mesjetës së hershme në Durrës – Un cimetière du haut Moyen-Âge à Durrës // Iliria. Vol. 14-1. P. 227–250.

REFERENCES

- Aybabin A.I., 1990. Khronologiya mogilnikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [Chronology of Burial Grounds of the Crimea of Late Roman and Early Medieval Periods]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. I, pp. 3-87, 175-241.
- Aybabin A.I., 1999. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma* [Ethnic History of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ. 352 p.
- Aybabin A.I., Khairedinova E.A., 2014. *Mogilnik u sela Luchistoye. Tom II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 godov* [Cemetery near the Village of Luchistoye. Vol. II. Excavations of 1984, 1986, 1991, 1993–1995]. Bosporskiye Issledovaniya. Supplementum 14. Kyiv, Mayster Knig Publ. 400 p.
- Aybabin A.I., Khairedinova E.A., 2017. *Krymskiye goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the Region of Dory (Mid-Third to Seventh Century)]. Simferopol, Antikva Publ. 368 p.
- Ambroz A.K., 1989. *Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza V–VII vv.* [Chronology of Antiquities of the 5th – 7th Centuries from the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ. 134 p.
- Afanasyev G. Ye., Runich A.P., 2001. *Mokraya Balka. Vyp. 1. Dnevnik raskopok* [Mokraya Balka Cemetery. Iss. 1. Journal of Excavations]. Moscow, Nauch. mir Publ. 252 p.
- Akhmedov I.R., Gavrilov A.P., 2017. Nakhodki matrits dlya izgotovleniya detaley geraldicheskikh poyasov v drevnostyakh ryazano-okskikh finnov [The Findings of Matrices for the Fabrication of Pars “Heraldic” Belts in the Antiquities of the Ryazan-Oka Finns]. *Stratum plus*, no. 5, pp. 17-39.
- Bagayev M.Kh., 2008. *Kultura gornoy Chechni i Dagestana v drevnosti i srednevekovye. VI v. do n.e. – XII v. n.e.* [The Culture of Mountainous Chechnya and Dagestan in the Antiquity and the Middle Ages. 6th Century BC – 12th Century AD]. Moscow, Nauka Publ. 455 p.
- Baypakov K.M., Smagulov Ye.A., Yerzhigitova A.A., 2005. *Rannesrednevekovyye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana* [Early Medieval Burial Sites of South Kazakhstan]. Almaty, BAUR Publ. 236 p.
- Bisembayev A.A., 2010. *Kochevniki srednevekovaya Zapadnogo Kazakhstana* [Middle Ages Nomads of the Western Kazakhstan]. Aktobe, IP Zhandilov S. T. 248 p.
- Bodyanskiy A.V., 1960. Arkheologicheskiye nakhodki v Dneprovskom nadporozhye [Archaeological Finds in the Dnieper Rapids Area]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 274-277.
- Veymarn Ye.V., 1963. Mogilnik bilya visoti «Sakhana Golivka» [Burial Ground at the Elevation “Sakhana Golivka”]. *Arkheologichni pam'yatki URSR* [Archaeological Monuments of the URSR], vol. XIII. Kyiv, AS Ukrainian SSR, pp. 42-63.
- Veymarn Ye.V., Aybabin A.I., 1993. *Skalistinskiy mogilnik* [Burial Ground Skalistoe]. Kyiv, Naukova dumka Publ. 204 p.
- Velkov K., 2009. Grobove ot rannovizantiyski nekropol (VI – nachaloto na VII v.) kray grad Karnobat [Graves from the Early Byzantine Necropolis (6th – Early 7th Century) Near the Town of Karnobat]. *Spasitelni*

- arkheologicheski prouchvaniya po traseto na AM «TrakiYA», LOT 5, obkhoden pt na grad Karnobat, km 6+400 – 6+800* [Rescue Archaeological Research Along the Route of AM “Trakia”, LOT 5, Karnobat City Bypass, km 6+400 - 6+800]. Varna, Zograf Publ., pp. 152-158.
- Vinogradov V.B., Mamayev Kh.M., 1979. Nekotoryye voprosy rannesrednevekovoy istorii i kultury naseleniya Checheno-Ingushetii [Some Issues of the Early Medieval History and Culture of the Population of Chechen-Ingushetia]. *Arkheologiya i voprosy etnicheskoy istorii Severnogo Kavkaz* [Archeology and Issues of Ethnic History of the North Caucasus]. Groznyy, CheSU, pp. 63-86.
- Voronov Yu.N., 2003. *Mogily apsilov. Itogi issledovaniya nekropolya Tsibiliyuma v 1977–1986 godakh* [The Graves of the Apsils. The Results of the Investigation of the Cibilium Necropolis in 1977–1986]. Pushchino, ONTIPNTS RAS. 348 p.
- Vyazov L.A., Grishakov V.V., Myasnikov N.S., 2016. Osobennosti keramicheskikh kompleksov pamyatnikov Srednego Posurya epokhi velikogo pereseleniya narodov [Features of Ceramic Complexes from the Middle Sura Region in the Period of Great Migration]. *Voyadzh: mir i chelovek* [Voyager: World and Man], no. 6, pp. 66-111.
- Gabuyev T.A., Malashev V.Yu., 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentralnykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Early Alan Sites of the Central Regions of the North Caucasus]. Moscow, Taus Publ. 468 p.
- Gavrilova A.A., 1965. *Mogilnik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen* [Kudyrge Burial Ground as a Source on the History of Altai Tribes]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 144 p.
- Gavritukhin I.O., 1994. Pryazhki s korobchatoy petley [Buckles with a Box Loop]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. IV, pp. 201-214.
- Gavritukhin I.O., 1996. K izucheniyu remennykh garnitur Povolzhya VI–VII vv. [To the Study of the Belt Sets of the 6th–7th Centuries from Volga Region]. *Kultury Yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e.* [Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of the 1st Millennium AD]. Samara, Samara Regional Museum of History and Local Lore, pp. 115-133.
- Gavritukhin I.O., 1999. V-obraznyye pryazhki, izgotovlennyye vmeste so shchitovidnoy oboymoy [B-shaped Buckles with a Fixed Plate in the Form of a Shield]. *Permskiy mir v rannem srednevekovye. Archaeologia Permica.* [Perm World in the Early Middle Ages. Archaeologia Permica], iss. 1. Izhevsk, UIHLL UB RAS, pp.160-209.
- Gavritukhin I.O., 2001a. Evolyutsiya vostochnoyevropeyskikh psevdopryazhek [Evolution of Eastern European Pseudo-Buckles]. *Kultury yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tys. n. e. (iz istorii kostyuma)* [Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of the 1st Millennium AD (From Costume History)]. Samara, Samara Regional Museum of History and Local Lore, pp. 31-86.
- Gavritukhin I.O., 2001b. Periodizatsiya rannesrednevekovykh drevnostey Kislovodskoy kotloviny na osnove keramiki v svete izucheniya izdeliy iz metalla [Periodization of the Early Medieval Antiquities of the Kislovodsk Basin Based on Ceramics in the Light of the Study of Metalware]. Malashev V.Yu. *Keramika rannesrednevekovogo mogilnika Mokraya Balka* [Ceramics of the Early Medieval Burial Ground of Mokraya Balka]. Moscow, IA RAS, pp. 40-49, 146-148.
- Gavritukhin I.O., 2001v. Khronologiya «sredneavarskogo» perioda [Chronology of the “Middle Avar” Period]. *Stepi Yevropy v epokhu srednevekovya* [Steppes of Europe in the Middle Ages]. Trudy po arkheologii. T. 2. Khazaraskoye vremya [Works on Archeology. Vol. 2. Khazar Time]. Donetsk, DonSU, pp. 45-162.
- Gavritukhin I.O., 2002. Fibuly i remennyye garnitury iz tsisterny P-1967 g. v Khersonese [Fibulae and Belt Sets from the Cistern P-1967 in Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. IX, pp. 217-228.
- Gavritukhin I.O., 2005. Khronologiya epokhi stanovleniya khazarского kaganata [The Chronology of the Epoch of the Establishment of the Khazarpan Qaganate]. *Khazary. Yevrei i slavyane* [Khazars. Jews and Slavs]. Vol. 16. Iyerusalim, Gersheim Publ., Moscow, Mosty kultury Publ., pp. 378-426.
- Gavritukhin I.O., 2010a. Nakhodka iz Suprut v kontekste vostochnoyevropeyskikh silno profilirovannykh fibul [A Finding from Supruty in the Context of Eastern European Highly Profiled Fibulae]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Yevropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration of Peoples]. Conference 2, part 1. Tula, The Museums of Kulikovo Field, IA RAS, pp. 49-68.
- Gavritukhin I.O., 2010b. Vizantiyskiye podvyaznyye fibuly s S-vidnoy petley dlya osi pruzhiny. Nakhodka k severu i vostoku ot Dunaya [Byzantine Fibulae with Returned Foot and S-shaped Loop for the Spring Axis. Finds to the North and East of the Danube]. *Arkheologiya Vostochnoy Yevropy v I tysyacheletii n.e. Problemy i*

- materialy* [Archaeology of Eastern Europe in the 1st Millennium AD. Problems and Materials]. Ranneslavyanskiy mir, iss. 13. Moscow, IA RAS, pp. 35-89.
- Gavritukhin I.O., 2022. Glava 6. Detali remennykh garnitur «geraldicheskogo» stilya [Chapter 6. Details of Belt Sets of “Heraldic” Style]. *Torgovo-remeslennyi kompleks u s. Stayevo v verkhovyakh r. Voronezh (konets V – VII vv.) i nekotoryye problemy arkheologii Verkhnego Podonya epokhi rannego Srednevekovya* [Trade and Craft Complex near the Village Staevo in the Upper Reaches of the River Voronezh (the End of the 5th – 7th Centuries) and Some Problems of Archeology of the Upper Don Region of the Early Middle Ages]. Ranneslavyanskiy mir, iss. 21. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 95-121, 443-454, 540.
- Gavritukhin I.O., Astafyev A. Ye., Bogdanov Ye.S., 2019. Fibuly s poseleniya Karakabak (poluostrov Mangyshlak) [Fibulas from Settlement Karakabak (Mangystau Peninsula)]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 3 (29), pp. 170-189.
- Gavritukhin I.O., Ivanov A.G., 1999. Pogrebeniye 552 Varninskogo mogilnika i nekotoryye voprosy izucheniya rannesrednevekovykh kultur Povolzhya [Grave 552 of the Varni Burial Ground and Some Questions of the Study of Early Medieval Cultures of the Volga Region]. *Permskiy mir v rannem srednevekovye* [Perm World in the Early Middle Ages]. *Archaeologia Permica* [Archaeologia Permica], iss. 1. Izhevsk, UIHLL UB RAS, pp. 99-159.
- Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M., 1996. *Gaponovskiy klad i yego kulturno-istoricheskiy kontekst* [The Gaponovo Hoard and its Cultural and Historical Context]. Ranneslavyanskiy mir, iss. 3. Moscow, IA RAS. 295 p.
- Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M., Torgoyev A.I., 2022. Prilozheniye 1. Antropomorfnyye amulety-figurki iz Stayevo na fone nakhodok iz Yevrazii [Appendix 1. Anthropomorphic Amulets-Figurines from Staevo Against the Background of Findings from Eurasia]. *Torgovo-remeslennyi kompleks u s. Stayevo v verkhovyakh r. Voronezh (konets V – VII vv.) i nekotoryye problemy arkheologii Verkhnego Podonya epokhi rannego Srednevekovya* [Trade and Craft Complex near the Village Staevo in the Upper Reaches of the River Voronezh (the End of the 5th – 7th Centuries) and Some Problems of Archeology of the Upper Don Region of the Early Middle Ages]. Ranneslavyanskiy mir, iss. 21. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 170-226, 487-509, 542.
- Gavritukhin I.O., Pyankov A.V., 2003. Tamanskiy poluostrov i Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye. Rannesrednevekovyye drevnosti poberezhya [The Taman Peninsula and the North-Eastern Black Sea Region. Early Medieval Antiquities of the Coast]. *Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkazye v epokhu srednevekovya. IV-XIII veka. Arkheologiya* [Crimea, the North-Eastern Black Sea Region and Transcaucasia in the Middle Ages. IV-XIII Centuries. Archaeology]. Moscow, Nauka Publ., pp. 186-200, 239-245.
- Gadlo A.V., 1979. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza (IV–X vv.)* [Ethnic History of the North Caucasus (4th – 10th Centuries)]. Leningrad, Leningrad University. 216 p.
- Gening V.F., 1977. Pamyatniki u s. Kushnarenkovo na r. Beloy (VI–VII v. n.e.) [Sites Near the Village of Kushnarenkovo on the Belaya River (6th–7th Centuries AD)]. *Issledovaniya po arkheologii Yuzhnogo Urala* [Research on the Archaeology of the Southern Urals]. Ufa, BB IHLL AS RAS, pp. 90-135.
- Goldina R.D., Perevozchikova S.A., Goldina Ye.V., 2018. *Mogilnik VI–IX vv. u d. Verkh-Saya v Kungurskoy lesostepi* [The Burial Ground of the 6th – 9th Centuries near the Village of Verh-Saya in the Kungur Forest-Steppe]. *Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii*, vol. 19. Izhevsk, UdsU. 720 p.
- Golofast L.A., 2001. Steklo rannevizantiyskogo Khersonesa [Glass from Early Byzantine Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. VIII, pp. 96-260.
- Golofast L.A., 2002. Shtampy na posude gruppy «Fokeyskey krasnolakovoy» iz raskopok Khersonesskogo gorodishcha [Stamps on the Phokaeon Fine Ware from the Excavations of the Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. IX, pp. 135-216.
- Golofast L.A., Ryzhov S.G., 2013. Severnyy rayon Khersonesa v rannevizantiyskoye vremya (kvartaly X, X-A i X-B) [Northern District of Chersonesos in Early Byzantine Period (Blocks X, X-A and X-B)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XVIII, pp. 49-161.
- Gorbulov V.S., 1984. Kurgany kushnarenkovskogo tipa v Yuzhnoy Bashkirii [Mounds of Kushnarenkovo Type in Southern Bashkiria]. *Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Monuments of the Nomads of the Southern Urals]. Ufa, BB IHLL AS RAS, pp. 55-60.

- Gorbunova T.G., 2010. *Rekonstruktsiya konskogo snaryazheniya srednevekovykh kochevnikov Altaya: metodika i nekotoryye rezultaty* [Reconstruction of Horse Equipment of Altai Medieval Nomads: Method and Some Results]. Barnaul, Azbuka Publ. 136 p.
- Gorbunova T.G., Tishkin A.A., Khavrin S.V., 2009. *Srednevekovyye ukrasheniya konskogo snaryazheniya na Altaye: morfologicheskii analiz, tekhnologii izgotovleniya, sostav splavov* [Medieval Decorations of Horse Equipment in Altai: Morphological Analysis, Manufacturing Techniques, Composition of Alloys]. Barnaul, Azbuka Publ. 144 p.
- Gorodtsov V.A., 1914. Arkheologicheskiye issledovaniya v okrestnostyakh g. Muroma v 1910 godu [Archaeological investigations in the vicinity of Murom in 1910]. *Drevnosti. Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Antiquities. Proceedings of the Imperial Moscow Archaeological Society], vol. XXIV. Moscow, Tip. G. Lissnera i D. Sovko, pp. 40-216.
- Daskalov M., 2012. *Kolani i kolanni ukrasi ot VI–VII vek (ot dneshna Blgariya i sosednite zemi)* [The 6th – 7th Century Belts Sets and Belts Ornaments of (Based on Artifacts from Present-Day Bulgaria and Neighboring Territories)]. Sofiya, s.n. 288 p.
- Zhdanovich O.P., 2014. Posolstvo Zemarkha v stavku tyurkskogo kagana (perevod i kommentarii fragmentov truda Menandra Protektora) [The Embassy of Zemarkh to the Residents of the Turkic Kagan (Fragmentary Translation and Commentary of the Work of Menander Protector)]. *Zolotoordynskoye obozreniye* [Golden Horde Review], no. 2 (4), pp. 6-20.
- Kazakov Ye.P., 2021. *Volgo-Kamyje v epokhu tyurkskikh kaganatov. Kniga pervaya. Kominternovskiy II mogilnik* [Volga-Kama Region in the Epoch of the Turkic Khaganates. The First Book. Burial Ground Komintern II]. *Arkheologiya yevraziyskikh stepey*, iss. 26. Kazan, Fen Publ. 144 p.
- Kardash O.V., Slesarenko I.V., Rodin S.O., 2021. *Svyashchennaya Kedrovaya Roshcha: formirovaniye i razvitiye religii salymskikh khantov v VI–XX vekakh* [Svyashchennaya Kedrovaya Roshcha (Sacred Cedar Grove): Formation and Development of Salym Khanty Religion in 6th – 20th Centuries]. Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo, iss. 19. Khanty-Mansiysk, Nefteyugansk, Surgut, Autonomous non-profit organization “Institute of Archeology of the North”. 170 p.
- Klyashtornyy S.G., 2010. *Runicheskiye pamyatniki Uygurskogo kaganata i istoriya yevraziyskikh stepey* [The Runic Monuments of the Uighur Khaganate and the History of the Eurasian Steppes]. *Orientalia*. Saint Petersburg, Peterburgskoye vostokovedeniye Publ. 328 p.
- Kovalevskaya V.B., 1990. Traditsii proreznnykh poyasov v pamyatnikakh kudyrginskogo tipa [Traditions of Belt Sets with Slits from the Sites of Kudyrge Type]. *Kratkie soobscheniya institute arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 199, pp. 37-46.
- Kovalevskaya V.B., 1995. *Arkheologicheskaya kultura – praktika, teoriya, kompyuter* [Archaeological Culture – Practice, Theory, Computer]. Moscow, Archeology Foundation. 193 p.
- Kovalevskaya V.B., 2000. *Kompyuternaya obrabotka massovogo arkheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamyatnikov Yevrazii* [Computer Processing of Mass Archaeological Material from Early Medieval Sites of Eurasia]. Pushchino, ONTI PNTS RAS. 364 p.
- Kovalevskaya V.B., 2005. *Kavkaz – skify, sarmaty, alany I tys. do n.e. – I tys. n.e.* [Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans of the 1st thousand BC – 1st thousand AD]. Moscow, Pushchino, ONTI PNTS RAS. 398 p.
- Komar A.V., 2006. Pereshchepinskiy kompleks v kontekste osnovnykh problem istorii i kultury kochevnikov Vostochnoy Yevropy VII – nachala VIII v. [Pereshchepina Complex in Context of Pivotal Problems of History and Culture of the Nomads of Eastern Europe (7th – Early 8th Centuries)]. *Stepi Yevropy v epokhu srednevekovya. Khazarskoye vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar time], vol. 5. Donetsk, DonNU, pp. 7-244.
- Komar A.V., 2010. Detali obuvi vostochnoyevropeyskikh kochevnikov VI–VII vv. [Fragments of the Eastern European Nomads’ Footwear, 6th – 7th Centuries AD]. *Slavyano-russkoye yuvelirnoye delo i yego istoki: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya Gali Fedorovny Korzukhinoy (Sankt-Peterburg, 10–16 apr. 2006 g.)* [Slavic-Russian Jewelry and its Origins. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Galya Fedorovna Korzukhina (Saint Petersburg, April 10–16, 2006)]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 94-115.
- Komar A.V., Kubyshev A.I., Orlov R.S., 2006. Pogrebeniya kochevnikov VI–VII vv. iz Severo-Zapadnogo Priazovya [Nomad Burials of the 6th–7th Centuries from North-Western Azov Riaches]. *Stepi Yevropy v epokhu srednevekovya. Khazarskoye vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar time], vol. 5. Donetsk, DonNU, pp. 245-374.

- Korzukhina G.F., 1996. Klady i sluchaynyye nakhodki veshchey kruga «drevnostey antov» v Srednem Podneprovye [Treasures and Casual Finds of Things from “Antiquities of the Antae” in the Middle Dnieper Region]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. V, pp. 352-435.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., 2023. Novyye issledovaniya Beslanskogo kurgannogo katakombnogo mogilnika [New Research on the Beslan Kurgan Catacomb Burial Mound]. *Nizhevolzhskiy Archeologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 258-288.
- Korol G.G., 2008. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Yevrazii. Ocherki* [The Art of Medieval Eurasian Nomads. Essays]. Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, iss. V. Moscow, Kemerovo, Kuzbassvuzizdat. 332 p.
- Kuznetsov V.A., 1962. *Alanskiye plemena Severnogo Kavkaza* [Alan Tribes of the North Caucasus]. Materialy i issledovaniya po arkhologii, no. 106. Moscow, AS USSR. 134 p.
- Levina L.M., 1994. *Dzhetyasarская культура. Ч. 3–4* [Dzhetyasar Culture. Part 3–4.]. Nizovaya Syrdari v drevnosti, iss. IV. Moscow, IEARAS. 312 p.
- Levina L.M., 1996. *Etnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaralya* [Ethnocultural History of the Eastern Aral Sea Region]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 396 p.
- Leshchinskaya N.A., 1995. Khronologiya i periodizatsiya mogilnikov basseyna r. Vyatki (I – nachalo II tys. n. e.) [Chronology and Periodization of Burial Grounds of the Vyatka River Basin (1st – early 2nd Millennium AD)]. *Tipologiya i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoy Yevropy* [Typology and Dating of Archaeological Materials from Eastern Europe]. Izhevsk, UdSU, pp. 88-127.
- Magomedov M.G., 1983. *Obrazovaniye Khazarskogo kaganata: Po materialam arkheologicheskikh issledovaniy i pismennym dannym* [Formation of the Khazar Khaganate. Based on Archaeological Research Materials and Written Data]. Moscow, Nauka Publ. 225 p.
- Mazhitov N.A., 1958. Otchet mladshego nauchnogo sotrudnika Mazhitova N.A. ob arkheologicheskikh rabotakh v zone stroitelstva Chernikovskogo neftepererabatyvayushchego zavoda g. Ufy v 1957 godu [Report of Junior Researcher Mazhitov N.A. on Archaeological Works in the Construction Zone of the Chernikov Oil Refinery in Ufa in 1957]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 1639.
- Mazhitov N.A., 1959. Kurganny mogilnik v derevne Novo-Turbasly [Burial Mounds in Novo-Turbasly Village]. *Bashkirskiy arkheologicheskii sbornik* [Bashkir Archaeological Collection]. Ufa, BB IHLL AS USSR, pp. 114-142.
- Mazhitov N.A., 1974. Nauchnyy otchet o raskopkakh I i II Bekeshevskikh kurganov v Bashkirskoy ASSR v 1973 g. [Scientific Report on the Excavations of the I and II Bekeshevo Mounds in the Bashkir ASSR in 1973]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 5007.
- Mazhitov N.A., 1981. *Kurgany Yuzhnogo Urala VIII–XII vv.* [Southern Ural Mounds of the 8th –12th Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 162 p.
- Malashev V.Yu., 2001. *Keramika rannesrednevekovogo mogilnika Mokraya Balka* [Ceramics of the Early Medieval Burial Ground Mokraya Balka]. Moscow, IA RAS. 149 p.
- Malashev V.Yu., Kadzayeva Z.P., 2021. Silnoprofilirovannyye fibuly serediny III–IV v. n.e. [Highly Profiled Fibulae of the Middle of the 3rd – 4th Century AD]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 54-72.
- Mastykova A.V., 2009. *Zhenskiy kostyum Tsentralnogo i Zapadnogo Predkavkazy v kontse IV – seredine VI v.* [Female Costume of the Central and Western Ciscaucasia in the Late 4th – mid 6th Century AD]. Moscow, IA RAS, Taus Publ. 500 p.
- Menandr Vizantiyets [Menander the Byzantine], 2003. *Vizantiyskiye istoriki: Deskip, Evnapiy, Olimpodor, Malkh, Petr Patrityy, Menandr, Kandid, Nonnoye i Feofan Vizantiyets* [Byzantine Historians: Deskipus, Eunapius, Olympiodorus, Malchus, Peter the Patrician, Menander, Candide, Nonnoe and Theophan the Byzantine]. Ryazan, Aleksandriya Publ., pp. 229-335.
- Minayeva T.M., 1951. Arkheologicheskiye pamyatniki na r. Gilyach v verkhovnykh Kubani [Archaeological Sites on the Gilyach River in the Upper Reaches of the Kuban]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archeology of the North Caucasus]. Materialy i issledovaniya po arkhologii, no. 23. Moscow, Leningrad, AS USSR, pp. 273-301.
- Mishchenko O.P., 2001. K voprosu o proiskhozhdenii, khronologii i sakralnom znachenii mednykh i bronzovykh izdeliy so svyatilishch v Srednem Zauralye [On the Question of the Origin, Chronology and Sacred Significance

- of Copper and Bronze Products from Sanctuaries in the Middle Urals]. *Okhrannyye arkheologicheskiye issledovaniya na Srednem Urale* [Preventive Archaeological Research in the Middle Ural], iss. 4. Yekaterinburg, Bank kulturnoy informatsii Publ., pp. 140-150.
- Mogilnikov V.A., 1969. Otchet o rabotakh Irtyshskogo otryada v 1969 g. [Report on Working of the Irtysh Squad in 1969]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 400.
- Nikitina T.B., 1999. *Istoriya naseleniya Mariyskogo kraya v I tys. n. e. (po materialam mogilnikov)* [The History of the Population of the Mari Region in the 1st Millennium AD (Based on the Materials of Burial Grounds)]. Yoshkar-Ola, MarSRI. 160 p.
- Ostanina T.I., 2002. *Kuzebayevskoye gorodishche. IV–V, VII vv.* [Kuzebaev Hillfort. IV–V, VII Centuries]. Izhevsk, Udmurtskiy universitet Publ. 112 p.
- Ostanina T.I., Kanunnikova O.M., Stepanov V.P., Nikitin A.B., 2011. *Kuzebayevskiy klad yuvelira VII v. kak istoricheskiy istochnik* [Kuzebaev Jeweler's Hoard of the 7th Century as a Historical Source]. Izhevsk, Udmurtiya Publ. 218 p.
- Pashkovskiy mogilnik* [Pashkovskaya Burial Ground], 2016. Vol. 1. Moscow, IA RAS, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 280 p.
- Peterburgskiy I.M., 2011. *Materialnaya i dukhovnaya kultura mordvy v VII–X vv.* [The Material and Spiritual Culture of the Mordva in the 7th – 10th Centuries]. Saransk, Krasnyy Oktyabr Publ. 408 p.
- Popovich I., 1997. *Zlatni avarski pojas iz okoline Sirmijuma* [Golden Avarian Belt from the Vicinity of Sirmium]. Beograd, Kultura Publ. 96 p.
- Ranisavljev A., 2007. *Ranosrednjovekovna nekropola kod Mokrina* [Early Medieval Burial Ground near Mokrin]. Beograd, Srpsko arkeolosko drushtvo. 139 p.
- Rodinkova V.Ye., 2020. Kulturnyye svyazi naseleniya Sudzhanskogo regiona v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Cultural Connections of the Sudzha Region Population in the Migration Period]. *Stratum plus*, no. 5, pp. 99-114.
- Ruslanova R.R., Ruslanov Ye.V., 2022. Birskiy i Kushnarenkovskiy mogilniki epokhi rannego srednevekovya v svete novykh polevykh issledovaniy [Birsk and Kushnarenkovo burial grounds of the Early Middle Ages in the light of new field research]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (40), pp. 42-55.
- Sazonov A.A., 2009. Rannesrednevekovoye zakhroneniye s geraldicheskimi blyashkami mogilnika «Gorodskoy-3» [The Early Medieval Burial with Heraldic Belt Mounts from Burial Ground “Gorodskoy-3”]. *Pyatnadsatyye chteniya po arkheologii Sredney Kubani* [Fifteenth Readings on the Archeology of the Middle Kuban]. Armavir, ASPU, pp. 26-30.
- Samokvasov D.Ya., 1908. *Mogily russkoy zemli* [Graves of the Russian Land]. Moscow, Sinodalnaya Tipografiya. 276 p.
- Semenov V. A., 1976. Petropavlovskiy mogilnik [Petropavlovskaya Burial Ground]. *Voprosy arkheologii Udmurtii* [Issues of Archeology of Udmurtia]. Izhevsk, UdSRI History, Language and Literature, pp. 3-50.
- Semenov V.A., 1980. Varninskiy mogilnik [Varni Burial Ground]. *Novyy pamyatnik polomskoy kultury* [New Monument of Polom Culture]. Izhevsk, Research Institute under the Council of Ministers of the Udmurt ASSR, pp. 5-135.
- Semenov V.A., Korepanov K.I., 1972. Otchet o rabote Udmurtskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1971 g. [Report on the Working of the Udmurtia Archaeological Expedition in 1971]. *Arkhiv UIIYAL URO RAN*, RF, op. 2-N, no. 149.
- Serikov Yu.B., 2005. *Svyatilishche na vershine gory Golyy Kamen* [The Sanctuary on the Top of the Golyy Kamen (Bare Stone) Mountain]. Nizhniy Tagil, NTGSPA. 79 p.
- Skiba A. V., 2016. *Poyasni nabori slov'yan: geraldichniy stil* [Belt Sets of Slavs: Heraldic Style]. Kyiv, Institute of Archaeology NAS of Ukraine. 236 p.
- Traykova L.A., 2017. *Kolant yuzhno ot Dolen Dunav kraya na III – nachaloto VII v. Dissertatsii* [The Belt South of the Lower Danube – the End of the 3rd – Beginning of the 7th Centuries. Dissertations], vol. 10. Sofiya, Natsionalen arkheologicheski institut s muzey BAN. 556 p.
- Troitskaya T.N., Borodovskiy A.P., 1990. Pogrebeniya mladentsev v kurganakh VII v. n.e. v Novosibirskom Priobye: k voprosu ob etnokulturnykh kontaktakh i ideologii [Burials of Infants in Burial Mounds of the 7th Century AD in the Novosibirsk Part of Ob Region: on the Issue of Ethno-Cultural Contacts and Ideology].

- Mirovozzreniye finno-ugorskikh narodov* [Worldview of the Finno-Ugric Peoples]. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 149-162.
- Troitskaya T.N., Novikov A.V., 1998. *Verkhneobskaya kultura v Novosibirskom Priobye* [Verkhneobskaya (Upper Ob) Culture in the Novosibirsk Part of Ob Region]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 152 p.
- Ushakov S.V., Filippenko A.A., 2005. Mogilnik Karshi-Bair v yugo-zapadnom Krymu. Pogrebalnyy inventar (izdeliya iz metalla) [Karshi-Bair Burial Ground in the South-Western Crimea. Funeral Equipment (Metalware)]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdea Collection], iss. II. Kyiv, Sudak, Akadempriodika Publ., pp. 555-564.
- Flerov V.S., 2000. *Alany Tsentralnogo Predkavkazy V–VIII vv.: obryad obezvrezhivaniya pogrebennykh* [Alans of the Central Caucasus Foothills in the 5th–8th Centuries: Prophylactic Rite Directed Against the Dead]. Moscow, Polimedia Publ. 164 p.
- Furasyev A.G., 2010. Evolyutsiya dvuplastinchatykh fibul Kryma v V–VII vv. n.e. [Evolution of Two-Plate Fibulae of the Crimea in the 5th–7th Centuries AD]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 66-77.
- Heinrich A., 1995. Rannesrednevekovyye katakombnyye mogilniki u seleniy Chmi i Koban (po materialam Venskogo Yestestvenno-Istoricheskogo muzeya) [Early Medieval Catacomb Burial Grounds near Chmi and Koban Villages (Based on the Materials of the Natural History Museum Vienna)]. *Alany: istoriya i kultura* [Alans: History and Culture], vol. III. Vladikavkaz, SOIHR, pp. 184-258.
- Khayredinova E.A., 2003. Obuvnyye nabory V–VII vv. iz Yugo-Zapadnogo Kryma [Footwear Sets Dating Back to the 5th–7th Centuries in the South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. X, pp. 125-160.
- Khayredinova E. A., 2016. Ozherelya s krestami posledney chetverti VI–VII vv. iz nekropolya Eski-Kermena [Necklaces with Crosses of the Last Quarter of the 6th–7th Centuries from the Necropolis of Eski-Kermen]. *Vladimirskiy sbornik: materialy Mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsiy «I i II Svyato-Vladimirskiy chteniya»* [Vladimir Collection: Materials of the International Scientific Conferences “I and II St. Vladimir Readings”]. Kaliningrad, ROS-DOAFK Publ., pp. 280-299.
- Chindina L.A., 1977. *Mogilnik Relka na Sredney Obi* [Relka Burial Ground on the Middle Ob]. Tomsk, TSU. 192 p.
- Shestopalova E. Yu., 2018. *Drevniy Dagom (Po materialam arkheologicheskikh raskopok Dagomskogo katakombnogo mogilnika VI–VIII vv.)* [Ancient Dagom (Based on the Materials of Archaeological Excavations of the Dagom Catacomb Burial Ground of the 6th–8th Centuries)]. Vladikavkaz, IPTS IP Tsopanova A. Yu. Publ. 352 p.
- Shitov V.N., 1988. Starokadomskiy mogilnik [Staryy Kadom Burial Ground]. *Materialy po arkheologii Mordovii* [Materials on the Archeology of Mordovia]. Saransk, Mordovskoye kn. izd-vo, pp. 23-70.
- Bálint Cs., 1992. Der Gurtel im frumittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von Uč Tepe (Sowj. Azerbajdzan). *Awarenforschungen*. Bd. 1. Studien zur Archäologie der Awaren 4. Wien, Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, S. 309-496.
- Balogh Cs., 2004. Martinovka-típusú övgarnitúra Kecelről. A Kárpát-medencei maszkosveretek tipokronológiája - Gürtelgarnitur des Typs Martinovka von Kecel. Die Typochronologie der Maskenbeschlüge des Karpatenbeckens. *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve: Studia archaeologica X*, pp. 241-303.
- Belinskij A.B., Härke H., 2018. *Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early Medieval Cemetery*. Archäologie in Eurasien, Bd. 36. Bonn, Habelt Verlag. 416 p., 7 pl.
- Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V., 2018. The Human Bones from Klin-Yar III and IV. Belinskij A.B., Härke H. *Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early Medieval Cemetery*. Archäologie in Eurasien, Bd. 36. Bonn, Habelt Verlag, pp. 134-183.
- Custurea G.Gh., 2019. *Circulația monedei bizantine on Dobrogea (sec. VI–VIII) – Circulation of Byzantine Currency in Dobruđa (6th–8th c. AD)*. Constanța, Ex Ponto. 258 p.
- Dobos A., Operanu C.H., 2012. *Migration Period and Early Medieval Cemeteries at Fântânele (Bistrița-Năsăud country)*. Cluj-Napoca, Mega Publishing House. 160 p.
- Fettich N., 1937. *A honfoglaló magyarság fémművészége – Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn*. Archaeologia Hungarica, vol. XXI. Budapest, Magyar Történeti Múzeum. 303 S.
- Gavritukhin I., 2018. Belt Sets from Alanic Graves: Chronology and Cultural Links. Belinskij A.B., Härke H. *Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early*

Medieval Cemetery. Archäologie in Eurasien, Bd. 36. Bonn, Habelt Verlag. pp. 49-96, 217-236, 241-244, 246-247, 255, 258-259, 262, 272, 278-279, 281-283, 289, 292-294, 297-299, 301, 308, 310-314, 316-317, 321-324, 334, 340, 357-359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412, pl. 5.

Kivikoski E., 1973. *Die Eisenzeit Finnlands*. Helsinki, Finnische Altertumsgesellschaft, Weilin & Göös. 150 S., 147 Taf.

Shulze-Dörrlamm M., 2002. *Byzantinische gürtelschnallen und gürtelbeschlage im Römisch-Germanischen Zentralmuseum I. Die Schnallen ohne Beschlag, mit laschen Beschlag und mit festem Beschlag des 5. bis 7. Jahrhunderts*. Kataloge RGZM, Bd. 30-1. Mainz, Verlag des RGZM, Bonn, dr. Rudolf Habelt GMBH. 262 S.

Pekarskaja L.V., Kidd D., 1994. *Der Silberschatz von Martynovka (Ukraina) aus dem 6. und 7. Jahrhundert*. Innsbruck, Wagner. 175 S.

Tartari F., 1984. Një varrezë e mesjetës së hershme në Durrës – Un cimetière du haut Moyen-Âge à Durrës. *Iliria*, vol. 14-1, pp. 227-250.

Information About the Author

Igor O. Gavritukhin, Senior Researcher, Department of Archaeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, gavritukhin@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2209-0644>

Информация об авторе

Игорь Олегович Гавритухин, старший научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, gavritukhin@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2209-0644>